

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

95

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ВЕ   -НИ
ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ СОВЕТСКИХ   ЕОЛОГОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

95

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ
ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Е. А. Векилова, Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь),
Д. Б. Шелов* и секретари секторов Института археологии АН СССР

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

И. Б. ЗЕЕСТ

АНТИЧНЫЙ ГОРОД СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Изучение античного рабовладельческого полиса в советской археологии связано главным образом с изучением тех городов, раскопки которых осуществлялись на территории Советского Союза. Научное археологическое исследование городов Северного Причерноморья было заложено Б. В. Фармаковским, впервые поставившим целью раскопок изучение истории города, его экономики и культуры. В современной советской археологии изучение города стало одной из основных задач, связанных с проблемой исторического процесса развития античного рабовладельческого общества в Северном Причерноморье, в Средней Азии и Закавказье. В результате работ советских археологов получен большой материал, раскрывающий особенности градостроительства, хозяйства, культуры и других сторон общественной жизни больших и малых городов. Эти данные позволяют проследить некоторые закономерные черты в развитии античных городов и понять локальные особенности исторических путей их развития.

Основные итоги этих исследований стали предметом обсуждения на конференции, посвященной вопросу изучения античного города, которая была проведена Институтом археологии АН СССР в 1960 г.¹

Круг вопросов, связанных с проблемой исторического развития городов Северного Причерноморья, очень разнообразен и широк. Нам представляется возможным остановиться только на тех из них, решение которых наиболее важно на современном этапе советской античной археологии.

Прежде всего это вопрос о доколониационном периоде, или периоде эмпориев. Район Северного Причерноморья был хорошо известен грекам с давних времен благодаря эпизодическим посещениям этих мест греческими мореходами, а затем основанию там многочисленных торговых факторий и эмпориев, при посредстве которых греческие купцы установили постоянные торговые связи с местными племенами, прежде чем здесь были основаны переселенцами города². О жизни эмпориев у нас пока нет

¹ Г. А. Цветаева. Конференция по истории и археологии античного города. СА, 1961, № 3, стр. 320; Н. И. Соколовский. Античный город. ВДИ, 1961, № 2, стр. 170.

² Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Таганис в VII—V вв. до н. э. «Известия ГАИМК», вып. 104, 1935, стр. 107; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 7 и сл.; Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 9, 10; В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 16, и другие труды.

достаточно ясных исторических сведений, но то, что небольшие поселения, имевшие преимущественно торговое значение, существовали, убедительно засвидетельствовано находками греческих привозных изделий в богатых погребениях местной племенной знати, относящихся к VII—VI вв. до н. э., т. е. ко времени, когда греческие города еще не были основаны в этих местах. Эти предметы роскоши могли быть доставлены греческими купцами в эмпории в качестве товара для обмена с местным населением³.

В Пантикапее раскопками открыты остатки небольшой постройки эмпория VII—начала VI в. до н. э., расположенной на краю обрыва скалы, и часть наружной каменной ограды⁴.

Вне сомнения, характер эмпориев в различных местах и в различное время был не одинаковым. Раскопки на о. Березани⁵, где открыт участок поселения VII—начала VI в. до н. э., обогащают наше представление о жизни эмпориев того времени. Греки, поселившиеся здесь, занимались земледелием, различными ремеслами, в том числе железоделательным, рыбным промыслом и другими видами хозяйства. Вместе с тем участие населения в торговле с греческими купцами, приходившими сюда на кораблях, несомненно: об этом свидетельствует большое количество греческой художественной и простой керамики, найденной при раскопках⁶. Количество привозной керамики на Березани настолько велико, что исключает возможность считать привоз ее для нужд только местного греческого населения. С большим основанием можно думать, что эти греческие товары привозились сюда для обмена со скифами.

При раскопках античных городов Северного Причерноморья обычно встречаются единичные находки художественной керамики более раннего времени, чем дата нижнего слоя городища, соответствующая времени основания города. Такие находки известны в Пантикапее, Херсонесе, Мирмекии, Гермонассе, Кепях и в других местах⁷. Они служат историческим документом самых ранних торговых связей греков с местным населением, в период, предшествующий времени основания здесь греческих колоний.

Города, возникавшие на окраине античного мира, в том числе и греческие колонии Северного Причерноморья, развивались в своеобразных условиях, знание и учет которых необходимы для изучения истории этих городов. Но только понимание общей закономерности развития античного общества в целом может объяснить причины возникновения этих городов и показать, в чем заключались локальные особенности их культуры. Древнейшая форма полиса зародилась в Средиземноморье. Здесь полис сложился в результате длительного процесса общественного развития местных племен, достигших постепенно уровня классовых отношений. В образовании полисов сыграли роль и сохранившиеся здесь традиции, и отголоски древнейшей городской культуры микенского времени.

³ Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, стр. 31 и сл.; Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. Сб. „Античные города Северного Причерноморья“, т. 1, Л., 1955, стр. 357—358. Рис. 1, 2.

⁴ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 13 и сл.

⁵ В. В. Лапин. Экономическая характеристика Березанского поселения. Доклад, прочитанный на конференции ИА АН СССР в 1960 г. Архив ИА АН СССР.

⁶ С. И. Капошина. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. МИА, № 50, 1956, стр. 211.

⁷ Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 182 и сл., рис. 1, 1 и 2; 2а, 2, 3 и др.; С. Ф. Стрелецкий. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. Сб. „Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху“, М., 1959, стр. 67 и сл.; Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекии и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 223 и сл.; И. Б. Зеевст. Архаические слои Гермонассы, КСИА АН СССР, вып. 83, 1961, стр. 53.

Города, основанные греческими переселенцами в Северном Причерноморье, по своему общественному устройству были городами полисного типа, и многие особенности их экономики и культуры были сходны с особенностями древних полисов Средиземноморья. Но городам Северного Причерноморья присущи и своеобразные черты развития. Их жизнь началась на уровне уже сложившихся рабовладельческих отношений, появлению которых здесь не предшествовал исторический период сложения классового общества, как в древних полисах Средиземноморья.

В отличие от многих греческих городов, которые развивались в окружении земледельческого населения, однородного с населением города, эти города были основаны в чуждой этнической среде. И окружающие их племена были различны по этническому составу и уровню общественного развития. Поэтому отношения между греческим и местным населением носили сложный и не одинаковый характер. Вся история античных городов Северного Причерноморья проходила под знаком взаимосвязи с местными племенами и во многом зависела от характера взаимных отношений⁸.

Рамки полиса ограничивали развитие рабовладельческого производства. Дальнейший процесс расширения рабовладения в античном мире привел к появлению новых форм государственного устройства — больших эллинистических монархий.

Наиболее высокого уровня рабовладение достигло к тому времени в городах эллинистического Востока. Здесь сложился новый тип многолюдного города, с его разносторонней культурой и новым направлением искусства, связанного с пышным оформлением резиденций эллинистических монархов и рабовладельческой знати.

Но в силу неравномерности развития рабовладения в античном обществе в государствах, находившихся на далекой окраине, жизнь которых проходила в непосредственном контакте и тесных взаимоотношениях с местными племенами, этот процесс шел быстрее, чем во многих других центрах античной культуры, и здесь раньше, чем на Востоке, сложились монархии эллинистического типа⁹. Эти протоэллинистические монархии появились уже в V—IV вв. до н. э. Такого же типа государство возникло на Боспоре в IV в. до н. э. под властью Спартокидов.

Никогда до этого времени взаимодействие античной культуры и культуры местных племен не было так велико во всех районах Северного Причерноморья, в особенности на Боспоре, как в этот период. Эта синкретическая культура породила высокие образцы творчества в области строительства, ремесла и искусства, и в некоторых отношениях местные мастера остались непревзойденными.

В IV и в начале III в. до н. э. в Северном Причерноморье повсеместно наблюдается расцвет античных городов: расширяется их территория, увеличивается население. Возникают новые города. Везде ведутся большие работы по городскому благоустройству, перепланировке и строительству общественных и жилых зданий.

Земледельческое хозяйство достигает особенно больших размеров, о чем свидетельствуют увеличение количества сельских поселений на территориях хоры и рост земледельческого населения¹⁰.

⁸ Н. И. Сокольский и Д. Б. Шелов. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», стр. 46 и сл.; В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Сев. Причерноморье. Там же, стр. 22 и сл.

⁹ W. D. Blawatsky. Il periodo del Protoellenismo sul Bosporo. Atti d. settimo Congr. Intern. di Archeologia Classica. vol. III, Roma, 1961, стр. 49 и сл.

¹⁰ С. Ф. Стржеleckий. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3, стр. 86 и сл.; И. Т. Кругликова. Сельская территория Боспора. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», стр. 112—118 и др.

На Боспоре в руках правящей рабовладельческой знати сосредоточилось крупное зерновое хозяйство и связанный с ним экспорт хлеба. Тенденция к укрупнению хозяйства проявляется и в демократических полисах, где в это время имущественная дифференциация достигла значительных размеров¹¹.

В результате высокого подъема зернового хозяйства особенно важное место в экономике заняла торговля. Торговое значение городов было разным: лишь наиболее крупные центры могли вести транзитную торговлю, в которой участвовали племена, населявшие большие земледельческие территории, расположенные преимущественно в бассейнах больших рек, от Днестра до Кубани. Другие, менее значительные города, участвуя в вывозе хлеба, зависели от главных экономических центров, и их торговое значение было ограниченным. Особое хозяйственное значение имели некоторые малые города Боспора, экономика которых была тесно связана с местной промышленностью Пантикапея и местным рынком сбыта¹².

О разном торговом значении городов позволяет судить большой археологический материал. Данные нумизматики, керамической эпиграфики, изучение местных и привозных керамических изделий, в том числе и тары, дают возможность сравнить особенности рынков разных городов и проследить экономические связи.

Своеобразно было историческое развитие античных городов Северного Причерноморья в период разложения рабовладельческих отношений и сарматизации общества. Синкретизм этой сарматизованной культуры привел в конечном итоге к ее варваризации. В условиях начавшегося процесса разложения рабовладельческих отношений в недрах античного общества начали складываться новые формы хозяйства, которые привели к постепенной рустификации городов¹³. В основе их экономики большую роль начали играть натуральные формы хозяйства, усилилась концентрация производства и хранения запасов питания. В этот период упало значение внешней торговли, но в то же время сильно возросло значение местного производства и внутренних рынков.

Несмотря на сильную степень рустификации городов Северного Причерноморья, они оставались до конца своей истории очагами культуры и центрами местного ремесленного производства и торговли. После их гибели античные традиции еще долго жили в городской культуре средневекового общества и оказали влияние на ее развитие.

---

¹¹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 54 и сл.; Л. М. Славин. Периодизация исторического процветания Ольвии. Сб. „Проблемы истории Северного Причерноморья“... стр. 86 и сл.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 149 и сл.

¹³ В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея... стр. 37 и сл.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Е. И. ЛЕВИ

ДВЕ ОЛЬВИЙСКИЕ НАДПИСИ С УПОМИНАНИЕМ ХРАМА АПОЛЛОНА

В 1947 г. в нижнем городе Ольвии при расчистке раскопа 1909—1913 гг.¹ был найден незначительный обломок мраморной плиты с крайне фрагментарно сохранившейся надписью (рис. 1)². На лицевой и боковой поверхностях выступают темные пятна — следы пожара; очевидно, от действия огня белый мрамор утерял зернистость структуры. Длина облома 9,5 см, ширина 5,5 см, толщина 3,6 см. Высота букв 0,8—1,1 см; расстояние между строками 0,25 см.

Графаретность заключительных формулировок не оставляет сомнений в том, что перед нами окончание почетного декрета³, в котором шла речь о написании постановления на беломраморной плите, о месте ее установки и о том, за чей счет следовало отнести связанные с этим расходы. Легко восстанавливаемое слово последней строки 'Α]πόλλω[νο дает основание полагать, что и во второй строке упоминается храм Аполлона... ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ 'Α[πόλλωνος.

Среди ольвийских декретов из раскопок теменоса в 1951 г. есть почти полная аналогия этому тексту. Надпись 1951 г. уже издана нами⁴, но ввиду ее важности для восстановления и толкования публикуемого фрагмента мы позволяем себе переиздать ее (рис. 2)⁵.

1. - - - ὅπω]ς οὖν[καὶ ὁ δῆμος φαίνεται
τοῖς κα]λοῖς καὶ ἀγα[θοῖς ἀνδράσιν]
ἀ[ξίας χάρι]τας ἀποπέ[μειν ἀναγράψαι]
δὲ τὸ φήψισμα εἰς [τελαμῶνα λευ-]
5. κοῦ λίθου καὶ σταά[ῃναι εἰς τὸ ἱερὸν]
τοῦ 'Απόλλων[ος· τὸ δὲ ἐσόμενον]
ἀνάλωμα εἰς αὐτ[ὸν δοῦναι τοὺς ἄρ-]
χοντας· καλέσα[ι ἐπὶ ξένια εἰς τὸ ἱε-]
ρὸν τοῦ 'Απί[λλωνος ἐς αὔριον -----]
10. πέμψαι -----

¹ Раскоп НГФ — Нижний Город Фармаковского.

² № 2383. Со всех остальных сторон плита отбита.

³ На это указывает и расстояние между последней строкой и краем плиты, равное 2 см.

⁴ «Ольвия и Нижнее Побужье». МИА, № 50, 1955, стр. 102—104, № 3.

⁵ Мы несколько дополняем восстановление 1-й и 3-й строк.

«... итак, чтобы было очевидно, что народ прекрасным и доблестным мужам заслуженные благодарности воздает, написать постановление на плите из белого мрамора и установить в храме Аполлона; произведенный же расход на его (написание) оплатить архонтам. Призвать на угощение в храм Аполлона на завтра... Послать...»

На основании палеографических данных, характера курсивного письма, надпись датирована нами II в. до н. э.⁶

При беглом сопоставлении двух издаваемых фрагментов обращает на себя внимание упоминание храма Аполлона в одном и том же контексте. Совершенно аналогичен и характер письма: той же формы альфа с ломаной переключиной⁷, та же изогнутость поперечной черты у тау⁸; сходны очертания ламбды, каппы, сигмы; так же подтянута к верху строки омега и др.⁹ Размеры отдельных букв местами совершенно совпадают¹⁰. Создается впечатление, что надписи вырезаны одним и тем же резчиком, и перед нами сразу

Рис. 1. Фрагмент мраморной плиты с надписью из раскопок Ольвии 1947 г.

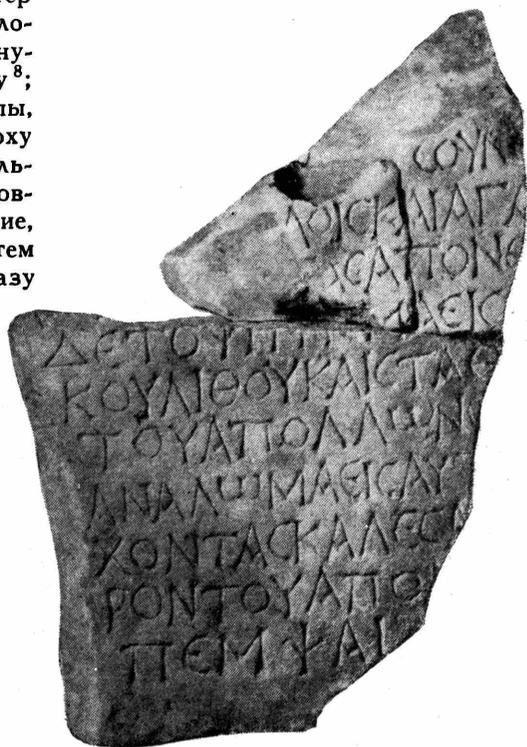

Рис. 2. Фрагмент мраморной плиты с надписью из раскопок Ольвии 1951 г.

возник вопрос: не может ли быть вновь издаваемый фрагмент недостающей правой частью плиты из раскопок 1951 г. Первая строка его оканчивается началом слова $\lambda\epsilon\upsilon[\chi\omicron\upsilon\beta]$, а пятая строка надписи 1951 г. начинается с окончания этого слова — $\lambda\epsilon\upsilon\chi\omicron\upsilon\beta$. Однако более внимательное ознакомление выявило несовпадение в расположении текста отдельных

⁶ Курсивный шрифт в надписях Ольвии догетского периода ранее был известен только по списку граждан (IPE, I², № 201); в настоящее время в результате раскопок агоры и теменоса обнаружено уже несколько надписей позднеэллинистического времени этим стилем письма.

⁷ Сравни А в 4-й строке надписи 1947 г. и во 2-й, 6-й и других строках надписи 1951 г.

⁸ 2-я строка надписи 1947 г., 5-я и 8-я строки декрета 1951 г.

⁹ 2-я и 5-я строки.

¹⁰ В декрете 1951 г. только буквы последних строк, особенно при написании слова $\tau\acute{\epsilon}\mu\psi\alpha\iota$, несколько увеличены, что довольно часто встречается в надписях Греции и Северного Причерноморья.

строк; более существенная разница, указывающая уже на известное расхождение самого текста, наблюдается в четвертой строке вновь издаваемой надписи, где идет речь о том, на кого были возложены издержки по обнародованию постановления. В декрете, найденном в 1951 г., названы архонты; в надписи 1947 г. перед словом καλέσαι стоит окончание существительного на ους, указывающее, что здесь существительное не третьего, а второго склонения.

Как восстановить недостающее слово?

Чаще всего подобного рода издержки возлагались на казначеев святылищ или города. Можно привести бесчисленное количество примеров этому из надписей Греции; достаточно упомянуть, что и среди надписей Северного Причерноморья известны подобные случаи. Так, в декрете в честь Сириска средства на покрытие расходов должны были выдать казначеи священных сумм... τὸ δὲ γενόμενον ἀνάλωμα δοῦναι... τὸν ταμίαν τῶν ἱερῶν...¹¹; то же в декрете в честь Диофанта... τοῦς ταμίαις τῶν ἱερῶν...¹² В декрете середины III в. до н. э., происходящем из Лидии, расходы отнесены за счет... τὸν τῆς πόλεως ταμίαν, т. е. казначеев города¹³.

Наряду с этим, хотя и значительно реже, встречаются указания, что издержки по написанию тех или иных декретов должны быть оплачены ойкономами — управителями города. В одной из надписей Приены середины III в. до н. э. читаем: ... ὑπηρετεῖν τοῦς οἰκονόμους...¹⁴, в надписи II в. до н. э. из Аполлонии: ... δοῦναι τοῦς οἰκονόμους...¹⁵ Исходя из этого, мы восстанавливаем частично сохранившееся слово четвертой строки в надписи 1947 г. как [οἰκονόμ]ους, тем более что среди ольвийских эпиграфических документов есть прямое указание на существование этой должности. Так, в декрете в честь Протогена при перечислении благодеяний отмечаются услуги, которые Протоген оказал, будучи ойкономом и казначеем города¹⁶.

На основании вышеизложенных соображений, базируясь на тексте надписи 1951 г., мы предлагаем следующее восстановление фрагмента надписи 1947 г.

----- ἀναγράψαι δὲ]
 1. τὸ ψήφισμα εἰς τελαμῶνα]λευκ[οῦ λί-
 θου καὶ σταθῆναι ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Ἄ[πόλ-
 λωνος· τὸ δὲ ἀνάλωμα τὸ]ἔσομεν[ον
 δοῦναι τοῦς οἰκονόμ]ους· κα[λέσαι ἐπὶ
 ξένια ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Ἄ]πόλλω[νος ἐς
 αὔριον]-----

«... Написать постановление на плите из белого мрамора и установить в храме Аполлона; произведенный же расход [на егописание] оплатить ойкономам. Призвать на угощение в храм Аполлона на завтра...»

Сохранившееся слово третьей строки заставило нас, базируясь на аналогиях, несколько изменить порядок слов этой фразы по сравнению с той же фразой декрета (1951 г.). Если наше восстановление достаточно аргументировано, следует признать, что количество букв в строках надписи 1947 г. колебалось от 28 до 30, а в надписи 1951 г. — от 25 до 28, т. е. что обе они вырезаны на плитах примерно одинаковой ширины.

Итак, перед нами фрагменты двух надписей, вырезанных в одно и то же время, во II в. до н. э., возможно, одним и тем же резчиком. В том

¹¹ IRE, I², № 344. См. также заключительную формулировку № 349... ταρπιας ἱῶν ἱε]ρωῶν...

¹² IRE, I², № 352.

¹³ Michel. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900, № 514.

¹⁴ Там же, № 481.

¹⁵ Там же, № 328.

¹⁶ IRE, I², № 32; В 65—66.

и другом декрете упоминается храм Аполлона, в теменосе которого должно было стоять постановление, куда следовало пригласить на трапезу чествуемых лиц. Если при первом издании надписи 1951 г. мы лишь ставили вопрос, не идет ли здесь речь о храме Аполлона Дельфиния¹⁷, то в дальнейшем это предположение полностью подтвердилось. При раскопках теменоса, планомерно ведущихся в течение последнего десятилетия, найдено несколько фрагментов надписей с посвящением Аполлону Дельфинию: одно из них было вырезано на постаменте для статуи V в. до н. э., другое, датируемое тем же временем, — на мраморной плите, во что-то вставлявшейся¹⁸; две надписи V в. до н. э. вырезаны по краям мраморных лутериев. Кроме того, здесь же найдено много граффити на сосудах конца VI—V в. до н. э., принесенных в дар этому богу. Сосредоточие надписей вблизи остатков одного из храмов позволило отождествить последний с храмом Аполлона Дельфиния.

Но как понимать надпись 1947 г., найденную в совершенно другой части города? О каком храме Аполлона могла идти в ней речь?

Известно, что в первые века нашей эры в Ольвии находился храм Аполлона Простата. О значении культа Аполлона Простата в это время свидетельствуют посвященные надписи, найденные в значительном количестве на территории римской цитадели¹⁹. На основании этих материалов Б. В. Фармаковский отождествил открытые им в 1924 г. остатки монументального здания в южной части верхнего плато городища с храмом Аполлона Простата первых веков нашей эры²⁰. Если допустить, что культ Аполлона Простата существовал в Ольвии и в более раннее время, надо полагать, что храм этого бога был расположен также на территории римской цитадели, ибо у древних было в обычае возводить новые храмы на месте старых. Б. В. Фармаковский считал, что храму могли принадлежать открытые здесь субструкции из золы и глины. Следовательно, он должен был находиться на довольно большом расстоянии от раскопа НГФ, где обнаружен издаваемый декрет. К сожалению, случайность условий находки не дает оснований для увязки с тем или иным комплексом. Как уже упоминалось, обломок плиты найден во время зачистки раскопа НГФ, при выносе земли из-под разрушенной римской кладки, к северу от помещений перистильного двора²¹. Раскопками установлено, что в эпоху эллинизма здесь находился один из богатых жилых кварталов города; никакой храмовой округи здесь не могло быть. Следовательно, фрагмент попал сюда случайно, но, очевидно, плита стояла где-то в ближайшем окружении раскопа НГФ.

Сходство двух издаваемых надписей заставляет нас высказать предположение, не была ли надпись из раскопок 1947 г. копией декрета, найденного в 1951 г.

О том, что одна копия была снята и отослана на родину чествуемых лиц, являвшихся в данном городе иностранцами, говорит сохранившееся слово последней строки: $\pi\epsilon\mu\psi\alpha\iota$ (см. рис. 2). Обычай отправки копий за свидетельствован в ряде надписей, в том числе и одной ольвийской²². Известно также, что копии особо почетных постановлений устанавливались даже в различных местах одного и того же города. Это относится в основном к декретам, в которых отмечались заслуги лиц и перед святилищем, и перед городом. Так, в заключительных строках некоторых делос-

¹⁷ МИА, № 50, 1955, стр. 104.

¹⁸ КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 127, рис. 62; СА, XXVIII, 1958, стр. 169, рис. 3.

¹⁹ ИРЕ, I², № 80 и сл.

²⁰ Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1924 г. Сообщения ГАИМК, 1, 1926, стр. 161.

²¹ Опись находок Ольвийской экспедиции 1947 г., № 2383.

²² ИРЕ, I², № 79.

ских надписей отмечается, что совет должен написать постановление в булеверии, а гиеропеи — в святилище²³. То же читаем и в декрете Делоса в честь ольвиополитов Посидея и Диодора²⁴, в честь пантикапейца Койрана²⁵. Иногда в надписях прямо говорится, что постановление следует написать в двух (даже в трех) экземплярах и установить их в определенных местах города²⁶. В сохранившемся тексте декрета (1951 г.) эти указания отсутствуют. Однако то обстоятельство, что в одном случае расходы отнесены за счет архонтов, в другом — за счет ойкономов, как нам представляется, служит дополнительным аргументом в пользу предположения, что надпись 1947 г. — копия декрета 1951 г. Возможно, что ввиду особо важных услуг, оказанных чествуемыми иностранцами (имена и этникон которых нам, к сожалению, не известны) и святилищу и городу, было решено, кроме теменоса, куда вход был ограничен, установить копию декрета на каком-либо почетном месте города, вблизи гавани. В настоящее время мы не имеем точных данных для утверждения этого положения и высказываем его лишь в качестве одной из вероятных гипотез. Во всяком случае, еще одна надпись с упоминанием храма Аполлона, найденная в другом районе города, свидетельствует о том, какое большое значение имел культ этого бога в Ольвии на всем протяжении ее истории.

Издаваемые надписи интересны также и тем, что они содержат некоторые данные о финансовом управлении Ольвии. Впервые, несмотря на большое число ольвийских надписей, до нас дошли заключительные формулировки постановлений с указанием, за чей счет отнесены расходы по их обнародованию: в одном случае — за счет архонтов, во втором — ойкономов.

До настоящего времени основным источником по вопросу о финансовом управлении Ольвии служил декрет в честь Протогена. Еще В. В. Латышев на основании тщательного анализа этого эпитафического памятника сделал вывод, что «некоторые отрасли финансового управления были в ведении архонтов»²⁷. Об этом, по его мнению, свидетельствует тот факт, что архонты заложили священные сосуды, произвели закупку вина и др. Далее В. В. Латышев высказывает мысль, что в распоряжении архонтов могли быть суммы, ассигнованные на расходы по постановлениям народного собрания. Надпись 1951 г. полностью подтверждает мнение В. В. Латышева. В то же время она, может быть, несколько уточняет функции архонтов в этой области. Сообщение, что плита, стоявшая в священной округе, была вырезана не за счет гиеропеев, как следовало бы ожидать, а за счет архонтов, указывает на то, что в ведении последних находились средства священной казны²⁸. Этим объясняется и то, что архонты имели право заложить священные сосуды²⁹.

Главное заведование государственными доходами находилось, если исходить из данных декрета в честь Протогена, в руках особых магистратов — ойкономов³⁰. Надпись, найденная в 1947 г., подтверждает, как нам кажется, наличие этой должности и во II в. до н. э.

Необходимо подчеркнуть, что вышеприведенные сведения относятся к истории Ольвии начала III—II в. до н. э. Хорошо известно то тяжелое

²³ P. Roussel, J. Hatzfeld. Fouilles de Delos. BCH, 34, 1910, стр. 356 и сл.

²⁴ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии. ВДИ, № 3, 1939, стр. 257; № 23, 20; № 24, 17—18.

²⁵ Его же. ВДИ № 3, 1939, стр. 255—56; № 21—20.

²⁶ Например, в надписи начала II в. до н. э. из Итаки (SIG², № 257).

²⁷ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 265.

²⁸ В. В. Латышев вместе с Диттенбергером считал допустимым, что священной казной заведовала коллегия семи (В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 293).

²⁹ IRE, I², № 32; A, 14—15.

³⁰ В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 289.

экономическое положение, которое переживала Ольвия еще с конца III в. до н. э. В декрете в честь Протогена прямо указывается, что городская казна была пуста³¹. Быть может поэтому часть финансового управления, в частности распоряжение священной казной, была вверена архонтам. Быть может и учреждение особой должности для заведования городской казной ὁ ἐπὶ τῆς κοινῆς οἰκονομίας καὶ ταμείας, что отмечал еще В. В. Латышев³², было также вызвано напряженным экономическим положением Ольвии в эпоху позднего эллинизма.

---

³¹ IPE, I², № 32; А, 14.

³² В. В. Л а т ы ш е в. Указ. соч., стр. 289.

Т. Н. КНИПОВИЧ

ДВА ФРАГМЕНТА МРАМОРНЫХ ПЛИТ С ГРЕЧЕСКИМИ НАДПИСЯМИ ИЗ ОЛЬВИИ

1. ФРАГМЕНТ МРАМОРНОЙ ПЛИТЫ С НАДПИСЬЮ ИЗ РАСКОПОК 1951 г. НА ТЕРРИТОРИИ «РИМСКОЙ ЦИТАДЕЛИ»

В задачи Ольвийской археологической экспедиции входило в 1951—1955 гг. исследование территории так называемой римской цитадели — южной треугольной части городища, которая была в первые века нашей эры особо укрепленным участком города. Большое значение исследований данной части города для представления о древней Ольвии за весь период ее существования, ясно определилось уже в годы раскопок Б. В. Фармаковского, особенно в 1902—1908 гг. После значительного перерыва систематические исследования территории «римской цитадели» были возобновлены в 1951 г. и продолжались по 1955 г.; несмотря на крайне ограниченные масштабы, работы эти оказались весьма плодотворными¹. В данное время мне доступны материалы одного из исследованных в этой части Ольвии участков — участка М, работами на котором мне пришлось руководить в 1951—1954 гг.

Среди обширного найденного в эти годы материала важную, хотя численно и небольшую группу составляют эпиграфические находки. Все это — фрагменты, по большей части незначительные; однако некоторые из них, не позволяя восстановить надпись полностью, дают все же ясное представление о ее характере и времени и тем самым дополняют серию поддающихся определению ольвийских эпиграфических памятников. Наиболее интересны из них два. Первый — это часть четырехгранного мраморного столба с посвянительной надписью коллегии стратегов Аполлону Простату; главный интерес находки в том, что она составляет левую половину верхней части столба, правая половина той же верхней части которого найдена при раскопках Б. В. Фармаковского в 1905 г. Надпись воспроизведена в СА²; там же объяснено значение находки, полностью подтверждающей правильность восстановления В. В. Латышева в IPE, I³.

¹ См. Т. Н. Книпович. Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 112 и сл.; е е же. Перистильный двор первых веков н. э. на территории римской цитадели в Ольвии. ВДИ, 1953, № 1, стр. 183 и сл.; е е же. Исследования территории римской цитадели в Ольвии (в 1953 г.). КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 139 и сл. Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Основные результаты раскопок Ольвии в 1952 и 1953 гг. и задачи ее исследования в ближайшие годы. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 56—57.

² Т. Н. Книпович. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг. СА, XXVIII, 1958, стр. 170, 171, рис. 4.

³ IPE, I² № 90.

Едва ли нужно повторять здесь текст начала посвячительной надписи — он уже был дан В. В. Латышевым; к этому памятнику мы еще надеемся вернуться при общем обзоре ольвийских надписей с посвящениями Аполлону Простату, просмотр которых несомненно необходим.

Рис. 3. Фрагмент мраморной плиты с надписью, из раскопок 1951 г. на территории «Римской цитадели» в Ольвии

Второй упомянутый нами фрагмент нуждается в более детальном рассмотрении: хотя он также был уже воспроизведен и вкратце охарактеризован в печати⁴, однако без точного и обоснованного восстановления он не может быть правильно определен и понят.

Это (рис. 3) часть плиты из белого мелкозернистого мрамора (высота 0,21 м, ширина 0,165 м, толщина 0,075 м). На лицевой стороне сохранились части шести строк надписи; высота большинства букв 2 см, Φ и Ψ — 3,1 см, Ο — 1,3 см. В ряде случаев буквы соединены лигатурами: в строке 1 — Μ и Ω, в строке 2 — Τ и Η, в строке 4 — Ω и Ν. Обломок найден в 1951 г. на территории перистильного дворика, близ восточной его

границы, среди остатков, принадлежащих второму периоду существования строительного комплекса (II—III вв. н. э.).

-----[ἀνατεθῆναι δὲ τοῦτο τὸ
ψῆφισμα [ἐν τελαμ]ῶνι ἐν τῷ ἐπι-
σημ]οτάτῳ τῆς π[όλεως τόπω εἰς τὸ
μαθεῖν τῷ Ψηφισ[ματι τὴν τοιοῦτον
τῶν ἀγδρῶν γέ[νναίων ἀρετὴν καὶ ἐπιμέ-
λειαν] ὑπὲρ τῆ[ς πόλεως]-----
----- ΛΤΑ

vas.

«... Постановление же это выставить на памятнике на самом почетном месте города, чтобы все, читающие его, узнавали доблесть и заботу о городе подобных благородных мужей...»

Текст этой части надписи может быть восстановлен лишь приблизительно: уверенному восстановлению препятствует то, что не только ни одна строка не сохранилась полностью, но нет ни в одной строке ни начала, ни конца — фрагмент принадлежит средней части надписи. Однако основные черты текста не могут вызывать сомнений благодаря сохранившимся остаткам характерных формул, имеющих значительное количество параллелей в найденных ранее ольвийских надписях. Это бесспорно заключительная часть почетного декрета. Как и другие подобные декреты, надпись содержала принятое правительственными органами общины по-

⁴ Т. Н. Книпович. Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции... стр. 121 и рис. 50 на стр. 120.

становление с характеристикой заслуг одного из ольвиополитов перед народом и городом и с изложением присужденных ему за это наград; надпись кончалась объявлением принятого решения — выставить на почетном месте для общего сведения вырезанный на памятнике текст постановления. Подобного рода документы мы встретим во всех сколько-нибудь значительных собраниях греческих надписей. Особенности, отличающие одни из этих надписей от других, обнаруживаются в первой половине, там, где дается характеристика чествуемого лица и его заслуг; но вводная и заключительная части, различаясь в деталях, сохраняют свой, ставший трафаретом текст; соблюдается общая схема, общая структура декрета⁵. Индивидуальные особенности каждой надписи определяются отдельными конкретными деталями и более подробным или более лаконичным изложением; они сказываются и в указании места, где должна быть выставлена надпись: это тот или иной храм, акрополь, агора или просто указание на «почетнейшее» или «самое заметное» в городе место. Каждый центр вырабатывает свою традиционную формулу; для Ольвии первых веков нашей эры, например, характерно именно указание на «самое почетное в городе место», без конкретного объяснения, что именно имеется в виду. В более раннее время мы встречаем в Ольвии случаи более точного обозначения места, где надлежало выставить надпись⁶.

Сохранившиеся в строках 1—4 части слов не допускают сомнений в общей правильности восстановленной нами части надписи; они соответствуют обычному создававшемуся в Ольвии типу данной части декрета. Но, конечно, надпись вполне могла содержать более подробный текст — в строке 1 могло стоять ἐπὶ τελαμῶνι λευκολίῳφ; в строках 2—3 могло стоять не просто εἰς τὸ μαθεῖν, но и εἰς τὸ ἐντοχῶνασας μαθεῖν или еще что-либо подобное. То, что нам не известно даже приблизительно количество букв в строке, делает возможными разные варианты восстанавливаемого текста; не будем на них останавливаться, ограничившись предложенным вариантом как одним из возможных⁷.

Итак, сохранившаяся на найденном в 1951 г. фрагменте часть надписи дает представление о ней как одном из типичных для Ольвии декретов; но, к сожалению, больше текст не дает ничего. Остается выяснить вопрос о времени декрета.

Принадлежность надписи первым векам нашей эры очевидна даже при беглом взгляде на ее письмо. Отсутствие в тексте каких бы то ни было данных, которые могли бы помочь уточнению датировки, заставляет нас обратиться к единственно возможному критерию — особенностям письма.

При крайне недостаточной разработке вопроса о развитии греческого лапидарного письма в первые века нашей эры нам пока приходится в каждом конкретном случае не опираться на какие-либо готовые схемы, а пытаться найти те или иные факты для установления времени именно данного памятника.

Следует отметить, что сколько-нибудь точно датированными надписями первых веков нашей эры Ольвия очень бедна. Из числа изданных в IPE, I² ольвийских надписей только шесть могут считаться бесспорно и довольно точно датированными документами; они дают основу для дати-

⁵ Яркую и содержательную характеристику греческих декретов см.: G. Klaffehn-bach. Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957, стр. 67—83.

⁶ См. найденный при раскопках ольвийской агоры фрагмент почетного декрета эллинистического времени, где, по убедительному восстановлению Е. И. Леви, содержится указание на установку надписи в храме Аполлона: Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 103.

⁷ Количество букв в строке, сходное с тем, которое предложено в нашем восстановлении, например в надписи IPE, I² № 51; а в некоторых значительно более длинных строки (например, IPE, I², № 42, 44, 52 и др.).

ровки некоторых других, в результате чего общее количество их возрастает до двенадцати.

Одна из них дает нам возможность с известной уверенностью высказаться о времени издаваемого обломка. В IPE, I², под № 44 помещена надпись, снабженная хорошей прорисовкой с эстампажа; письмо ее очень близко письму разбираемой надписи. Сходство сказывается в формах и пропорциях букв, их орнаментальных деталях, в наличии лигатур, повторно, но не очень обильно встречающихся как в одной, так и в другой надписи. Сама по себе надпись IPE, I² № 44 не содержит в тексте каких-либо прямых указаний на время; но она может быть сопоставлена с другой, уже могущей считаться приблизительно датированной. В. В. Латышев обращает внимание на большое сходство, почти тождество письма надписей № 42 и 44 и высказывает предположение, что обе они вырезаны одним и тем же резчиком. Если так, то, очевидно, тем же резчиком вырезана была и та надпись, которой принадлежит издаваемый фрагмент. Надпись № 42 представляет собой декрет в честь Каллисфена, сына Каллисфена. Каллисфен, сын Каллисфена, назван также в надписи IPE, I² № 174; в обоих случаях упомянуто присвоенное Каллисфену звание «отца города», и очевидно, речь идет об одном и том же лице. Надпись № 174 принадлежит к числу немногих ольвийских эпиграфических документов, могущих быть точно датированными на основании сведений, содержащихся в самом их тексте: она относится, как это выяснил В. В. Латышев, к 192 г. н. э.⁸ Декрет № 42 был поставлен, вероятно, уже после смерти Каллисфена, т. е. в самом конце II—начале III в. н. э. В таком случае и надписи IPE, I² № 44 и издаваемые, очень близкие по характеру письма декрету в честь Каллисфена, принадлежали, очевидно, приблизительно тому же времени, т. е. концу II—началу III в. н. э.

Итак, произведенная попытка восстановить часть надписи, остатки которой сохранились на одном из найденных в 1951 г. мраморных фрагментов, позволяет установить, что это почетный декрет конца II—начала III в. н. э. При уже отмечавшемся незначительном количестве ольвийских надписей первых веков нашей эры с установленной хотя бы приблизительно датировкой имеет значение и данная находка.

2. ФРАГМЕНТ МРАМОРНОЙ ПЛИТЫ С НАДПИСЬЮ

(из находок 1934 г. на территории городища)

В статье об ольвийских эпиграфических находках 1920—1954 гг. мною были рассмотрены, между прочим, три фрагмента плит с греческими надписями, найденные в 1934 г. и хранившиеся в собрании музея г. Николаева. При этом было отмечено, что среди просмотренных мною находок 1934 г. с территории ольвийского городища удалось обнаружить, кроме трех издававшихся, еще три обломка с надписями; на них, как мне тогда представлялось, «сохранились лишь отдельные буквы, не дающие возможности восстановить хотя бы одно слово»⁹. Однако в процессе дальнейшей работы над эпиграфическими материалами из Ольвии выяснилась возможность восстановить часть текста надписи, во всяком случае на одном из них (рис. 4). Это фрагмент плиты из мрамора желтоватого цвета, мелкозернистого. Высота около 0,08 м, ширина 0,185 м, толщина до 0,06 м. Задняя сторона неровная, обработана грубыми сколами. Лицевая сторона была, по-видимому, тщательно отшлифована, но теперь сильно стерта и повреждена выбоинами, трещинами и царапинами. На поверхности лицевой стороны сохранились части трех строк греческой надписи. Буквы, вы-

⁸ См. IPE, I², стр. 187.

⁹ Т. Н. Книпович. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг., стр. 162—177; о фрагментах Николаевского музея см. стр. 171—176.

сотой 1,8—2 см, довольно глубоко врезаны; но чтение затрудняется плохой сохранностью поверхности.

Как и опубликованные, издаваемый фрагмент найден на поверхности ольвийского городища. В 1937 г. он находился в Николаевском музее; но в последние годы обнаружить его и получить с него фотоснимок мне не удалось — приходится издавать по моей копии и прорисовке с эстампажа (рис. 4).

-----[καὶ ἀναγορεῖ —
 θῆνα]ι ὑπὸ τοῦ *χ[ήρικος] *Ἡβουλή
 καὶ ὁ δ[ῆμος] στεφ[ανοῦ] χρυσῶ
 στεφά[νω] [Γ]σταῖον Σαδ[α]:[ου-

«... и провозгласить через глашатая:
 Совет и народ венчает золотым венком
 Гистья, сына Садэя...»

Рис. 4. Фрагмент мраморной плиты с надписью, из находок 1934 г. на территории городища Ольвии (Прорисовка)

Предположенное восстановление основано на аналогиях, находимых в изданных ольвийских надписях. Сохранившиеся на камне остатки делают вероятным предположение о почти дословном совпадении бывшего в этих строках нашей надписи текста с текстом ольвийского декрета в честь Каллисфена, сына Каллисфена (IPE, I² № 42, см. фрагм. f. 1—3); но у нас надпись занимала более узкую полосу, строки ее включали меньшее количество букв. Установить примерное количество букв в строке нашей надписи можно на основании остатков строк 2 и 3, где, по-видимому, следует предположить в буквах ΣΓΕΠ (строка 2) часть глагола φαίνω, в буквах ΝΩ (строка 3) — дат. падеж слова στεφάνος: между этими двумя словами не могло быть сколько-нибудь значительной части текста. Формулы, подобные формуле декрета IPE, I² № 42, мы встретим и во многих других ольвийских декретах первых веков нашей эры. Возможно, конечно, предположить и несколько иной текст в декрете, которому принадлежала надпись на обломке; но основное его содержание вне сомнений.

Интерес текста, восстановленного по сохранившимся остаткам, определяется наличием имени; на этом следует остановиться особо. Восстановление [Γ]σταῖον основано на следующих соображениях: между последней буквой предыдущего слова Ω и первой сохранившейся буквой имени Σ должна была, очевидно, стоять еще одна буква — на это указывает вели-

чина промежутка. Поверхность плиты здесь повреждена, и рассмотреть, что это была за буква, нельзя. Буква эта должна была быть первой буквой имени. Из зарегистрированных в словаре Dornseiff-Hansen's¹⁰ имен только одно из включающих часть имени $\sigma\alpha\iota\omicron\varsigma$ имеет перед сигмой одну букву, и это имя — $\iota\sigma\tau\alpha\iota\omicron\varsigma$. Уже это обстоятельство говорит в пользу предложенного восстановления. Заслуживает также внимания, что в одной из ольвийских надписей — посвящении коллегии стратегов Аполлону Простату (IPE, I² № 94) — четвертый стратег носит то же имя $\iota\sigma\tau\alpha\iota\omicron\varsigma$ $\Sigma\alpha\sigma\alpha\iota\omicron$. Весьма вероятно, что в обоих случаях — на издаваемом фрагменте и в надписи IPE, I² № 94 — упоминается одно и то же лицо. Предположение это требует, конечно, проверки — оно возможно, если надписи близки по времени. Попробуем выяснить этот вопрос.

Точных датировочных сведений в текстах сравниваемых надписей мы, к сожалению, не найдем. Остается обратиться к характеру письма.

Говорить о характере письма издаваемого фрагмента, конечно, трудно, поскольку в нашем распоряжении оказывается лишь ограниченное количество букв. Однако можно уловить ряд характерных особенностей. Так, в различных буквах повторяется одно и то же явление: линии, соприкасающиеся с другими под углом, соединяются не на концах, а отступя от конца (см. на прорисовке E, Σ , M). Типична форма омеги: верхняя часть ее представляет собой дугу с загибающимися внутрь концами, нижняя — две горизонтальные черточки, не связанные с верхней частью. Следует также отметить некоторую тенденцию к изошренности, выражающуюся в наличии апексов, поперечных черточек и других орнаментальных деталей. Все эти особенности свойственны также и надписи IPE I² № 94; некоторые ее буквы почти тождественны буквам разбираемого фрагмента, хотя есть и свои характерные черты; выполнена она во всяком случае другим резчиком.

Перечисленные особенности письма свойственны хорошо известному направлению, наблюдаемому и в области Северного Причерноморья и вне его. Надписи, содержащие дату, позволяют установить время распространения этого письма; особенно показательны здесь надписи городов Боспора, со ссылками на правящего царя и с точным указанием года по боспорской эре. Материал этот рисует следующую картину. Данный тип шрифта возникает и развивается во II в. н. э.; самая ранняя боспорская надпись с этим шрифтом датирована 140 г. н. э.¹¹ Особенно же распространенным он становится во второй половине II в. н. э., заходя и в начало III в., о чем свидетельствуют датированные надписи времени Савромата (175—211 гг. н. э.)¹². За довольно долгий период своего существования шрифт претерпевает некоторые изменения — письмо постепенно становится проще, строже, величина букв делается везде одинаковой, между тем как в более раннее время встречаются случаи значительной разницы в величине букв.

Возвращаясь к издаваемому фрагменту. Сохранившиеся на нем буквы говорят против отнесения надписи к числу особенно ранних; она во всяком случае относится уже ко второй половине II в. н. э.

Тому же времени принадлежит, очевидно, и надпись IPE, I² № 94: также и у нее буквы одинаковой величины; и у нее менее, чем в ранних надписях, выражена тенденция к изошренности в стиле и характере письма. Для нас особенно важны очень уж близкие совпадения в форме некоторых букв этой надписи и нашего фрагмента. Однако с этой

¹⁰ Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen, unter Leitung Frans Dornseiff, ausgearbeitet von Bernhard Hansen. Berlin, 1957, стр. 227.

¹¹ ИАК, 10, стр. 65, № 68.

¹² См., например, известный горгиппийский фиас навклеров, ИАК, 37, стр. 38, 2 (с таблицей).

надписью дело обстоит несколько сложнее: наряду с характерной формой омеги, о которой мы уже говорили, та же буква встречается в ней и в иных вариантах, восходящих к письму более раннего времени. Надпись бесспорно требует специального изучения. Но существенной разницы во времени ее и издаваемого фрагмента быть, очевидно, не должно. Если так, вероятно и предположение о том, что упоминаемый в обеих сравниваемых надписях Гистэй, сын Садэя — одно лицо. Тогда мы получаем еще одну деталь, касающуюся судеб некоторых лиц из состава населения Ольвии первых веков нашей эры; вопрос этот для нас несомненно интересен.

И. Б. БРАШИНСКИЙ

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ
ОЛЬВИИ С ЭГИНОЙ¹

Как известно, одним из важных источников для изучения истории торговых сношений государств античного мира служит клейменная керамическая тара (амфоры), которая использовалась для перевозки жидких и сыпучих тел. Изучение клейм, найденных в Северном Причерноморье, уже дало возможность установить многие центры, с которыми северопонтийские города поддерживали торговые связи, о чем в письменных источниках сведения отсутствуют или они крайне фрагментарны и неясны². Так, например, был установлен факт экономических связей с Книдом, Паросом, Икосом, Фасосом, Менде и т. д.

В настоящее время подавляющее большинство амфорных клейм локализовано по определенным производственным центрам, однако все еще есть клейма так называемых неопределенных центров (*locorum incertorum*), которые не могут пока быть установлены с достаточной достоверностью. В то же время не локализованными по определенным производственным центрам остаются и многие группы неклеяемых амфор, обломки которых составляют основную массу находок при раскопках античных городов и поселений³. Настоящая заметка посвящена попытке локализовать одну из групп остродонных амфор на основании определения керамического клейма.

Среди материалов Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР из раскопок 1961 г. есть ручка амфоры с анэпиграфным клеймом (рис. 5)⁴, привлечшим внимание автора поразительным сходством с монетным типом Эгины. На клейме овальной, приближающейся к кругу форме (диаметр 1,7—2 см) изображена морская черепаха (*Chelone saouana*), которая была устойчивым типом лицевой стороны эгинских монет (рис. 6—2—4), начиная с VII в. до н. э. на протяжении всего периода их чеканки вплоть до потери Эгиной независимости в 456 г. до н. э.⁵ Эгинские «черепахи»

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы античной археологии ЛОИА АН СССР 19 июня 1962 г.

² См. Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись докт. дисс. М., 1939, Архив ИА АН СССР, № 538; ср. Е. М. Придик. Керамические клейма из раскопок Тиритак и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4. 1941. сто. 173 и сл.; И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики. СА, № 2. 1961. сто. 293 и сл.

³ См. И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960.

⁴ Инв. № 0/61—1511. Ручка была найдена на раскопе Ев (αγοα). в замосте вымостки первых веков нашей эры, в котором использован материал V—IV вв. до н. э. Хранится в ЛОИА.

⁵ См. Ch. T. Seltman. Greek Coins. 2 ed.. London. 1955, стр. 38, 53, 111. Новый

(χελῶνα)! в огромном количестве чеканились на протяжении двух веков и наводняли рынки преимущественно западной и южной частей Эгейского бассейна. Эгинская монетная система получила широкое распространение за пределами родного острова⁶. По этой системе, как известно, начали чеканить монеты и все северопонтийские города — Ольвия, Пантикапей, Тира и др.

Сопоставление ольвийского клейма с эгинскими монетами, чеканенными до 456 г., не оставляет сомнения в том, что изображение на нем скопировано с монетного типа. Таким образом, становится весьма вероятной принадлежность амфоры, клейменной эмблемой эгинского монетного типа, продукции этого центра. Такое допущение тем бо-

Рис. 5. Клеймо на ручке амфоры из Ольвии. Увеличено в 2 раза.

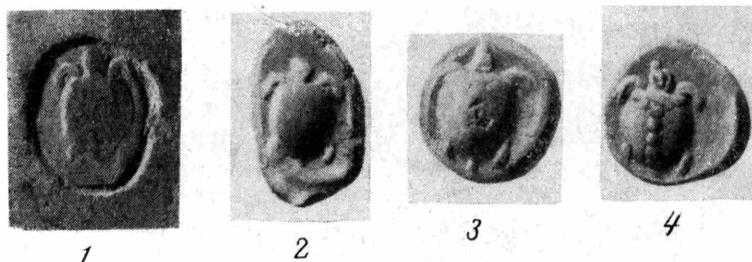

Рис. 6. Монеты и клеймо с изображением морской черепахи.

1 — клеймо на ручке амфоры из Ольвии; 2—4 эгинские статеры (2 — VII в. до н. э.; 3—4 — первой половины V в. до н. э.)

лее вероятно, что эгинские «черепахи», широко известные в греческом мире, не вызывали сомнения в своем происхождении, а следовательно, и керамика с такими клеймами достаточно ясно свидетельствовала о месте производства.

Подобное явление находит аналогию в керамическом клеймени и некоторых других центров. Так, например, теперь хорошо известны анэпиграфные клейма на хиосских амфорах V—IV вв., на которых изображен сидящий сфинкс, перед которым помещена амфора — монетный тип Хиоса⁷. Монетный же тип: Дионис, сидящий на осле, использован в клеймах Менде V в. до н. э.⁸

период монетного чекана Эгины, начавшийся после поражения Афин в Пелопоннесской войне и возвращения эгинетам автономии, характеризуется заменой морской черепахи наземной (*Testudo Graeca*). См. там же, стр. 162 и табл. XXXIV, 16, 17.

⁶ См. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 42 и сл.

⁷ И. Б. Эеест. Указ. соч., стр. 77, рис. 3; ср. Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. МИА, № 56, 1957, стр. 215 и табл. III, 6; V. Grase. Stamped amphora handles found in 1931—1932. «Hesperia», III, 1934, стр. 303 и сл., табл. I, 1.

⁸ См. V. Grase. Standard Pottery Containers in the Ancient World. «Hesperia», Suppl., VIII, 1949, табл. 20, 1; И. Б. Брашинский. Из истории торговли Северного Причерноморья. Северное Причерноморье и Менде. НЭ, III, 1962.

Публикуемое клеймо, однако, пока единственно⁹ и, разумеется, не может решить вопроса об эгинской керамической таре в целом. Очевидно, амфоры на Эгине, как правило, не клеймились, и эгинское клеймение было немногочисленным и спорадическим. Однако, как нам представляется, форма ручки, а также состав глины позволяют высказать некоторые суждения о типе амфоры и сопоставить ее с одним из известных в Северном Причерноморье типов неклеяемой керамической тары конца VI—начала V в. до н. э.

Ручка амфоры (рис. 7—2) невысокая (11 см), овальная в сечении. Глина красновато-коричневатого оттенка, тонкозернистая; содержит мелкие включения извести и песка и в большом количестве — мелкие блестящие слюды. В определенной мере она несколько напоминает фасосскую. Ручка

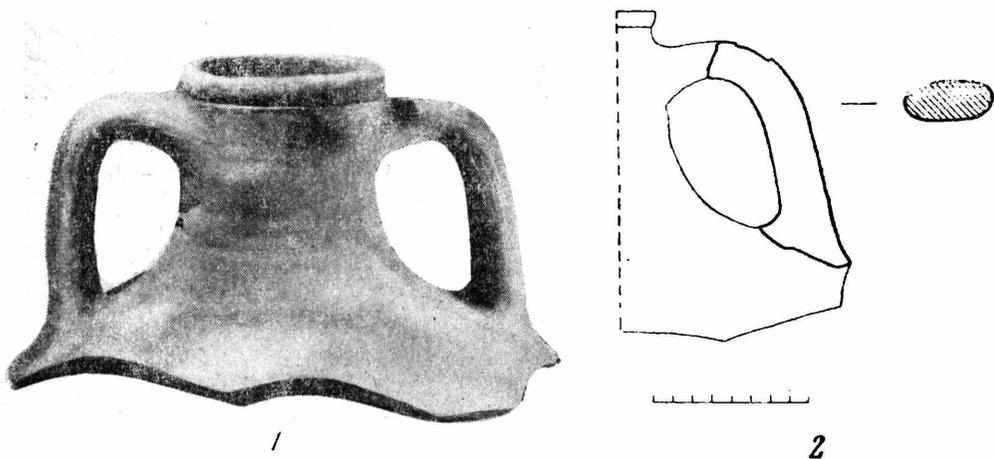

Рис. 7. Горло эгинской (?) амфоры (1) и ручка аналогичной амфоры с клеймом (2)

покрыта светлым ангобом. У основания ее, в месте прикрепления к тулову амфоры, вдавлена от пальца. По всем признакам ручка принадлежит амфоре, близкой по типу к так называемым протофасосским¹⁰ и относится ко второй половине VI—первой половине V в.

Обломки неклеяемых амфор (целые экземпляры мне не известны), глина которых весьма сходна с описанной, а ручки аналогичны публикуемой, нередко встречаются в архаических слоях Ольвии. У них невысокое (9—10 см) прямое горло с плоским, слабо выступающим венчиком, под которым нанесен резной поясок. Венчик со стороны ручек иногда слегка сжат, что придает ему в плане эллиптическую форму; диаметр его 10,5—12 см. Ручки укреплены непосредственно под венчик; у основания, в месте скрепления с туловом амфоры — вдавины, сделанные пальцем при прикреплении ручки.

Фрагменты подобных амфор найдены, в частности, во время раскопок Ольвии в 1961 г. на раскопе К₁ при исследовании большой архаической ямы, содержавшей материал VI—первой половины V в. Судя по сохранившимся обломкам, это невысокие, приземистые сосуды с широким туловом. Особенности глины и формы ручек весьма близки рассматриваемым.

⁹ Мне известны еще два анэпиграфных клейма с изображением черепахи, опубликованные Е. М. Придилом (Инвентарный каталог клейм на ручках и горлышках амфор из собрания Эрмитажа, Пг., 1917, стр. 118, № 462—463, табл. XV, 34), но они не имеют ничего общего с публикуемым. Оба клейма квадратные, на них изображена не морская, а наземная черепаха (несхожая с черепахой на эгинских монетах); глина ручек темная, со множеством включений блесков слюды. Она указывает на Фасос как наиболее вероятный центр их происхождения.

¹⁰ См. И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 79 и сл. и табл. V, 15. Ср. также стр. 71 и сл. («Амфоры с широкими полосами») и табл. II, 6.

мой клейменной ручке (рис. 7—1)¹¹. Со значительной долей уверенности можно предполагать, что они принадлежат продукции одного центра, ввозившего тару в Ольвию на протяжении второй половины VI и первой половины V в. до н. э.

Если признать заслуживающими внимания высказанные соображения относительно принадлежности публикуемого анэпиграфного клейма Эгине, то это позволит локализовать и описанную выше группу амфор, которые, таким образом, также, очевидно, могут происходить из Эгины.

Как известно, Эгина, обладающая каменной почвой, малоприводной для культивации пшеницы, и нуждавшаяся поэтому в постоянном привозе хлеба, была до середины V в. до н. э. одним из главных торговых и ремесленных центров материковой Греции. Согласно сообщению Афиня, в период расцвета рабовладения население острова достигало полумиллиона человек, из которых 470 тысяч составляли рабы. Если даже считать эту цифру очень сильно преувеличенной, ясно, что при 85,4 кв. км площади остров не мог прокормить своего населения. Хотя торговля Эгины в основном была ориентирована на Запад и дельту Нила, по-видимому, эгинеты уже в раннее время завязали торговые сношения и с Причерноморьем. Существует предположение, что для обеспечения подвоза зерна из Понта эгинеты основали там торговую факторию под названием Эгина (*Ἐγίνα*)¹². Основным предметом торговли Эгины были так называемые мелочные товары (*ῥῶποι*), синонимом которых у греков служило название «Эгинский товар» (*Ἐγίναϊα ἐμπολή*). В это понятие, вероятно, входили разнообразные предметы ремесла и сельского хозяйства, в число которых входило и оливковое масло¹³. В частности, известно, что на острове широкое развитие получили керамическое ремесло и торговля керамическими изделиями, что послужило основанием появления эпитета Эгины *χρῆρῶπις* — «торгующей горшками». Помимо керамики, на острове в большом количестве изготовлялись различные мази и благовония, с успехом культивировались виноград и олива. Обладая сильным флотом, Эгина была опасным конкурентом растущих Афин, «гноем на глазу Пирея», по образному выражению Перикла. Это привело к длительной борьбе афинян против эгинетов, завершившейся в конечном итоге покорением острова в 456 г. до н. э. Эгина была вынуждена срыть укрепления, отказаться от флота и собственного чекана монеты, включена в состав Афинского союза и принуждена к уплате фороса, который равнялся 30 талантам в год и превосходил взносы любого из прочих союзных городов. Это может считаться ярким свидетельством экономического благополучия Эгины. Некоторое время спустя, в 431 г., афиняне расправились со своим древним соперником окончательно — эгинеты были выселены с острова, и их место заняли афинские клерухи. Лишь после поражения Афин в Пелопоннесской войне остатки исконных жителей были возвращены на остров, и ему возвращена автономия. Однако того экономического значения, которое Эгина имела в VII—первой половине V в. до н. э., она вернуть уже не смогла.

Эгинская керамика в настоящее время изучена еще очень слабо, что объясняется прежде всего слабой археологической изученностью острова¹⁴. Правда, издавая материалы раскопок храма Афайи на Эгине, А. Фуртвенглер уделил место и керамике, в том числе и бытовой местного

¹¹ Ср. V. Grace. *Amphoras and the Ancient Wine Trade. Excavations of the Athenian Agora, Picture Book, № 6, Princeton, New Jersey, 1961*, рис. 35, вторая амфора слева. Правда, амфора, относящаяся ко времени до 480—479 гг., на снимке расположена столь неудачно, что нет возможности судить о всей ее форме.

¹² См. Hirschfeld. *Aegina*. RE, I, 1, стб. 966 со ссылкой на C. O. Müller. *Aegineticorum liber*. Berlin, 1817, стр. 83 сл.

¹³ Strabo, VIII, 16. Источник — Эфор: ср. Arist., *Memor.*, 844 A, 19: *ἐλαιον καὶ τὸ ἄλλων νυτικὸν ῥῶπος*.

¹⁴ См. G. Welter. *Aiginetische Keramik*. AA, 1937, стр. 19.

производства¹⁵. Автор привел также восстановления нескольких типов амфор¹⁶. Амфор, подобных описанным, среди них нет. Нет также ни одной клейменной. Необходимо, однако, отметить, что изданные амфоры, несомненно, происходят из различных центров (описания глин не приведено) и разновременны. Некоторые из них, безусловно, относятся не ранее, чем к концу V в. до н. э. Следов производства амфор раскопками пока не открыто. Поэтому эгинским материалом пока оперировать затруднительно. О том, что на Эгине уже в весьма раннее время производилось клеймение керамики, свидетельствует наличие там кровельной черепицы VI—начала V в. до н. э. с разнообразными клеймами¹⁷.

Публикуемое клеймо на ручке амфоры, по-видимому, также относится к этому времени, скорее всего — к первой половине V в. до н. э. К рассматриваемому же времени, очевидно, должна быть отнесена и описанная выше группа амфор.

Высказанные соображения относительно торговых связей между Эгиной и Ольвией подкрепляются сообщением Геродота. Описывая подготовку Ксеркса к походу в Европу в 480 г. до н. э., «отец истории» рассказывает (VII, 147), что однажды царь, находясь в Абидосе, «увидел нагруженные хлебом суда, идущие из Понта через Геллеспонт на Эгину и в Пелопоннес». Ввиду краткости и изолированности это свидетельство, не подкрепленное вещественным материалом, не привлекло должного внимания исследователей истории Северного Причерноморья¹⁸. Между тем, поскольку хлеб, поставлявшийся в Грецию из Понта, экспортировался главным образом городами северного его побережья, надо полагать, что именно с этим районом и следует связывать заметку Геродота, которая служит наиболее ранним сообщением письменных источников о вывозе понтийского, очевидно, северочерноморского хлеба в Грецию.

Приведенным кратким замечанием Геродота до настоящего времени и ограничивались сведения об экономических связях Причерноморья с Эгиной. Вместе с тем следует подчеркнуть конкретность сведений Геродота, который совершенно определенно называет Эгину и Пелопоннес в качестве покупателей понтийского хлеба. Однако среди материала из раскопок античных городов Северного Причерноморья до сих пор не удавалось выделить изделий производства Эгины.

Между тем очевидно (если сообщение Геродота заслуживает доверия, а подвергать его достоверность сомнению нет никаких оснований), что импорт понтийского зерна на Эгину, естественно, должен был покрываться ответным экспортом и следы его, безусловно, должны присутствовать в археологическом материале.

Если приведенные нами суждения об эгинском импорте в Ольвию признать заслуживающими внимания, то они, в сочетании со свидетельством Геродота, должны привести к выводу о том, что экономические связи Эгины с Северным Причерноморьем, и в частности с Ольвией, относятся ко второй половине VI и первой половине V в. до н. э. (может быть, преимущественно к последнему времени), после чего они прекращаются.

Разумеется, все сказанное носит гипотетический характер, поскольку выводы основаны на ограниченном материале. Надо надеяться, что новые раскопки позволят прийти к более прочным выводам относительно торговли Эгины с Северным Причерноморьем.

¹⁵ См. A. Furtwängler. *Aegina, das Heiligtum der Aphaia*. München, 1906, стр. 441 и сл. и табл. 121 и сл.

¹⁶ Там же, стр. 457, табл. 121, 9—13; 127, 24—37; ср. табл. 10, 3.

¹⁷ См. G. Welter. *Aeginetica*. XIV. Archaische Ziegelstempel. AA, 1938, стр. 485 и сл. и рис. 5—10.

¹⁸ Лишь И. Б. Зеест (указ. соч., стр. 17), приводя данные о немногочисленном импорте на Боспор в конце VI—начале V в. до н. э. из западных центров (Ксринф, Халкида), подкрепляет их ссылкой на заметку Геродота, не высказывая, однако, относительно торговых связей с Эгиной.

В. Ф. Гайдукевич

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС II в. н. э. ИЗ МИРМЕКИЯ

Всем, кто работает над изучением античных городов Северного Причерноморья и имеет дело с археологическими материалами первых веков нашей эры, известно, что еще не всегда представляется возможным с должной степенью уверенности разграничить керамику этого времени в пределах каждого столетия. Если относительно таких групп, как, например, краснолаковая керамика, хронологическая классификация основных типов и их эволюция разработаны детально¹, то далеко не в столь благополучном положении находятся другие категории массовой керамики римского периода. Правда, и в этом направлении уже достигнуты серьезные успехи², но они еще явно недостаточны.

Для дальнейшего выяснения более точных дат керамики римской эпохи необходимо внимательно использовать все встречающиеся при раскопках археологические комплексы, способные помочь решению указанной задачи. Один из таких комплексов недавно обнаружен в Мирмекии. В 1959 г. на центральном участке И, рядом с развалинами домов римского времени, была раскопана яма (диаметр около 3 м, глубины 1,15 м), заполненная огромным количеством керамики, исчислявшейся несколькими тысячами обломков. Для какой цели была вырыта яма, мы не знаем, но совершенно очевидно, что она потом послужила для сброса «бытовых отходов», состоявших главным образом из самой разнообразной, вышедшей из употребления посуды. Ассортимент ее очень широк: столовые краснолаковые сосуды, кухонная утварь, амфоры, пифосы и т. д.

Несомненно, яма выполняла сугубо утилитарные функции в течение сравнительного недолгого времени. И тут возникает вопрос — когда? Первый ответ дает оказавшаяся среди завалов битой керамики медная монета Савромата I (93—123 гг.). Но одной монеты, конечно, мало, так как вполне возможно, что она могла попасть в яму гораздо позже того срока, когда была в обращении. Поэтому весьма важное значение приобретает импортная краснолаковая керамика. Последняя обнаружена в виде обломков группы сосудов, поддающихся восстановлению и надежной датировке.

¹ Т. Кнiрoвiтш. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. Frankfurt a. M., 1929; М., 1929; Т. Н. Кнiпoвiч. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 289—326; Л. Ф. Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, № 85, 1958, стр. 283—311.

² Об амфоах издана капитальная работа: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960; лепной керамике посвящены исследования Е. Г. Кастанаян (МИА № 25, 1952, стр. 249—288; № 85, 1958, стр. 266—282), И. Т. Кругликовой (МИА, № 19, 1951, стр. 96 сл.), см. также: И. Б. Зеест. Пантикапейская керамика сарматского времени. МИА, № 56, 1957, стр. 139 сл.

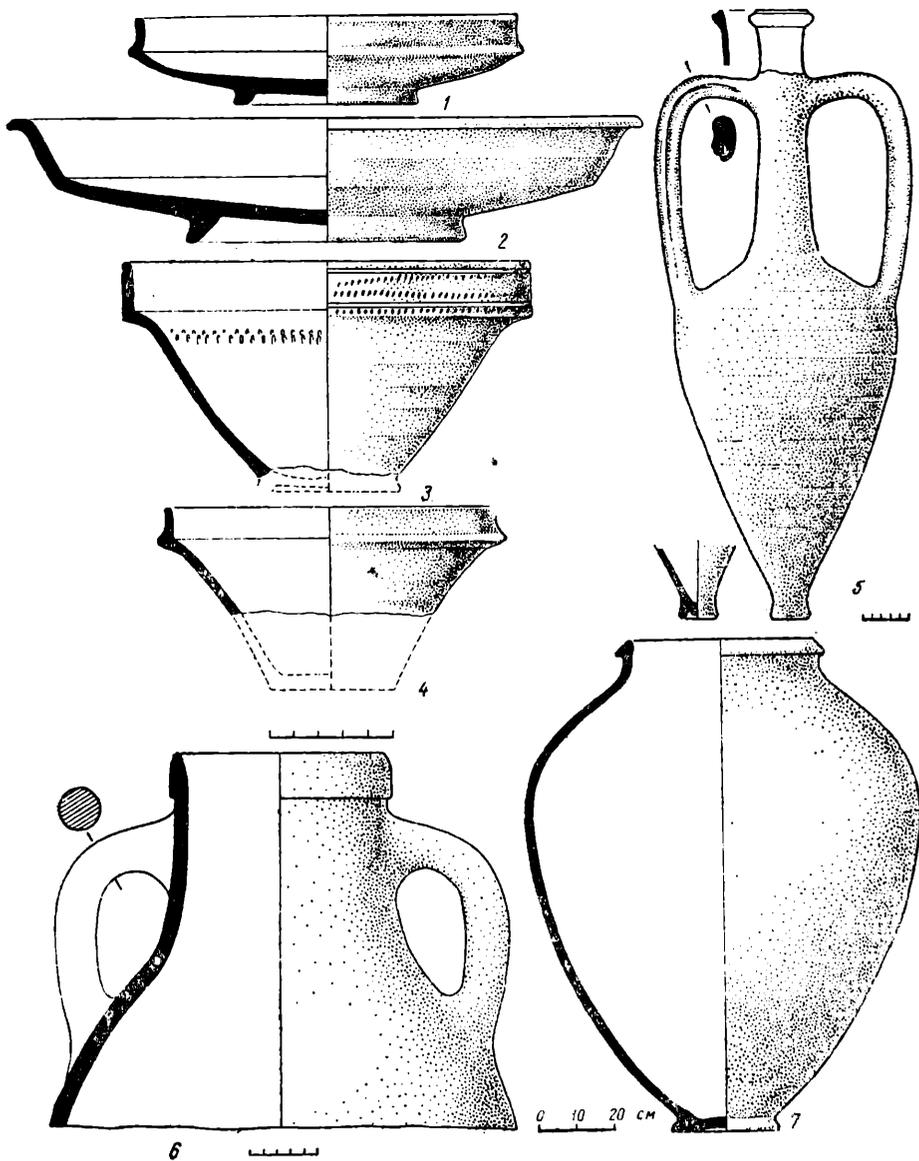

Рис. 8. Керамика из Мирмекия

1—4 краснолаковые сосуды; 5 — узкогорлая амфора; 6 — верхняя часть боспорской амфоры;
7 — дифос

Рассмотрим эту керамику. Очень показательна тарелка — с прямым бортиком, плавно изогнутыми стенками и кольцевой подставкой; дно украшено кругом, который образован врезанными штрихами (рис. 8—1). Как известно, такие тарелки были одним из самых распространенных видов краснолаковой посуды первых веков нашей эры. Профиль тарелки, найденной в яме, характерен для определенного времени. На основании сопоставления с датированными образцами мы вправе приурочить нашу тарелку ко II в.³, но при этом нельзя упускать из виду бесспорную близость ее

³ Т. Кнiрoвiтш. Указ. соч., стр. 51, рис. 12, 4; ср. Л. Ф. Силантьева. Указ. соч., стр. 290, рис. 5, 3—5.

Рис. 9. Находки из Мирмекея

1, 2 — ткацкие подвески; 3 — «бокалообразная» чашечка; 4 — узкогорлая амфора

к подобным сосудам, бытовавшим еще во второй половине I в. Отсюда следует, что дата тарелки должна быть определена вероятнее всего первыми десятилетиями II в.

У другой аналогичной тарелки утрачен бортик, что не позволяет восстановить профиль. Однако наличие на дне клейма — ступня в сандалиии — и круга из насечек указывает на время — не позднее рубежа I—II вв. н. э. Следующий образец — чашка с отвесным бортиком и резко суживающимся книзу корпусом (рис. 8—3). По наружной стороне бортика прочерчены две углубленные линии и три ряда штрихов; два пояска из насечек украшают также внутренние стенки чашки. На бортике, вероятно, были «рудиментарные» ручки — налепы в форме соединенных дужек. Они обыкновенно бывают у подобных чашек, но в данном случае о них приходится говорить предположительно, так как сохранился только обломок и на нем ручек нет. Подобные краснолаковые чашки были не меньше распространены в первые века нашей эры, чем отмеченные тарелки. С течением времени они претерпевали изменения в деталях профилировки и качестве выделки. Что касается публикуемой чашки, то свойственные ей признаки обнаруживаются у сосудов, принадлежащих последним десятилетиям I в. и первой половине II в.⁴; чашки второй половины II в. выглядят уже гораздо грубее⁵. Тем самым устанавливается дата мирмекийской чашки: конец I — первая половина II в.

Не вызывает сомнений и время конусовидной чашки с вертикальным бортиком (рис. 8—4). Тип этот очень хорошо известен, и данный экзем-

⁴ Ср.: Л. Ф. Силантьева. Указ. соч., стр. 286, рис. 3, 6.

⁵ Ср.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 302, рис. 4, 3.

пляр следует отнести к рубежу I—II вв.⁶ Менее обычна краснолаковая тарелка (рис. 8—2) на кольцевой подставке; стенки изогнуты под тупым углом, край выступает наружу; центральная часть дна окаймлена кругом из штрихов. Хорошего качества лак, тщательность формовки не дают никаких оснований считать тарелку сделанной позднее, чем в первых десятилетиях II в. Показательно, что очень близкие по форме краснолаковые тарелки, найденные в Тарсе, датированы «раннеимператорским» временем (I в.—начало II в.)⁷.

Отметим, наконец, фрагмент горшочка с двумя вертикальными кольцевидными ручками; тулово его округлое, венчик вертикальный; стенки снаружи орнаментированы одним рядом насечек. Подобные краснолаковые сосуды знакомы нам по достаточно многочисленным находкам в Северном Причерноморье. Они появляются еще в I в. н. э. и существуют вплоть до III в. По своим очертаниям и качеству изготовления горшочек, найденный в яме, никак не может быть поздним, он не выходит за границы первой половины II в.⁸

Таким образом, вопрос о дате мирмекийского комплекса керамики, оказавшегося в яме, решается достаточно определенно. Она охватывает период с конца I в. и примерно до середины II в. н. э. Это подтверждает отчасти монета, которая была упомянута вначале, главным же образом краснолаковая посуда, выступающая в качестве компонента, датирующего сопровождающий материал.

Перейдем теперь к самому существенному. Дело в том, что в яме обнаружено более двух тысяч обломков амфор. Очень многие из них принадлежат узкогорлым амфорам, которые отличаются не только своеобразием формы, но обладают также и весьма специфическими особенностями: керамическая масса всегда светлых тонов и неизменно содержит в изобилии мелкие черные минеральные включения. Эти свойства глины заставляют предполагать южнопонтийское происхождение узкогорлых светлоглиняных амфор. Большое количество их поступало в города Северного Причерноморья на протяжении первых веков нашей эры как тара жидких продуктов (вино, оливковое масло)⁹. В области Средиземноморья узкогорлые амфоры не ввозились. Амфоры интересующего нас типа, извлеченные из мирмекийской ямы, имеют однородную форму, что обусловлено, несомненно, их принадлежностью определенному и при этом сравнительно непродолжительному хронологическому периоду.

Одна амфора реставрирована из обломков (рис. 8—5; рис. 9—4). Правда, у нее отсутствует выступавшая над ручками верхушка горла вместе с обрамлявшим его венчиком. Но этот недочет компенсируется верхней частью второй такой же амфоры с отлично сохранившимся горлом, и мы получаем представление о светлоглиняных узкогорлых амфорах конца I—первой половины II в. н. э. Высота амфоры без венчающей части горла — 57,6 см, при целом горле — около 64 см.

Для амфор данного типа характерно длинное узкое горло, плавно расширяющееся внизу по подходе к плечам. Венчик, сделан в форме валика, переходящего у отверстия горла в чуть приподнятую острую закраинку, окаймляющую устье. Тулово амфоры — конусовидное, с желобчатой поверхностью, но желобки неглубокие, они едва заметны. Ножка слегка расширяется к основанию, внутри она полая, и в ней выступает нижний конец тулова амфоры. Лицевая сторона ручек профилирована, на каждой из них сверху донизу тянется довольно резко выступающее «ребро», прорезанное

⁶ Ср. Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 301, рис. 3, 3.

⁷ H. Goldman. Tarsus. Princeton, 1950, v. I (Text), стр. 241, № 369—371; v. I (Plates), табл. 193.

⁸ Ср.: Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 304, 305, рис. 5, 1; Д. Б. Шелов. Некополь Тананса. МИА, № 98, 1961, табл. XXIX, 5.

⁹ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора..., табл. XXVIII, XXXVII.

продольной канавкой. Цвет черепка первой амфоры в изломе белесый с сероватым оттенком, наружная поверхность слегка желтоватого тона; у второй амфоры черепок розовый.

На плечиках двух других амфор, найденных в той же яме, красной краской написаны буквы ХКО (возможно, последняя буква — тэта), ФЄ. Присутствие на узкогорлых амфорах буквенных обозначений, исполненных краской — явление довольно частое¹⁰. Значение этих надписей еще не совсем ясно. Похоже на то, что одни из них — это цифровые знаки (маркировка), другие обозначают (иногда в сокращенном виде или в форме монограмм) имена гончаров или хозяев — производителей того продукта, которым наполнялись амфоры, но возможны и иные значения. Так, например, на обломке узкогорлой амфоры, найденной в Тиритаке, отчетливо читается двухстрочная надпись: ΕΥΓΝ ΕΥΛΟΓ. Едва ли тут можно усмотреть имена. Напрашивается предположение, не слова ли это призыва к потребителю: εὐγν(φρόνει) εὐλόγ(ει) — „будь благосклонен“, „похвали!“. Отсутствие полной сводки всех известных надписей и знаков, написанных на узкогорлых амфорах, не позволяет пока должным образом в них разобраться¹¹.

Светлоглиняные узкогорлые амфоры такого профиля (удлиненные пропорции, конусовидное тулово и т. д.), каким обладают амфоры из мирмекийской ямы, в более позднее время становятся редкими. В комплексах III в. они встречаются отнюдь не регулярно. У этих амфор, отличающихся толстостенностью, резче выражена желобчатость тулова, горло короче, расширение горла книзу начинается с более высокого уровня, венчик массивнее, выделка в целом грубее¹².

Широкое распространение в III в., а вероятнее всего, уже со времени последних десятилетий II в., получили несколько иные узкогорлые амфоры — приземистые, с более коротким горлом, резко расширяющимся книзу, начиная от верхних концов ручек; тулово более выпуклое, чем у сосудов предыдущего образца¹³. Такие приземистые разной емкости узкогорлые амфоры — целые и битые — в изобилии обнаруживаются при раскопках развалин поселений III в. В практике наших полевых работ это наблюдалось в Пантикэпее (1929—1931 гг.), Тиритаке, Мирмекии, Илу-

¹⁰ Некоторые такие надписи на амфорах, найденных в Танаисе, воспроизведены в книге: Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1959, стр. 75, см. также: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, табл. XXXVIII, 94 б; XLI, 104 а, б; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритак в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 31 сл., рис. 24, 1. Здесь, между прочим, высказывалось предположение, что буквы Ф/В, написанные на узкогорлой амфоре, обломок которой был найден в Тиритаке в одной из рыбозасолочных цистерн, может быть, обозначают год выпуска амфоры по понтийской эре. В данном случае был бы 512—215 г. н. э., что казалось вполне соответствующим комплексу материала, среди которого нашли обломок. Однако от этой гипотезы приходится теперь отказаться. В самом деле, что получилось бы, если надписи, имеющиеся на миомекийских узкогорлых амфорах, мы по аналогии приняли бы также за датировку: ФЕ = 505 = 208 г., ХКΘ = 629 = 332 г. Названные даты, особенно последняя, находились бы в полном противоречии со всеми остальными хронологическими показателями мирмекийского комплекса. Таким образом, следует, очевидно, искать иного объяснения буквенных знаков, хотя, вероятно, они (во всяком случае, какая-то их часть) имели все же цифровое значение.

¹¹ Гораздо реже на узкогорлых амфорах встречаются клейма (Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 75 и сл., 142, рис. 46; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, табл. XXXVII; В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 109), но, насколько можно судить по имеющемуся материалу, клеймение таких амфор совсем не характерно для раннего периода.

¹² Образцы подсыных амфор см.: С. Ф. Стржелецкий. Раскопки в Инкермане. СА. IX, 1947, стр. 292, рис. 4; Н. В. Анфимов. Позднесаоматское погребение из Прикубанья. Сб.: Археология и история Боспора, Симферополь, 1952, стр. 210.

¹³ Т. Н. Книпович. Указ. соч., стр. 73; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора, табл. XXXVII; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритак в 1935—1940 гг., стр. 96, рис. 144, 4; е го же. Илурат, стр. 36.

рате. Численное преобладание тары указанного выше типа, ее доминирующее положение среди импортных амфор в позднеримское время весьма знаменательно. Оно свидетельствует о сужении внешних торговых связей северопричерноморских городов, о превалирующем значении в этот период сношений с Южным Причерноморьем, тогда как связи со Средиземноморьем сильно ослабли и не играли уже теперь такой роли, как раньше. Вместе со светлоглиняными узкогорлыми амфорами в мирмекийской яме найдены также обломки нескольких импортных амфор совершенно других типов, а также боспорских. Самый факт существования на Боспоре производства амфор в римское время был впервые твердо установлен в связи с открытием керамических печей III—IV вв. (Пантикапей — 1929 г., Фанагория — 1930—1931 гг.). С тех пор накоплен большой материал, знакомящий нас с различными типами амфор, выходявших из местных аргастериев в первые века нашей эры для удовлетворения главным образом внутренних потребностей в керамической таре. Наиболее известны боспорские амфоры III в.¹⁴ Как показывают наши мирмекийские находки, у боспорских амфор, изготовлявшихся в первой половине II в., было цилиндрическое горло и круглые ручки; верхний край горла охватывает венчик в виде рельефной широкой ленты (рис. 8—6), стенки гладкие, вся наружная поверхность покрыта светлым ангобом. Высота целой амфоры 75—80 см. Во II в., вероятно, выделялись на Боспоре и другие амфоры.

Боспорская керамическая продукция в мирмекийской яме представлена еще и пифосами, их обломков обнаружено около трех тысяч. Судя по числу днищ, в яму было сброшено свыше двадцати разбитых пифосов¹⁵. Примерно половина их с гладкими стенками, у остальных на тулове, начиная от плечей, сделаны горизонтальные выпуклые ребра — обручи, расположенные на некотором расстоянии один от другого. Чаще всего горло пифоса обрамляет круто отогнутый наружу венчик, соединяющийся непосредственно с наклонными стенками верхней части сосуда. Полностью сохранившийся пифос с таким горлом обнаружен в хозяйственном помещении дома, раскопанного (в 1960—1961 гг.) близ той ямы, содержимое которой мы рассматриваем. Этот пифос (рис. 8—7), относящийся, несомненно, ко II в., был врыт так, что его горло находилось на уровне пола. На его стенках вырезано крупными буквами имя Ποπλίης (рис. 10—1). Возможно, это имя гончара, но столь же допустимо предположение, что имя владельца.

В заключение отметим некоторые другие керамические изделия боспорского происхождения, найденные в той же яме. К числу их, в частности, относится красноглиняная, покрытая светлым ангобом чашечка на ножке (рис. 9—3). Такие «бокалообразные чашечки на высоких, расширяющихся книзу ножках» многократно встречались в Мирмекии в культурных напластованиях римского времени¹⁶.

Из четырнадцати оказавшихся в яме ткацких пирамидальных подвесок на двух — оттиски бородки ключа¹⁷, на одной по мягкой еще глине вырезано какое-то изображение, возможно, птицы (рис. 9—2) и, наконец, есть подвеска с вырезанной на ней надписью CICY (рис. 9—1). Эта надпись, вероятно, обозначает имя. Может быть, здесь дано в сокращенном

¹⁴ О. Э. Ланговая. Позднеримская амфора из Мирмекии. СА, VII, 1941, стр. 290; В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 56; И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора..., стр. 33 и сл.

¹⁵ На стенках некоторых пифосов с внутренней стороны обнаружена плотно прилипшая рыба чешуя, из чего следует, что часть таких сосудов служила для хранения соленой рыбы.

¹⁶ См.: МИА, № 25, 1952, стр. 173.

¹⁷ Ср.: В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. МИА, № 25, 1952, стр. 412 и сл.; Н. А. Онайко. О фанагорийских грузилах. МИА, № 56, 1953, стр. 158 (ткацкие подвески здесь представлены автором в качестве рыболовных грузил, об этом см.: МИА, № 85, 1958, стр. 143 и сл.).

виде имя Σισό(μβριον)? Правда, такое имя еще не встречалось в Северном Причерноморье, но оно отмечено в словаре греческих собственных имен Папе, и его бытование на Боспоре не исключено. Возможно, впрочем, что на мирмекийской подвеске вырезано уменьшительное прозвище, образованное от какого-нибудь женского имени вроде Σισούλις, фигурирующего на одном из горгиппийских надгробий римского времени (ΙΡΕ, IV, 445)¹⁸.

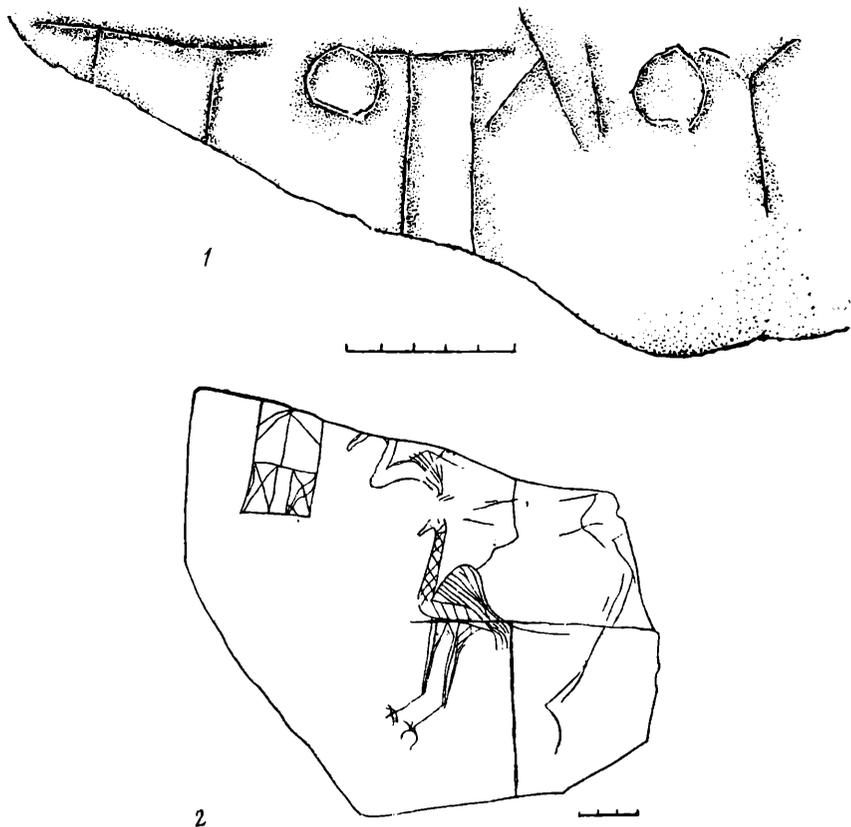

Рис. 10. Граффити на керамике.

1 — надпись на пифосе; 2 — обломок стенки сосуда с граффити

Наличие значительного числа пирамидальных ткацких подвесок в мирмекийском комплексе находок первой половины II в. н. э. напоминает об одной любопытной особенности античной материальной культуры Северного Причерноморья. В настоящее время в результате новых археологических исследований в Греции (Коринф, Афины) и Малой Азии (Тарс) установлено, что глиняные подвески для ткацких станков (конусовидные, пирамидообразные, дисковидные) употреблялись там только до I в. н. э.

¹⁸ В этой связи стоит вспомнить интересную надпись на ткацкой подвеске (дисковидной) II—III вв. н. э., найденной в 1870 г. в Фаагории. В ней читается: ἡθηαὶκὸς Μάγυρας — «женщины Манги», причем, по мнению И. И. Толстого, это имя рабыни (И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, стр. 145). Предложенное И. И. Толстым чтение самого имени не совсем бесспорно, нам кажется более вероятным Μάστρας. Но как бы то ни было, данная надпись является отличным подтверждением принадлежности керамических «грузил» к числу женских орудий труда, что вполне согласуется с их ролью подвесок-грузиков для ткацкого станка.

С конца этого столетия их больше не выделявали. Они стали ненужны, так как в Греции и, по-видимому, во всем Восточном Средиземноморье место вертикального ткацкого станка занял более совершенный в техническом отношении станок горизонтальный, который не требовал натягивания нитей основы с помощью подвесок¹⁹. Между тем на периферии античного мира, в греческих городах Северного Причерноморья, глиняных ткацкие подвески широко применялись и позже, во II—III вв. н. э. Последнее доказывается, в частности, многочисленными находками керамических пирамидальных подвесок в комплексах и культурных напластованиях боспорских поселений вплоть до конца античной эпохи. Это значит, что если горизонтальный ткацкий станок даже и проник в Северное Причерноморье в первые века нашей эры, то он, во всяком случае, не вытеснил здесь вертикального. Последний, очевидно, продолжал оставаться господствующим орудием ткацкого производства до самого позднего времени.

Завершая обзор находок, отметим еще обломок стенки амфоры с интересным рисунком — граффити, вырезанным на лицевой поверхности черепка (рис. 10—2). При всей условности и схематичности рисунка чувствуется довольно опытная рука исполнителя, изобразившего какую-то «композицию с птицами».

Комплекс керамики из Мирмекия, рассмотренный выше, позволил сделать ряд наблюдений, уточняющих хронологию некоторых групп керамического материала римского времени. Систематическое накопление наблюдений над подобными комплексами может весьма действенно способствовать установлению четких датировок массового археологического материала, в частности керамики первых веков нашей эры, что, в свою очередь, повысит его значение в качестве полноценного исторического источника.

¹⁹ Н. А. Thompson. Two Centuries of Hellenistic Pottery. «Hesperia», III, 1934, стр. 476; Н. Goldman. *Tarsus*. I, стр. 394; G. R. Davidson. The Minor Objects. Corinth, XV. Princeton, 1952, стр. 147.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Н. КАРАСЕВ

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ЧАЙКА БЛИЗ ЕВПАТОРИИ

Весной 1959 г. в песчаном карьере, расположенном в 7 км к западу от Евпатории, близ детского санатория «Чайка», на глубине около 3 м была случайно открыта древняя кладка из крупных блоков известняка. Она обнаружена в одном из котлованов карьера, у восточного края небольшого всхолмления, около дороги в санаторий¹.

Для выяснения стратиграфии перекрывающего слоя проведены были зачистки западного склона в северо-западном углу первого котлована и установлено, что холм над остатками древних сооружений искусственный. При зачистке открыта каменная кладка хорошей сохранности (стена I), залегавшая значительно выше обнаруженной ранее. Стена I раскрыта на протяжении 34,6 м. На основании современного рельефа можно предполагать, что она продлится не менее чем на 10 м в южном направлении и несколько больше — в северном, ограждая поселение с востока. Открытая часть стены I четко членится на три куртины, отделяющиеся друг от друга вертикальными швами (рис. 11, 1). Средняя куртина, I₂, полностью раскрытая, равна 20,5 м в длину: у подошвы ширина ее 0,7—0,9 м; ее единственный фас обращен к востоку. Западный край имеет небрежную и неровную кладку, указывающую на то, что эта сторона всегда примыкала к грунту, который, очевидно, насыпался одновременно с возведением каменной кладки. Стена I₂ довольно круто западает к западу, постепенно суживаясь кверху. Западение кладки — не результат смещения ее вследствие разрушения, а специальный прием, хорошо известный по оборонительным сооружениям Неаполя Скифского. Кладка, сохранившаяся на высоту 2,95 м, служила облицовкой песчаного вала или подпорной стеной для приподнятой песчаной платформы, искусственно насыпанной внутри огражденной территории (рис. 12—3). В песке к западу от стены I₂ — явные следы постепенной насыпки: во всю высоту в нем заметны мелкие линзы более темного цвета и отдельные случайные камни. Здесь же найден кусок древней мешковины; очевидно, песок при возведении оборонительных сооружений носили в мешках; один из них разорвался и брошен. Керамических находок в песке за стеной крайне мало.

Попутно выяснено одно важное обстоятельство: северный торец кладки I₂ примыкает вплитык к углу, образованному кладками I₃ и II (рис. 12—

¹ В июле 1959 г. к раскопкам приступил Скифский отряд Крымской экспедиции ИА АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея. В работе принимали участие А. Н. Карасев (нач. отряда), О. Д. Дашевская, И. В. Яценко, В. В. Лапин, В. И. Пругло и 11 студентов Московского, Ленинградского и Киевского университетов.

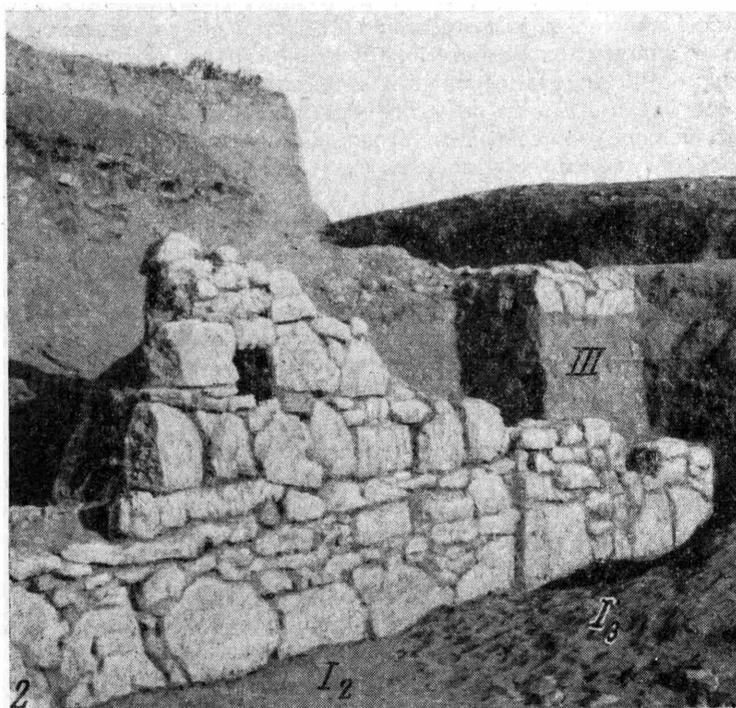

Рис. 11. Городище Чайка. Остатки стен.

1 — вертикальный шов между стенами I₁ и I₂, вид с востока; 2 — северная часть стены I₂ с нишей, вид с юго-востока.

2). Следовательно, сначала была ограждена только северная часть городища, и кладка II служила южной стеной ограды. Вскоре увеличили огражденную территорию еще на 20 м к югу, до стыка кладок I₁ и I₂. По всей вероятности, на южном конце кладки I₂ также есть угол, образованный еще одной стеной, уходящей, как и стена II, в западном направлении. Вероятно, и кладка I₁ будет длиной около 20 м, после чего она под прямым углом повернет к западу. Нет сомнения в том, что вся стена I оборонительного значения и сооружена по заранее разработанному плану, но не сразу. Разрыв во времени между сооружениями куртин, очевидно, минимален. На единый план постройки оборонительных сооружений указывают отсутствие разницы в залегании подошвы кладок в местах стыка и общий принцип возведения: подошва стены лежит на совершенно неподготовленном основании, т. е. на дневной поверхности песка; нижний ряд кладки с наружной стороны сложен из поставленных на ребро рваных плит. Прием этот не греческий и своими корнями уходит в глубокую древность. Кладка каменной облицовки носит все характерные признаки строительных приемов поздних скифов (падение подошвы каменной кладки, слабая, еле уловимая, волнистость в плане и др.). Любопытно, что каждая куртина (I₁, I₂ и I₃) восточной оборонительной линии выполнена в особой манере кладки.

Куртина I₁ поверх нижнего ряда из поставленных на ребро плит сложена на всю сохранившуюся высоту из сравнительно мелких камней, преимущественно плоских, без соблюдения горизонтальных рядов. Во второй — ряды сравнительно крупных рваных плит чередуются с рядами мелких плоских камней, при помощи которых выравниваются горизонтальные ряды. В куртине I₃, раскрытой на очень незначительном протяжении, большинство плит облицовки грубо отесаны и приближаются к прямоугольным формам, в кладке почти нет мелких камней, заметно стремление к горизонтальности рядов.

У третьего котлована карьера, на линии прохождения стены I, к западу от нее заложены два раскопа (5 × 10 м). На глубине 1,2 м от современной поверхности выявлена кладка III, восточный фас которой лежит на 1 м западнее восточного фаса кладки I₃, параллельно последней. Подошва кладки III залегает на 1,6 м выше подошвы стены I₃, на плотном слое песка с небольшим количеством камня.

Кладку III перекрывал слой завала из мелких камней, распространявшийся по всей открытой площади, шириной в 4 м, и уходящий в северный и южный борта раскопов. Создается впечатление, что на уровне кладки III находилась каменная стена шириной около 4 м, оказавшаяся полностью разобранной, и, как всегда бывает на месте разобранных оборонительных стен, остался слой мелкого камня². После удаления завала вскрыты кладки IV, V, VI и VII (рис. 12—2). Дойти до их подошв в 1959 г. не удалось. Наиболее интересна кладка IV, сложенная также на один фас, обращенный на запад. Вполне возможно, что она служила подпорной стеной или пандиром для внутренней стороны песчаного вала; в таком случае общая ширина нижней части оборонительных сооружений вдоль восточной стороны городища равнялась 7,5 м.

Кладки V, VI и VII образуют подвальное помещение, претерпевшее перестройки. Все оно было плотно заполнено каменным завалом. Наиболее ранней и лучше всего сохранившейся кладкой была очень тщательно сложенная стена V. Остальные (VI и VII) сооружены позже и очень небрежно. Любопытно, что верхний сохранившийся ряд стены VII сложен «в елочку», что характерно для раннего средневековья. Но никаких находок позже I в. н. э. мы здесь не обнаружили. Вдоль северного борта раскопа выявлена кладка VIII, но она раскрыта лишь частично.

² Наиболее ярко это наблюдалось при раскрытии оборонительных сооружений Неаполя Скифского.

В северной половине куртины I₂ расчищена небольшая ниша, расположенная на высоте 1,36 м от подошвы (рис. 11—2). Под нишей на высоту около 0,4 оказались остатки большого кострища, площадью около 6 кв. м. содержавшего сильно насыщенные золой и углями слои с прослойками глины и обломками печины. В кострище встречены кости, частично обожженные, и сравнительно много находок (в основном II в. до н. э.), среди которых оказалось 14 обломков «мегарских» чаш. Вероятно, в нише была установлена культовая терракота или каменный рельеф, перед которым длительное время совершались жертвенные сожжения.

Одновременно с раскрытием стен, относящихся к скифскому периоду существования городища, велось исследование нижележащих древнегреческих строительных остатков. Эти два резко отличающихся друг от друга яруса разделены слоем чистого песка, толщиной от 10 до 80 см.

Кладка из крупных блоков известняка, которая к началу наших работ была видна в длину всего на 4 м, была расчищена сперва на протяжении 13,5 м. Южный конец уходил в борт карьера, северный же был разрушен при обнаружении кладки в карьере. Здесь и начались работы по раскрытию древнегреческого здания. На площади 5×7 м частично выявлены четыре помещения (а, б, в, г) (рис. 12—1). Выяснилось, что ниже ряда крупных плит цоколя находится фундамент из бутового камня, полностью разобранный на отрезке 2,3 м и продолжающийся в пределах помещения б. От фундамента 1 отходит поперечная стена 2, открытая на высоту 1,5 м, сложенная на два фаса, а на расстоянии 3,9 м проходит продольная стена 3 (рис. 13—1), верхний ряд кладки которой, в пределах помещения а, очень своеобразен — он из поставленных на ребро полигональных плит. В стене 3 были дверные проемы, через которые соединялись помещения а с б и б с г. Все четыре помещения составляли подвальный этаж здания.

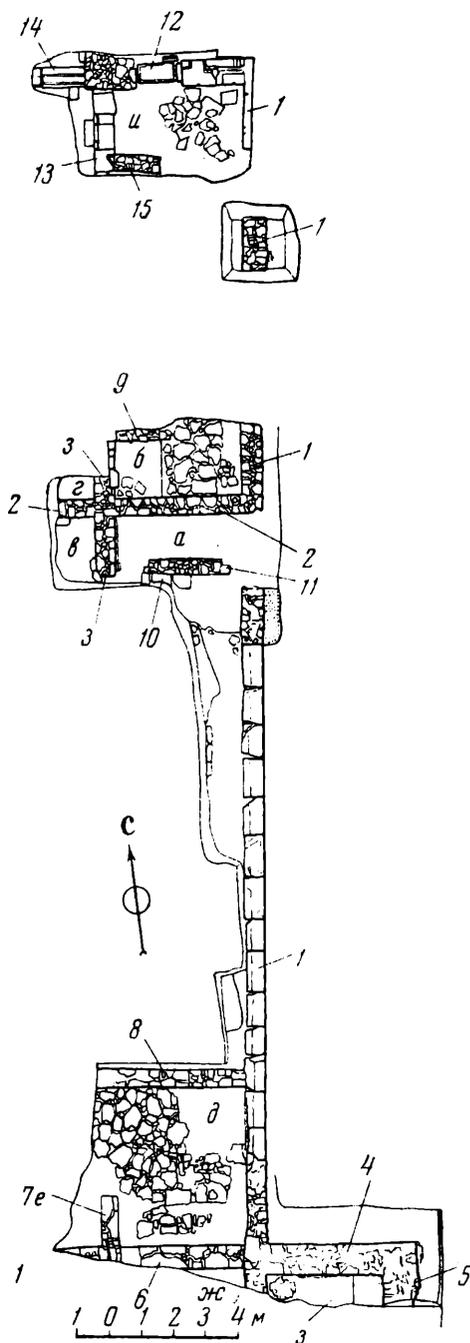
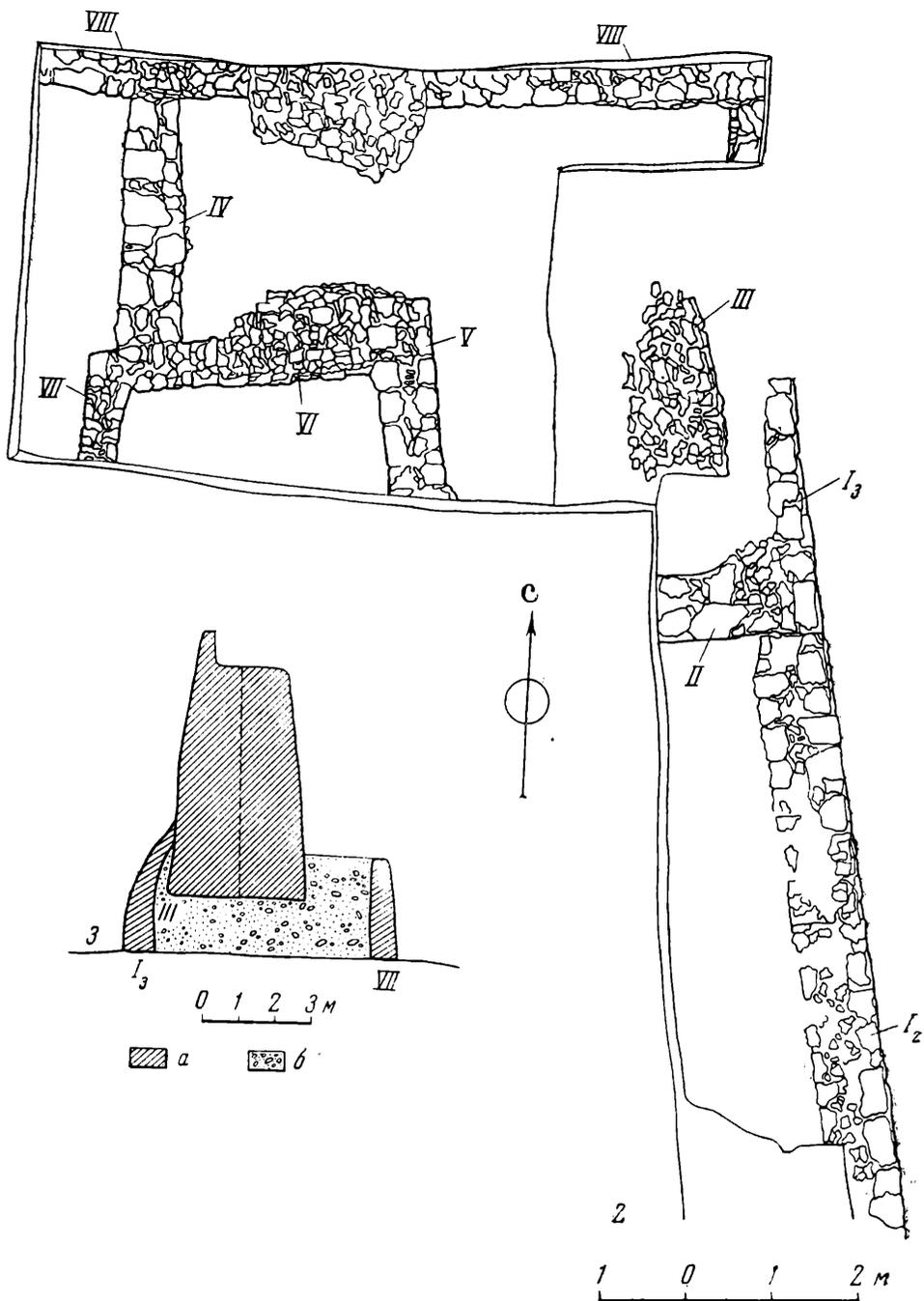

Рис. 12. Плянн постр

1 — план остатков древнегреческого здания в южной части раскопа;

на городище Чайка.

2 — план строительных остатков в северной части раскопа; 3 — разрез скифских оборонительных сооружений (реконструкция). Буквами обозначены помещения, цифрами — кладки стен, а — камень; б — песок с камнями.

Раскрыть подошву их стен не удалось из-за обильных грунтовых вод, появившихся на глубине 2 м от верха стены 3.

Нижний слой помещения *a* глинистый, очень сырой, с малым количеством находок, среди которых следует отметить синюю стеклянную подвеску с двусторонним изображением женской головы. Выше него залегал мощный слой пожарища, с большим количеством угля и горелой соломы. Открытые здесь кладки 10 и 11 — остатки поздних перестроек (до пожара и после него).

В соседнем помещении *г* следов поздних перестроек больше: дверной проем первого строительного периода заложен; построена, очень небрежно, поперечная стенка 9; почти вся площадь помещения занята поздней каменной вымосткой. Внутри помещений в верхнем темноглинистом слое, образовавшемся во время пожара и после него, найдены монета Керкинитиды первой половины III в. до н. э.³ и красноглиняный херсонесского производства кувшин с росписью в виде трех поясков красной краски. Особо интересна находка на полу помещения Б крупной зернотерки. Весь найденный внутри помещений материал верхнего слоя относится к III—первой половине II в. до н. э.

В южной части раскопа раскрыты остатки раннего здания на площади 54 кв. м (рис. 12—1). Здесь здание образует выступ к востоку на 4,7 м; в нем расчищена незначительная часть помещения 3. Ширина фундамента наружной стены 1 равна в верхней части 0,65 м, а фундаменты 4 и 5 — один метр. Это указывает на то, что выступающая на восточном фасаде часть здания была особого значения. По всей вероятности, фундаменты, лежащие на скале, несли повышенную нагрузку. Возможно, что здесь находился второй этаж или была надстройка в виде башни. В северо-западном и северо-восточном углах помещения 3 обнаружены остатки двух пифосов. На венчике одного из них — граффити.

Помещение *д*, площадью в 19,7 кв. м, оказалось частично перекрытым вымосткой второго строительного периода, сделанной крайне небрежно. Она уложена с неравномерным уклоном к юго-востоку. У северной стены 8 кладка обычна для стен подвального этажа, но стена 6 резко выделяется высоким качеством: оба ее фаса состоят из крупных, тщательно отесанных квадратов; ширина на 15 см больше обычной для поперечных стен подвала. Все это выделяет южную часть здания как парадную, даже в подвальном этаже.

Продольная стена 7, с дверным проемом, также выделяется хорошим качеством кладки. Помещения *ж* и *е* едва затронуты раскопками.

Западнее стены 7 в борту раскопа выявлено темное пятно почти квадратной формы, заполненное обуглившимися зернами мягкой пшеницы и двурядного пленчатого ячменя.

Из находок верхнего, скифского слоя в южной части раскопа следует упомянуть сосуд в виде трех слепленных вместе неглубоких чашечек на высоких поддонах (рис. 14—1); он, вероятнее всего, культового назначения.

К северу от помещений *б* и *г* заложены два небольших шурфа: шурф 1 — на линии прохождения наружной стены 1 и шурф 2 — на линии прохождения внутренней продольной стены 3. Работы показали, что древнегреческое здание продолжается в северном направлении. В шурфе 2 оказалась перекрывавшая остатки раннего здания вымостка из плоских плит, сделанных довольно неровно; на ней была обнаружена ручка херсонесской амфоры с клеймом. После удаления вымостки открыты стены еще одного помещения (*и*) большого здания. Вдоль восточного борта шурфа выявлены остатки наружной стены 1. Поперечная стена 12 сложена из крупных, хорошо обработанных квадратов, очевидно, вторично использованных (рис. 13—2). Стена 13 оказалась продолжением средней продольной стены

³ А. Н. Зограф. Античные монеты МИА, № 16, 1951, табл. XXXVIII, 17, 18.

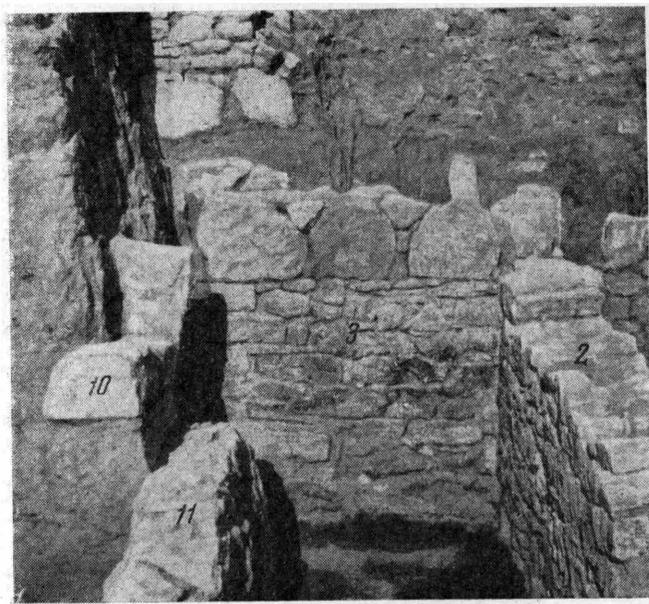

Рис. 13. Городище Чайка. Помещения а и и.
1 — помещение а, вид с востока; 2 — остатки помещения и, вид с юго-запада
(Цифрами на фотографиях даны №№ объектов)

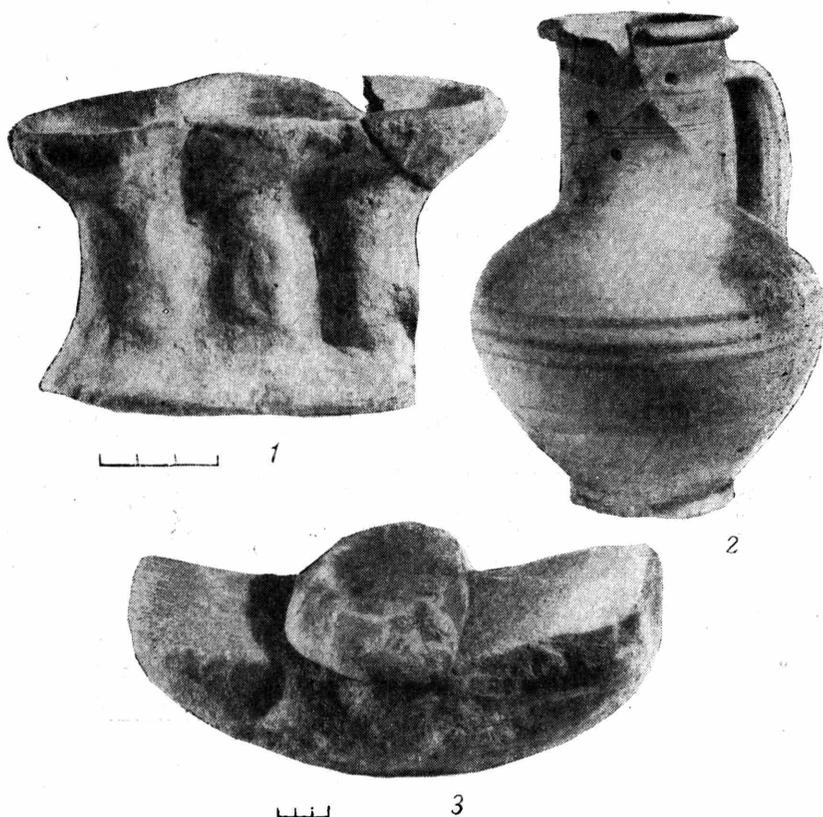

Рис. 14. Вещи из раскопок на городище Чайка.
 1 — лепной культовый сосуд; 2 — красноглиняный кувшин херсонесского производства;
 3 — зернотерка

подвального этажа. Западный фас ее сложен из хорошо отесанных плоских плит известняка; в верхней части — большая вырубка, назначение которой неясно. Вдоль южного борта шурфа вскрыта небольшая кладка из мелких камней (15), сложенная во время одной из поздних перестроек внутри помещения и. К западу от стены 13 обнаружены две большие плиты (14), в верхней плоскости которых вырублен желоб глубиной от 9 до 12 см, с еле заметным падением к востоку.

Создается впечатление, что помещение И было использовано для работы с водой или с какими-то жидкостями. Помимо желоба, об этом свидетельствуют следы длительного действия влаги, сырости. Находок в шурфе 2 было сравнительно мало, и датируются они в пределах III—II вв. до н. э.

В результате раскопок 1959 г. остатки древнегреческого здания раскрыты на протяжении 38,5 м. Выяснилось, что от здания, в исследованной его части, сохранился только подвальный этаж и часть цоколя на восточном фасаде. Подошва фундамента в настоящее время находится ниже уровня грунтовой воды. За прошедшие две с лишним тысячи лет уровень грунтовой воды несомненно повысился. В южной части здания фундамент стоит на скале; в центральной из-за воды до скалы дойти не удалось. Открыта только незначительная часть здания, большая же часть его уходит в западном направлении и перекрыта мощным (около 3 м толщины) культурным слоем, состоящим в основном из песчаного грунта. Здание ориентировано почти точно по странам света. В южной части восточного фасада выдвинуто на 4,7 м крыло. Значительно увеличенная толщина и особенно высокое качество фундамента крыла указывают на то, что в этом месте, вероятно, находилась повышенная часть здания — типа башни.

Продольные и поперечные стены подвального этажа, достигающие местами высоты 2 м, возведены различными приемами кладки, и, очевидно, помещения были различного назначения. Так, в средней части они, скорее всего, были складскими, а в южной имеют вид жилых или особых помещений, связанных с парадной частью здания. Характер кладки стен свидетельствует также о каком-то специальном назначении помещений И и К.

Цоколь сохранился в длину на 16 м; высота его была 0,4 м. На уровне подошвы цоколя к востоку от помещения А, на небольшой площади расчищена вымостка из щебня и известняковой крошки, образовавшихся при отеске блоков во время возведения стен здания.

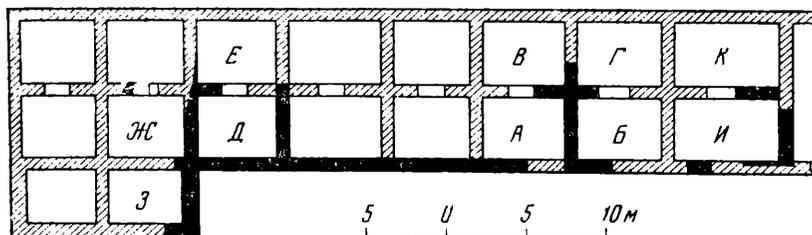

Рис. 15. План восточной части древнегреческого здания. Реконструкция.

Высокая техника кладки стен подвального этажа и ряд характерных технических деталей устройства цоколя указывают на то, что здание было построено не позже IV в. до н. э. Слишком малое исследование здания раскопками 1959 г. не дает возможности точно определить его назначение. Однако совершенно ясно, что это — не загородная вилла, принадлежавшая одному хозяину. Мы убеждены в том, что здание имело какое-то общественное назначение. К северу и северо-востоку от здания — остатки соленых озер, в настоящее время почти полностью засыпанных песком. Не исключено, что первоначально на этом месте могла находиться бухта, соединявшаяся к востоку от поселения с морем.

Открытые помещения дают возможность восстановить план подвального этажа в первом строительном периоде (рис. 15). В III в. до н. э. здание погибает от большого пожара, после которого оно перестало служить первоначальным целям, ради которых было построено. Большие помещения подвального этажа перегораживаются небрежно сделанными стенками, дверные проемы закладываются, а уровень полов становится значительно выше. После второго пожара в центральной части здания уровень полов делается еще выше, подошва стенок, перегораживающих помещения, также повышается, а кладка их носит следы крайней небрежности и спешки. В части помещений (Д, Б) делаются каменные вымостки. Все кладки ведутся из камней вторичного употребления. Та часть здания, где находились помещения И и К, ко II в. до н. э. была разрушена и перекрыта весьма небрежно выполненной вымосткой.

В III и II вв. до н. э. все помещения используются под жилища. Внутри них мы встречаем пифосы, зернотерки, обломки амфор и бытовую керамику. Судя по находкам и характеру перестроек, чувствуется постепенное обеднение и упадок.

Здание второго строительного периода окончательно погибает, очевидно, в начале II в. до н. э. За довольно короткий срок остатки разрушенного здания и вымостки вокруг него покрываются слоем чистого песка, почти без находок. Толщина этого «стерильного» слоя песка над шурфом 2 достигает 0,6 м.

Поселение, вероятно, было разрушено скифами, которые в это время захватили Керкинитиду. Выйдя к морю, скифы решили устроить здесь опорный пункт, укрепив его за короткий срок всеми возможными для них

средствами. О характере скифских оборонительных сооружений лучше всего можно судить по кладке I, которая, вероятно, была наружным панцирем песчаного вала. Слишком малые размеры раскопа, включившего остатки скифских оборонительных сооружений, не дают нам возможности с полной достоверностью восстановить их. Но и то, что удалось раскрыть в 1959 г., позволило сделать некоторые выводы и высказать рабочие гипотезы. Территория позднего укрепления была опоясана оборонительными сооружениями в три приема. Первоначально была защищена только северная треть площади, затем средняя и, наконец, южная. Делалось это, очевидно, последовательно, без каких-либо перерывов во времени. Сначала насыпался песчаный вал шириной в 6 м, укрепленный с внутренней и наружной сторон каменными подпорными стенами. Наружная одновременно служила панцирем вала. Вся кладка ведется из рваного камня — местного известняка, на глине с песком. Высота внешней облицовки вала была около 3,5—4 м. На высоте 1,5 м внутри вала находилась подошва каменной стены, от которой до нас дошел только завал мелкого камня. Ширина стены была около 4 м. Судя по известным нам оборонительным сооружениям поздних скифов в Крыму, можно предположить, что сначала ширина стены была вдвое меньше и только после возведения второго, внутреннего пояса достигла 4 м. Это предположение должно быть проверено в ходе дальнейших полевых работ. Если наши выводы подтвердятся, то подобный прием использования песка при возведении оборонительных стен явится, насколько нам известно, первым случаем в истории фортификации.

Мы считаем возможным высказать предположение, что открытое нами городище у санатория «Чайка» — это одно из укреплений (или «стен»). упомянутых в Херсонесской присяге и в декрете в честь Диофанта⁴.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ИТОГИ СЕМИЛЕТНИХ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ
У Д. СЕМЕНОВКИ

Раскопки поселения у д. Семеновки (Ленинградского р-на Крымской обл.) были начаты Восточно-Крымским отрядом Причерноморской экспедиции Института археологии АН СССР¹ еще в 1953 г. Основные работы были сосредоточены на выступающем в море холме²; кроме того, небольшие раскопы разбиты на холме в северо-восточной части бухты и на склонах ее южной части, где в 1960 г. обнаружен некрополь поселения. В результате семи раскопочных кампаний вскрыта площадь более 3500 кв. м. В настоящее время большая часть поселения, расположенного на холме, уже вскрыта, выявлена планировка в целом и планы отдельных домов. Поселение было расположено на нескольких террасах, центральная улица прорезала его с востока на запад. К ней выходили переулки, соединяющие боковые, более узкие улочки, подводящие к домам в южной и северной частях. Хорошо выявляется центральный жилой комплекс, расположенный между центральной улицей и параллельной ей южной. С восточной и западной сторон он ограничен переулками, соединяющими эти две улицы. Планировка центрального комплекса выявлена раскопками 1958 г. Дома здесь примыкали к длинной северной стене, не имевшей дверных проемов. Входы вели с юга через вымощенные камнями дворики. Некоторые из домов безусловно (а может быть, даже и все дома) были двухэтажными. На второй этаж вели лестницы, нижние каменные ступени которых сохранились в трех двориках (3, 11, 15).

При расчистке помещения 14³ было особенно хорошо заметно наличие двух уровней перекрытий и полов. Около западной стены, между плитами каменной «ларя» и печью, под обвалившимися камнями стен, лежавшими в золотом горелом слое (от упавшей земляной крыши), шел слой желтого песка и светлой обожженной глины, в котором найдены раздавленные и целые лепные сосуды. Под слоем желтой глины и песка лежал черный горелый слой, состоявший из золы, сажи и кусочков угля — вероятно, остатков деревянного перекрытия потолка первого этажа; этот слой покрывал весь пол помещения. У середины западной стены слой глины и песка был более мощным и лежал выше, чем в других частях помещения, и

¹ Нач. отряда И. Т. Кругликова; в различные годы в раскопках поселения принимали участие: Т. М. Арсеньева, Т. Г. Оболдуева, Т. М. Смирнова, М. Н. Романовская (ИА АН СССР); И. П. Приходько (Феодосийский краеведческий музей); В. И. Цехмистренко (МГПИ); В. Э. Кунин (Керченский историко-археологический музей); Р. Ф. Воронина (Москва) и др.

² И. Т. Кругликова. Поселение у деревни Семеновки. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 73.

³ В статье «Поселение у деревни Семеновки», стр. 78 оно вызвано помещением У; доследовано в 1959 г.

строго горизонтально, образуя возвышенный участок, на котором находились два камня прямоугольной зернотерки, двадцать пирамидальных грузил, положенных рядами, и нижняя часть глиняного четырехгранного столба. Когда слой желтой глины и песка был удален, выяснилось, что это остатки пола второго этажа, упавшего при пожаре на каменный столик нижнего помещения. Деревянный потолок нижнего этажа был перекрыт глиной с большим количеством мелкого светлого пёска, образующими пол второго этажа, где лежала зернотерка, стояли ткацкий станок с пирамидальными грузилами и лепные сосуды. На земляном полу первого этажа, в свою очередь, стояли различные сосуды, в том числе с зерном, лежала глиняная статуэтка богини. В полу были вделаны каменные плиты ясель, печь, ступы, столик и т. д. Все это, бесспорно, подтверждает наличие в поселении двухэтажных домов. Об этом же свидетельствуют и каменные лесенки, обнаруженные в южных двориках перед помещениями.

В. Ф. Гайдукевич при раскопках дома III в. н. э. в Тиритаке и Илурате также обнаружил в некоторых двориках каменные лесенки и предположил наличие там двухэтажных домов⁴. По-видимому, такой тип небольших двухэтажных домов был обычным в городах и поселениях Боспора III в. н. э., площадь которых внутри городских стен была тесно насыщена постройками. Недостаток свободного пространства внутри городских стен мог восполняться только сооружением двухэтажных домов.

В западной части раскопа в 1959 г. обнаружен новый жилой комплекс, отделенный от центрального переулком 31, который по существу был продолжением восточной улицы. Ширина переуллка — 1,4 м. Он частично вымощен каменными плитами, частично усыпан мелкой щебенкой, плотно утрамбованной в результате длительного использования. Наружные стены домов, выходящие в этот переуллок, были массивнее внутренних стен зданий. Постройки западного жилого комплекса, так же как и центрального комплекса, примыкали к длинной северной стене без дверных проемов, но планировка зданий здесь была иной. Здесь нет с юга характерных мощенных дворики. В дома ведут длинные узкие проходы. Из двух раскопанных пока домов, разделенных смежной стеной, в одном — два, в другом — три помещения. В северо-восточном помещении 32 (как и у всех сооружений центрального жилого комплекса)⁵ пол северной половины был вымощен каменными плитами. Помещение разделялось каменным сооружением типа ларя длиной 2 м, примыкавшим к восточной стене: северо-западный угол отгорожен каменной полукруглой загородкой (рис. 16—1), внутри которой была каменная забутовка. Такие же загородки были в помещениях 27, 55, 80 и др., встречаются они и в домах Илурата⁶. В. Ф. Гайдукевич предполагает, что они имели культовое назначение. Под камнями внутри загородки найдены стеклянная бусина и кучка костей от двух куриц. Может быть, это следы строительной жертвы или культового жертвоприношения. На полу в средней части помещения найдены верхняя и нижняя плиты зернотерок прямоугольной формы из крепкого лилового камня, аналогичные найденным в Илурате⁷, Ново-Отрадном⁸, Киммерике и обычные для поселения Семеновка. В южной части пол был земляным. У южной стены, слева от входа, стояла каменная ступа, а справа — глинобитная печь. Ступа и печь — обязательные атрибуты почти каждого из помещений

⁴ В. Ф. Гайдукевич, Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 49; его же. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 37; его же. Некоторые итоги раскопок Тиритак и Мирмекия. ВДИ, № 3, 1947, стр. 196.

⁵ И. Т. Кругликова. Указ. соч., стр. 73. сл.

⁶ В. Ф. Гайдукевич. Илурат..., стр. 130.

⁷ Там же, стр. 125, рис. 132.

⁸ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 240, рис. 3.

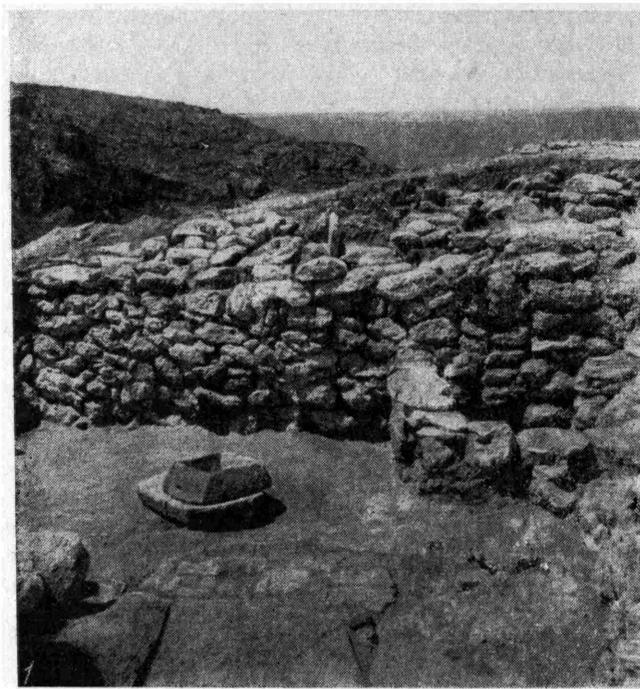

Рис. 16. Поселение у д. Семеновка. Помещения 32 и 34.
1 — каменная загородка в углу помещения 32; 2 — каменный столик
в помещении 34

Семеновки. Все они однотипны и находят прямые аналогии в Илурате⁹. Киммерике¹⁰, Ново-Отрадном¹¹ и других поселениях Боспора III в. н. э. На полу встречены простой кувшинчик (рис. 17—7) и две большие раздавленные остродонные амфоры с реберчатыми стенками, широким горлом и профилированными ручками. В одной из амфор были обуглившиеся зерна пшеницы. Кроме того, на полу обнаружено много лепных сосудов: краснолощенные горшочки и миски, одноручный сосуд со сливом, светильник с вытянутыми рожками и на высокой ножке, горшок с обуглившимися зернами ячменя, два сосуда типа корчаги с сужающимся горлом и раздутым туловом, одноручный сосуд и др. Здесь же найдены две примитивные женские статуэтки (рис. 17—8), аналогичные находимым на этом же поселении¹² и в Мысовке¹³. Из железных изделий интересны: наконечник дротика, наконечник лопаты, коса, нож, болт, ключ¹⁴ (рис. 18—1). Найдены четыре медные монеты очень плохой сохранности: удалось определить только двойной денарий Рискупорида V (263—265 гг. н. э.) и медную монету III в. н. э. с надчеканкой. Кроме того, в числе находок — бронзовое колечко, бронзовый гвоздь, пробковый и деревянный поплавки, два пирамидальных грузила, два точила, обломок терракотовой статуэтки петуха, светильник (рис. 17—2), свинцовая гири¹⁵. На полу среди сажи и золы, кроме черепков посуды и целых вещей, встречается много кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Вероятно, потолок этого помещения был из прутьев, положенных на деревянные перекрытия и обмазанных глиной. Обуглившиеся деревянные плахи перекрытия лежали в направлении восток—запад, по обе стороны каменного «ларя». Над этим помещением также был второй этаж, судя по двум уровням нахождения вещей. Всего на полу помещения и в засыпи найдено не менее шести амфор. На горлах четырех из них была процарапана буква «X» — может быть, начало имени их владельца, хозяина дома.

Примыкавшее к этому помещению с юга помещение 34 попорчено позднейшими ямами. Неизвестно, была ли в нем печь. Сохранилась лишь ступа, стоявшая слева от деревянного проема, каменный «ларь» из поставленных на ребро плит справа от входа и каменный столик (рис. 16—2) в северо-восточном углу. Находок здесь мало. Среди них интересен сосуд на трех ножках со сквозными отверстиями (рис. 17—5), служивший, вероятно, для изготовления сыра, аналогичный найденному в Илурате, и нижняя часть ручки бронзового кувшина с рельефной фигурой Эрота (рис. 18—2)¹⁶. Вход в оба помещения был через проход 35 (шириной 0,9—1,4 м). С Запада к этому дому примыкал дом с помещениями 33, 38, 46 и 37. Стена, разделяющая два прохода — 35 и 36 — носит следы перестройки. Она кривая, небрежно сложена. Возможно, первоначально здесь был один дом с центральным двориком, из которого можно было попасть в пять помещений. Позднее дворик был перегороджен и образовались два узких прохода — 36 и 35. Помещение 33, так же как и соседние 32 и все поме-

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 57, рис. 45; стр. 76, рис. 68; стр. 107, рис. 106; стр. 117, рис. 120; стр. 120, рис. 25.

¹⁰ И. Б. Зеест. Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 100, рис. 44.

¹¹ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора, стр. 240, рис. 3.

¹² И. Т. Кругликова. Поселение у деревни Семеновки, стр. 76, рис. 30, 2 и стр. 79, рис. 32, 1.

¹³ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения Боспора, стр. 254, рис. 11, 6—7.

¹⁴ Аналогия этому оригинальному ключу есть в Коринфе среди железных изделий IV в. до н. э. В Семеновке найдены два таких ключа.

¹⁵ Плоская, прямоугольной формы гири, весом 212 г; аналогичная найдена в помещении III в. 1958 г. См. Л. И. Чуистова. Весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1962, стр. 30, № 68 и стр. 31, № 72.

¹⁶ В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 72, рис. 64а, 1.

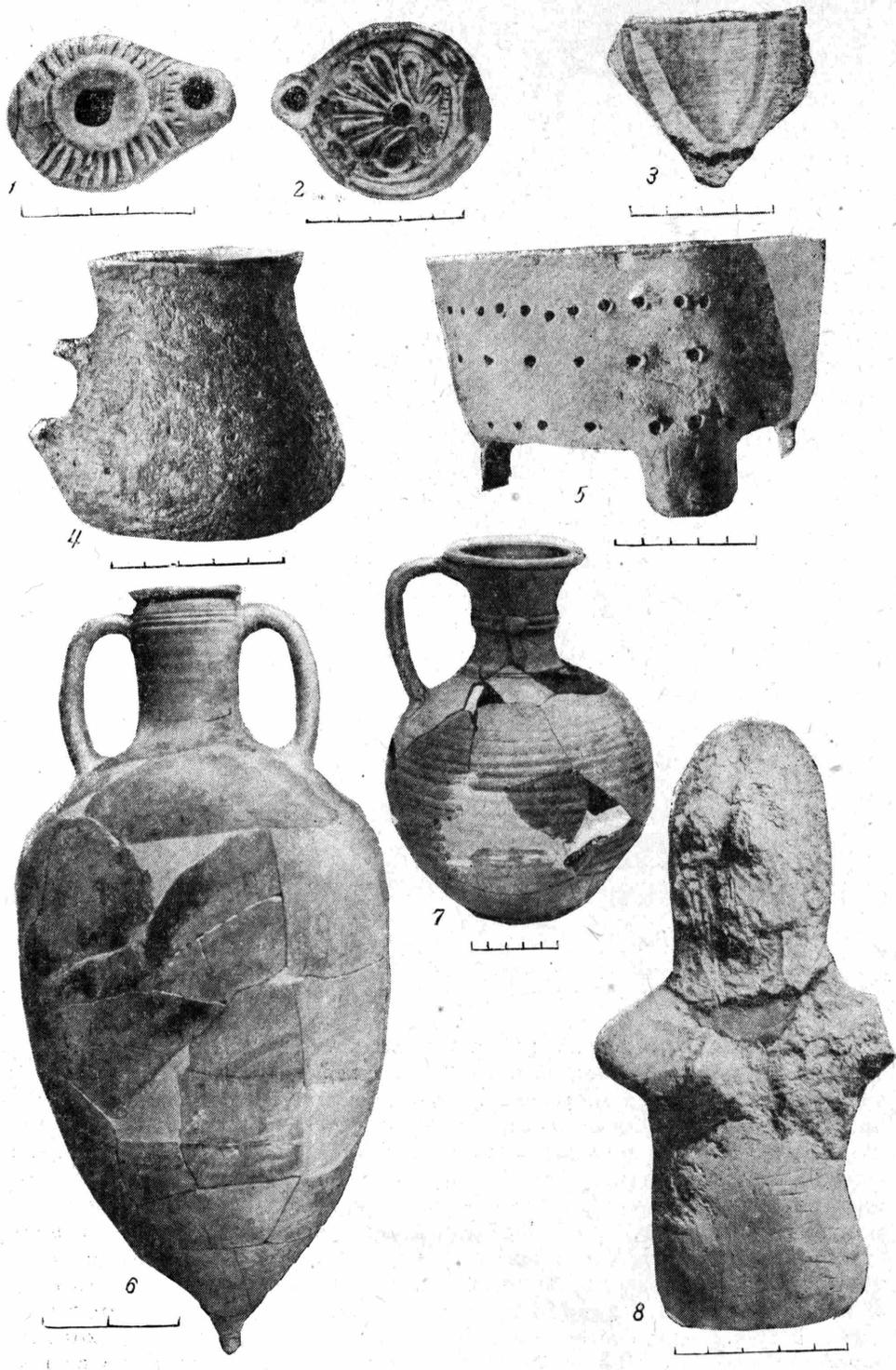

Рис. 17. Находки с поселения у д. Семеновки.

1 — светильник из помещения 80; 2 — светильник из помещения 32; 3 — обломок штукатурки с росписью;
 4 — красноощенный горшочек из помещения 85; 5 — сосуд на трех ножках с отверстиями из помещения 34;
 6 — амфора из помещения 33; 7 — простой кувшинчик из помещения 32; 8 — глиняная статуэтка из
 помещения 32

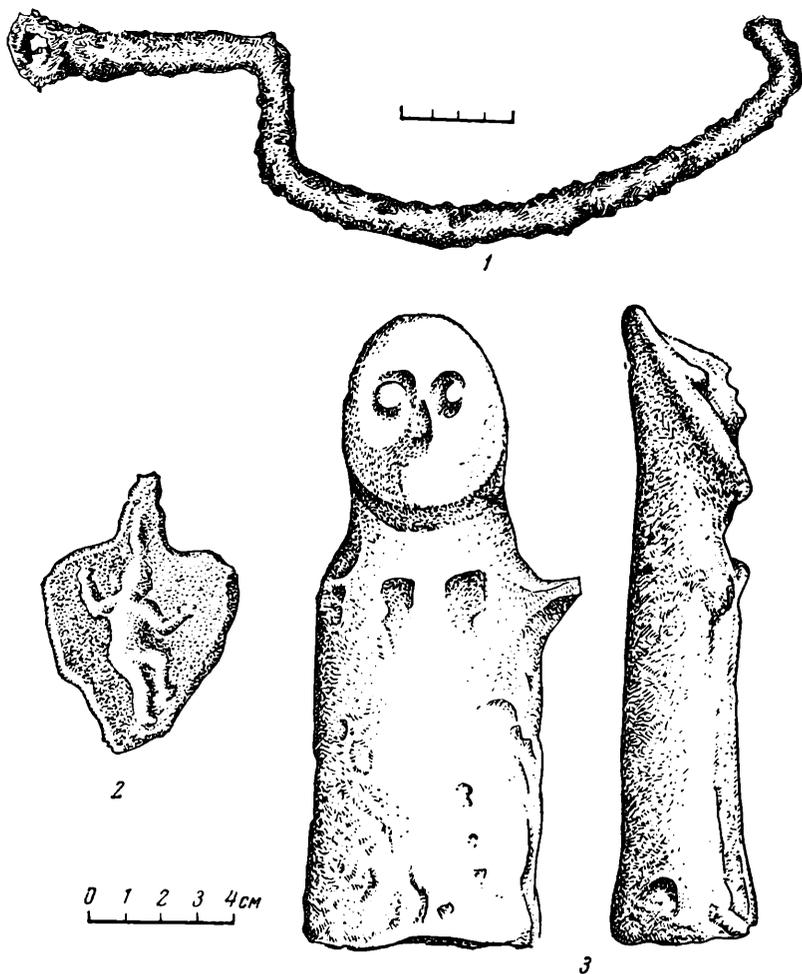

Рис. 18. Находки с поселения у д. Семеновки.
 1 — железный ключ; 2 — нижняя часть ручки бронзового сосуда с рельефом;
 3 — глиняная статуэтка из помещения 40.

щения центрального жилого комплекса, разделялось на две части. Только каменными плитами была вымощена не северная половина, а западная. Каменные стоящие на ребре плиты со сквозными отверстиями для привязывания скота отделяли ее от восточной половины с земляным полом. В восточной половине находились глинобитная печь (в северо-восточном углу) и каменная ступа, примыкавшая к дверному проему слева. На полу лежал каменный круглый жернов зернотерки и стояли три крупные остродонные амфоры (рис. 17—6) с обуглившимися зернами пшеницы и ячменя. Здесь же был лепной кувшин с кусочками краски, два корчаговидных сосуда, костяная проколка, железный нож, каменное круглое грузило и др. В соседнем с юга помещении 38 также была глинобитная печь. Вход в него, как и в третьем, еще более южное, был с востока, из длинного прохода 36, ширина которого от 0,7 до 1,8 м (в южном конце). Северный конец прохода был сужен каменной лестницей, которая, вероятно, вела на второй этаж.

В северо-западной части поселения, к северу от центральной улицы, были три спускающиеся к морю террасы. Их подпорные стены шли, по-видимому, параллельно центральной улице. На самой нижней из раскрытых

террас в 1961 г. расчищен дом: центральный дворик 77 и четыре помещения: 76, 80, 83, 85. В каждом из них была печь; в двух (80 и 85) сохранились каменные ступени; в помещении 85 около печи — каменный столик. На полу помещения 80 найдено много зерна, угли от сгоревшего перекрытия, 9 пирамидальных грузил, много лепной посуды, большая амфора, светильник (рис. 17—1) и другие вещи. В помещении 85 найдены две бронзовые монеты III в., пряслице, краснолощенные (рис. 17—4) и простые лепные сосуды; во дворе 77 обнаружены остатки четырех амфор и более 12 лепных сосудов, пифос, пряслице, зерна пшеницы. Хотя своими большими размерами этот дом выделялся, встреченный в нем бытовой инвентарь ничем не отличается от найденного в маленьких домах. Во всех его помещениях преобладала лепная посуда. Найденные на полу бронзовые браслет, булавки, стеклянные бусины были очень скромны. Ничто из находок не указывает на принадлежность обитателей к более богатым слоям населения.

На второй террасе располагались двухэтажные дома, о чем свидетельствует лестница в проходе 79. Планировка их пока еще неясна, но она отличалась от планировки только что описанного дома на первой террасе. Два помещения смежные (84 и 78), выходили в проход 79. Из этого же узкого прохода попадали в дворик 86, а через него в помещение 87, смежное с двумя первыми, еще не докопанное.

На верхней террасе, ограниченной с юга центральной улицей, расположены дома различного типа. Большинство из них было соединено с улицей длинными узкими коридорами. У некоторых были мощные дворики, из которых через дверные проемы попадали в жилые помещения. Таковы, например, дворик 39 и примыкавшие к нему помещения 40, 43, 55 и 56 в северо-восточной части поселения.

В горелом слое, заполнявшем помещение 40, найдено большое количество краснолощенной керамики: лепных мисочек, кувшинчиков и горшочков. Обнаружено несколько раздавленных амфор, содержащих обугленные зерна пшеницы, и бронзовая пряжка. В помещении 43 под камнями обвалившихся стен было большое количество кусков обожженной глиняной обмазки потолка с отпечатками прутьев. В горелом слое, покрывавшем пол, найдена бронзовая монета — двойной денарий Рискупорида V (263—265 гг. н. э.), бронзовая подвеска в виде доски с ушком, обломки стеклянного сосуда и железного ножа, фрагментированная глиняная примитивная статуэтка, покрытая гипсом (рис. 18—3), лепные сосуды и др. В другой, расположенный рядом, дом можно было попасть через узкий коридор 50, в помещение 52. Почему-то в отличие от предыдущего владения здесь дворик оказался отгороженным стеной. Оба дома имели смежную стену, составляя по существу один большой жилой блок.

В западной части этой же террасы находился дом, в котором были смежные помещения 71 и 72, и к каждому из них подводили узкие мощные проходы (61 и 62), соединявшие их с центральной улицей.

Находки во всех домах однотипны и свидетельствуют о более или менее одинаковом уровне жизни обитателей. Об их занятии земледелием свидетельствуют неоднократные находки железных лемехов плугов и кос; о занятии рыболовством — пробковые поплавки, крючки, иглы для вязания сетей, грузил; о ткачестве — ткацкие грузики и пряслица; о садоводстве — садовый нож. Во многих помещениях найдены боспорские монеты III в., свидетельствующие о торговле. Разнообразие размеров и планов домов наблюдается и в Илурате. Но там В. Ф. Гайдукевич предполагает и различие в имущественном положении жителей, чего для Семеновки мы сказать не можем.

В результате работ последних лет на городище у д. Семеновки обнаружены ранние слои, подстилающие слой III в. н. э., к которому относятся все раскрытые жилые комплексы. Впервые в 1959 г. на холме под построй-

ками III в. н. э. открыты культурные слои и строительные остатки I в. н. э., I в. до н. э. и III в. до н. э. Установлено, что поселение на данном участке возникло в III в. до н. э. и, по-видимому, было тогда достаточно богатым. В нем были постройки со стенами, покрытыми расписной штукатуркой. Обломок штукатурки с росписью белой, желтой, оранжевой и черной красками, с изображением ов найден при расчистке оборонительной стены I в. до н. э.: по-видимому, при ее сооружении использовались камни от разобранной постройки III в. до н. э., при этом на некоторых камнях сохранилась штукатурка. Характер найденного обломка фрески близок росписи пояса из ов на стенах Васюринского склепа, датирующегося III в. до н. э.¹⁷

К слою III в. до н. э. относятся одна из стен (100), находящаяся ниже уровня пола помещения I в. до н. э. — I в. н. э. в северо-западном углу раскопа, и остатки глинобитной печи, обнаруженной ниже подошвы оборонительной стены 82, датирующейся I в. до н. э. — I в. н. э. Среди находок слоя III в. до н. э. есть обломки синопских и родосских остродонных амфор, в том числе их клейменных ручек, обломки лепных сосудов, гончарных тонкостенных боспорских кувшинчиков и кости животных.

Слой II в. до н. э. пока не обнаружен. Но отдельные находки, которые могли относиться к нему, встречались в слоях более позднего времени: обломки так называемых мегарских чаш, двуствольные ручки косских амфор, обломки родосских амфор и пр.

Слой I в. до н. э. — I в. н. э. обнаружен на нескольких участках. К нему относятся остатки помещения с очагом в северо-западном углу раскопа, большая яма 1 в юго-восточном и лишь частично раскрытые каменные вымостки помещений, расположенных к северу и югу от стены 70. К этому же слою относится оборонительная стена 82, которая позднее несколько раз укреплялась путем пристройки к ней новых поясов.

Наиболее мощный культурный слой относится к I в. н. э. Он представляет собой золисто-мусорный слой, толщиной 0,9—1,1 м, подстилавший все южные и юго-западные постройки. К нему относится большинство панцирей оборонительной стены 32—69 и стена 70. В I в. н. э. производились большие строительные работы. Усиливались и перестраивались оборонительные стены, нивелировалась поверхность холма, создавалась специальная земляная насыпь в южной части поселения и поднимался уровень дневной поверхности южного квартала. В слое I в. н. э. преобладают обломки сосудов эллинистического времени, но включение в него отдельных обломков краснолаковой керамики, синопских амфор так называемого римского типа, светлоглиняных узкогорлых амфор первых веков нашей эры и некоторых других вещей заставляют рассматривать этот слой как насыпь, возведенную в I в. н. э. при нивелировке поверхности холма.

Раскопы на восточном холме позволили выяснить протяженность поселения позднеллинистического периода, которое занимало не только выступающий в море мыс, но и восточный холм. На вершине его найдены остатки постройки I в. н. э., а на северо-западном склоне сохранились культурные слои конца III—II в. до н. э., I в. до н. э. — I в. н. э. и II—III вв. н. э.

В некрополе, обнаруженном в 1961 г. на крутом склоне в южной части бухты, расчищены четыре могилы: две простые грунтовые, одна в виде большого каменного ящика, перекрытого массивными плитами, одна детская из тонких плоских камней, поставленных на ребро. Во всех могилах было по несколько скелетов. Найдено много бронзовых украшений, бус, бисера, краснолаковые и лепные сосуды.

Благодаря раскопкам последних лет, открыты новые жилые кварталы, выявлены особенности планировки поселения, особенности быта его обита-

¹⁷ Е. В. Ернштедт. Монументальная живопись Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 253.

телей в III в. н. э., а также наличие и характер оборонительных стен. Намечены основные этапы жизни поселения. Оно возникло на этом месте в III в. до н. э.; около I в. до н. э. сильно пострадало в результате пожара, о чем свидетельствуют остатки горелого слоя на вымостках к югу и к северу от стены 70. В I в. н. э. произведены большие земляные работы, перестроены и укреплены оборонительные стены. В III в. н. э., после 267 г., поселение прекращает существование в результате грандиозной катастрофы.

Эти основные этапы жизни поселения хорошо сочетаются с общей историей Боспора. После наибольшего экономического расцвета Боспора в IV в. до н. э., связанного с размахом торговой торговли с Афинами, с расширением территории Боспорского царства, с возникновением массы сельских поселений и основанием новых городов, наступает период постепенного спада. Уменьшение хлебного вывоза в Афины в III в. до н. э., конкуренция египетского хлеба привели к падению цен на хлеб и появилось стремление заняться более выгодными промыслами: рыболовством, скотоводством и пр. С этим, вероятно, связан рост прибрежных поселений и постепенное захирение земледельческих поселков, удаленных от моря. Гибель глубинных сельских поселений и перемещение жителей в укрупненные поселки по берегам моря, возможно, связаны также с подавлением восстания Савмака, которого поддержали местные скифы, жившие в боспорских сельских поселениях. Расправа с восставшими тоже могла быть причиной уничтожения поселков, находившихся на царских землях или на землях крупной боспорской аристократии. Перемещение сельского населения в прибрежные районы, в места, удобные для возведения укреплений, наблюдаемое на рубеже III и II вв. до н. э., усилилось благодаря беспокойному внешнему положению. Напор сарматов, образование скифского государства в Крыму сопровождалось военными столкновениями и делала жизнь в небольших неукрепленных сельских поселениях опасной. В начале I в. н. э. Боспор, вероятно, переживал ряд катастроф. Именно к этому времени относится гибель поселения Золотого Восточного, прекращают свое существование Порфмий, усадьба у Мирмекия. На рубеже I в. до н. э.—I в. н. э. возводится оборонительная стена Семеновки. В I в. до н. э. возникают крепости на Таманском берегу Боспора¹⁸. В I в. н. э. строится крепость Илурад¹⁹. В это же время перестраиваются укрепления Семеновки. Очень заманчиво видеть в этом осуществление централизованного плана обороны от скифов-кочевников, осуществляемого Асандром во второй половине и в конце I в. до н. э., при котором оборона Боспора была настолько мощной, что обеспечивала спокойствие и позволяла не платить дани скифам²⁰. Гибель поселения у д. Семеновки также связывается с общевоспорской катастрофой. В это же время гибнут Илурад, Киммерик, поселение у Ново-Отрадного и многие другие. Катастрофу эту надо связать с нападениями варварских племен, известных в истории под названием готских.

¹⁸ См. доклад Н. И. Сокольского на секторе античной археологии ИА АН СССР в сентябре 1961 г.

¹⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурад, стр. 29.

²⁰ Страбон, VII, 46.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА КЕПЫ В 1961 г.

Таманская археологическая экспедиция ИА АН СССР в 1961 г. продолжала раскопки городища Кепы¹ параллельно с широким исследованием кепского некрополя².

Цели работ оставались прежними — исследовалась история города и его топография. Раскопки производились на четырех участках (раскопы А, Ж, Э, И), общая площадь которых составила 325 кв. м. Толщина культурного слоя на отдельных участках различная, в среднем 2—3 м, но на раскопе Э материковый песок в одном месте залегал только на глубине 1,2 м, в то время как на раскопе И — на глубине до 6 м. Раскопки еще раз показали, что культурный слой на городище сильно нарушен перекопами и ямами различного рода и времени. Особенно губительными оказались большие прокопы новейшего времени с целью добычи камня. Тем не менее в той или иной сохранности были зафиксированы 12 культурных прослоек, большинство которых обнаружено предыдущими раскопками. Работы 1961 г. позволили внести ряд уточнений в шкалу основных слоев, принесли новые находки и позволили сделать некоторые выводы по истории, экономике и культуре города.

На ежегодно расширяемом раскопе А (западном) раскрыта площадь 125 кв. м (рис. 19—а) и зафиксированы 10 культурно-исторических напластований. На южном участке раскопа (кв. IV) доследована небольшая площадь с остатками архаического слоя конца VI—начала V в. до н. э. От этой эпохи дошла часть ракушечной прослойки, покрывавшей остатки вымостки из мелких булыжников, по-видимому, привезенных из Средиземноморья в качестве корабельного груза (рис. 20—1). Среди находок этого слоя, который в разрушенном состоянии отмечен в северной части

¹ Нач. экспедиции — Н. И. Сокольский; рук. отряда на раскопках некрополя — Н. П. Сорокина. Ответственные за участки: Э. Я. Николаева, Е. М. Алексеева, И. К. Фролов, Н. А. Фролова. В экспедиции приняли участие студенты исторического ф-та МГУ. Большую помощь экспедиции оказали работники Таманского пескокарьера треста Росформатериалы. Раскопки городища ведутся с 1957 г., о них см.: Н. И. Сокольский. Раскопки в Кехах. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 53—63; его же. Работы в Кехах в 1958 г. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 66—72; его же. Раскопки в Кехах в 1959 г. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 55—65; его же. Раскопки городища Кепы в 1960 г. КСИА, вып. 91, 1962. В течение пяти лет на городище вскрыта площадь 1050 кв. м, распределившаяся по раскопам А (западный), Б (северный), В (Центральный), Г (Приколдезный), Д (юго-западный), Е (юго-восточный), Ж, Э и И, часть которых, имея небольшие размеры, преследовала разведочные цели.

² Планомерное исследование кепского грунтового некрополя начато отрядом ГИМ под рук. Н. П. Сорокиной в 1959 г. В 1961 г., в связи с выделением значительных средств Таманским пескокарьером на исследование разрушаемого работами некрополя, отряд ГИМ был расширен. В результате проведены большие исследования и получены важные научные результаты, о которых см. статью рук. отряда Н. П. Сорокиной в настоящем выпуске.

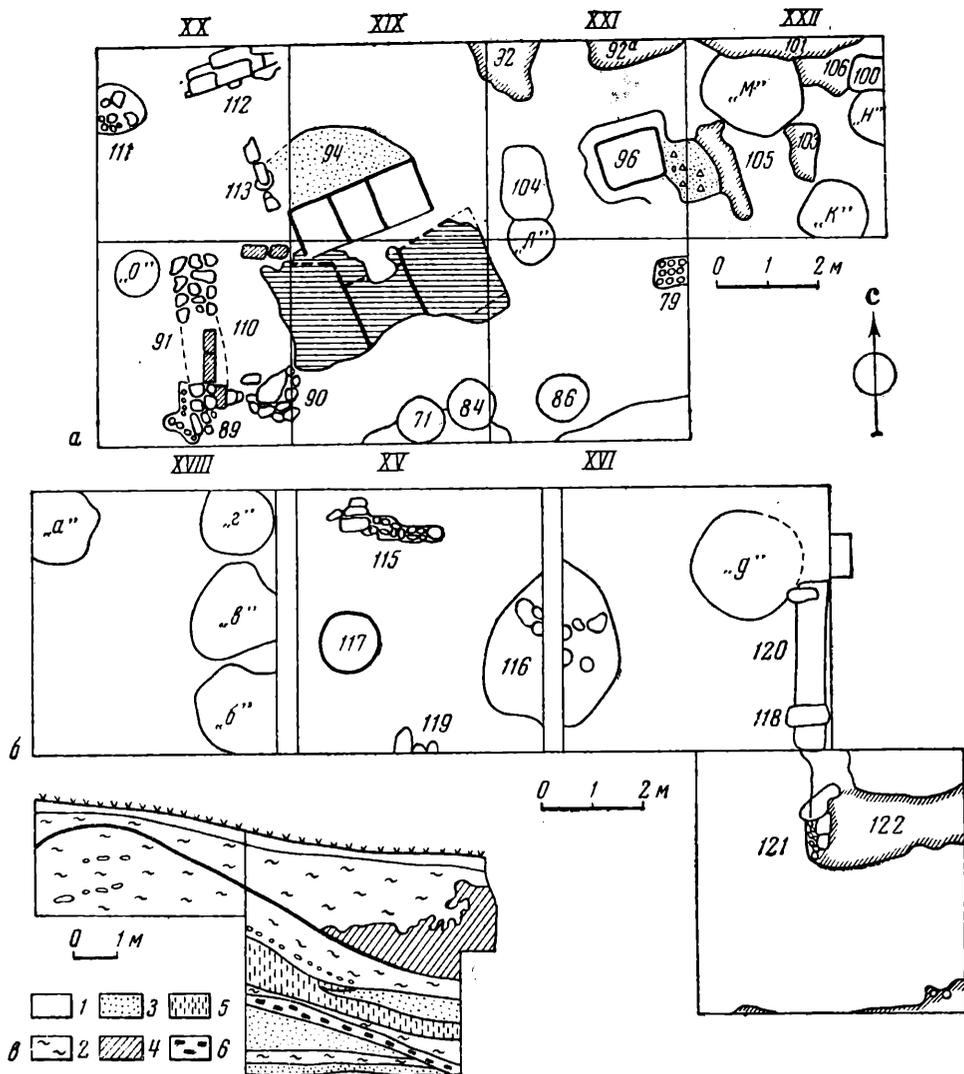

Рис. 19. Кепы. Раскопы «А», «Б» и «В».

а — план северной части раскопа «А»; б — план раскопа «Б»; в — Раскоп «В», разрез вала в западном борту раскопа; 1 — гумус; 2 — серый зольстый слой; 3 — песок; 4 — желтый зольстый слой; 5 — прослойки камки и мелкой печины; 6 — угли; на планах даны номера объектов, буквами обозначены ямы.

(кв. XXI—XXII), преобладают фрагменты амфор (хиосские, протофасосские, украшенные красными и бурими полосами) и расписной посуды ионийских центров.

В Кепях сохранилось мало строительных остатков периода до I в. н. э. Поэтому открытие остатков фундамента (рис. 20—3) сооружения эллинистического времени (кв. XX) очень интересно. Ширина фундамента, судя по лучше сохранившейся северной части, длиной 2,4 м, составляла 1 м. Устройство прочной подкладки из мелких камней и применение хорошо отесанных массивных блоков из известняка с ровной постелью указывают на монументальный характер сооружения. Это здание, возможно, общественного характера, в I в. н. э. уже не существовало, так как его остатки были прикрыты земляным полом рабочего помещения винодельни; при устройстве западной цистерны южный ряд квадров был оборван.

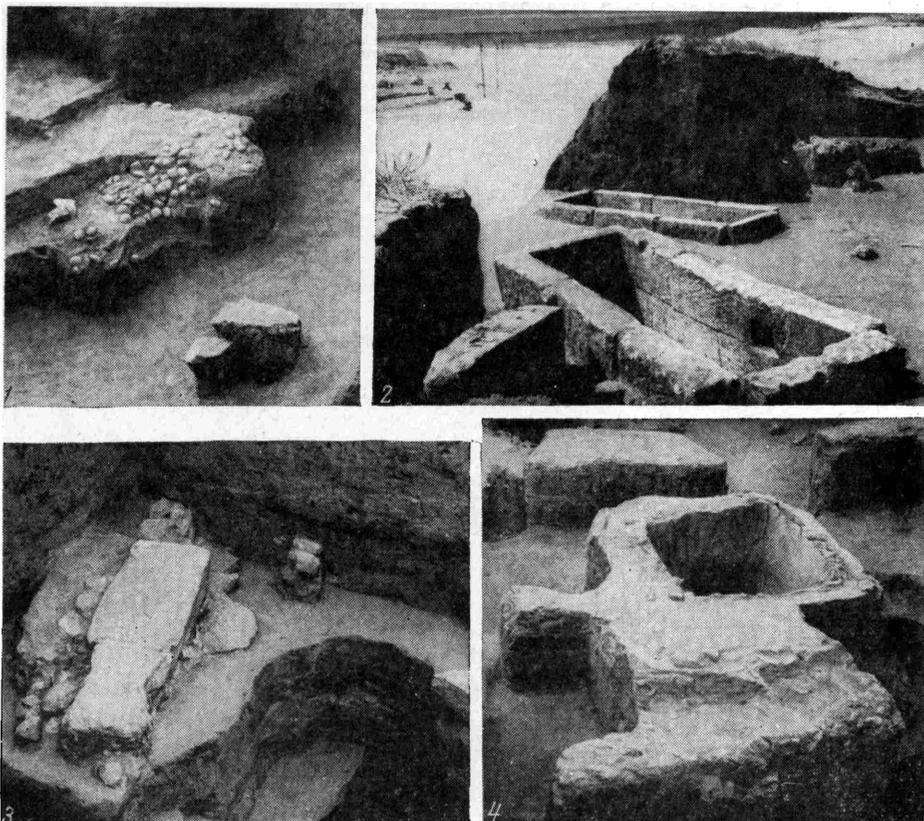

Рис. 20. Кепы. Строительные остатки

1 — булыжная вымостка арханчского периода; 2 — каменные гробницы под курганом № 1; 3 — фундамент здания эллинистического времени; 4 — винодельня (Кеп-2) II в. н. э.

В 1961 г. доследована винодельня Кеп-1 (порядовая нумерация открытых виноделен). Раскрыта третья цистерна, соответствующая западной давяльной площадке; она такого же устройства, как и две расчищенные в 1960 г. Частично сохранилась рабочая площадка перед цистернами, вымощенная смесью песка, гравия и мелких камней. К западу от площадки обнаружен большой кусок золисто-земляного пола, укрепленного местами плоскими камнями. Восточную часть пола, как всю винодельню, покрывал нетолстый слой пожарища, а западную — сплошная прослойка морской травы — камки, вероятно, от обрушившейся кровли. Находки в цистерне, на полу и вокруг рабочей площадки подтвердили, что время гибели винодельни не выходит за пределы I в. н. э. Среди многочисленных находок, состоящих главным образом из фрагментов черепицы, пифосов, амфор I в. до н. э.—I в. н. э., кухонной посуды, краснолаковых и стеклянных сосудов отметим фрагмент раскрашенной терракоты, амулет-бусину из синей и желтой пасты, изображающую бородатую мужскую голову, и особенно — костяную пластинку с резным изображением силена. Находка фрагмента ошлакованной стенки бракованной амфоры или кувшина прибавляет новый элемент к сведениям о кепском керамическом производстве.

В двух следующих слоях I—II и II вв. н. э. обнаружены плохо сохранившиеся остатки фундамента и вымосток, а также винодельня Кеп-2, относящаяся ко II в. н. э. (рис. 20—4). Она (кв. XXI—XXII) сильно разрушена; сохранилась цистерна, небольшой кусочек давяльной площадки и части каменной вымостки или фундамента под давяльной площадкой, за-

нимавшей значительное пространство (ширина около 3,6 м). Возможно, что завал сырцовых кирпичей у восточного борта XXII квадрата представлял остатки стен винодельни.

Винодельня Кеп-2 сильно отличается от винодельни I в. н. э. Кеп-1. Вместо трех цистерн здесь одна. Она неглубока — 0,96 м; в плане это четырехугольник (1,40 × 1,16 м) со скругленными углами; стенки немного наклонены и плавно переходят в дно, которое в северо-западной части имеет пологое углубление. Стенки покрыты тремя слоями розовой цемьянки. Перед цистерной с западной стороны была рабочая площадка — тонкая, но очень плотная вымостка (мелкие камни, фрагменты черепицы и сосудов, кости, гальки, печины); часть этой вымостки сохранилась в ненарушенном виде.

Куски розовой цемьянки от стен винодельни найдены почти на всех раскопах верхнего плато; в 1961 г. на огороде в 50 м от винодельни Кеп-2 найден массивный каменный хорошей работы слив в цистерну. Все это дает право предположить, что Кепы в первые два столетия нашей эры были значительным винодельческим центром.

Кепы I—II вв. н. э. переживают период экономического подъема. Об этом можно судить по многочисленным и разнообразным находкам керамических изделий, металлических поделок, стеклянной посуды, украшений (бусы, фибулы, перстни, браслеты), монет, мраморных облицовочных плиток.

В 1961 г. в слоях I—II вв. н. э. найдено много цветной (розовой, красной, желтой, расписной) штукатурки — свидетельство богатства внутренней отделки домов (в предыдущие годы штукатурка почти не встречалась).

К позднеантичному времени (III—IV вв.) на раскопе А относятся три слоя, в которых обнаружены остатки нескольких фундаментов виноделен и хозяйственных ям. Судя по устройству фундаментов и наличию обломков сырцовых кирпичей в грунте, все стены строений этого времени были сложены из сырцового кирпича. Находки многочисленны и состоят в основном из фрагментов разновременной античной керамики, среди которой преобладают фрагменты широкогорлых красноглиняных и узкогорлых светлоглиняных амфор III—IV вв. н. э.

К средневековому верхнему слою относятся остатки фундамента небольшого строения, а также огромная яма М (кв. XXII), прорезавшая культурный слой вплоть до материка.

С целью уточнения границы городища на его восточной окраине, между современной дорогой и началом ложины у кладбища, был разбит раскоп Ж. В этом месте начинается едва заметное всхолмление, которое постепенно выдвигается к северу, затем поворачивает на запад, образуя северную валообразную гряду. Однако ожидаемого ограждения города здесь не обнаружено. Более того, несмотря на значительное содержание находок античной эпохи, слой датируется средневековым временем. До этого пункта античный город не доходил, и его граница, нужно думать, была немного западнее. Из строительных остатков здесь обнаружена кладка в виде прямой непрерывной цепочки, идущей с севера на юг и являвшейся, нужно думать, фундаментом не здания, а ограды участка. Среди камней цепочки оказалось небольшое грубо обработанное надгробие из известняка с аккуратно выбитым крестом (рис. 21 — 1). Средневековая керамика, находимая во всех горизонтах культурного слоя, аналогична обнаруженной на ближайшем, юго-восточном раскопе 1959 г.; она представлена фрагментами рифленых стенок кувшинов из красно-оранжевой глины, небольших красноглиняных реберчатых амфор с невысоким узким горлом, лепных и изготовленных на гончарном круге грубоглиняных закопченных горшков со сплошным горизонтальным рифлением, лощеной посуды салтово-маяцкого типа и отдельными фрагментами амфор с высокими ручками и отогнутым венчиком.

Рис. 21. Кепы. Надгробия.

1 — средневековое христианское надгробие из кладки на раскопе «Ж»; 2 — надгробие I в. н. э., найденное у сел. Соленое.

В 50 м к северу от раскопа А разбит раскоп (рис. 19—б), площадью 100 кв. м. Зафиксировано пять культурно-исторических напластований.

Первый слой (V в. до н. э.) представлен ямой Г, врезанной в материковый песок и надежно изолированной прослойкой суглинка от позднейших напластований. В темном грунте заполнения обнаружены фрагменты амфор конца VI—начала V в. до н. э. и различной чернолаковой расписной и простой посуды архаической эпохи.

Слоев IV—II вв. до н. э. не обнаружено, но в более поздних слоях фрагментов керамики этого времени встречается достаточно, чтобы сделать заключение о непрерывности жизни на участке, начиная с архаической эпохи.

Ко второму, сильно поврежденному слою (II—I вв. до н. э.) относится тщательно сложенный фундамент 120 длиной 3,2 м и шириной 0,6 м. В забутовке между двумя однорядными панцирями был заложен обломок беломраморной плиты размером $0,18 \times 0,18 \times 0,085$ м. Среди многочисленных и разновременных находок было еще несколько обломков мраморных плит.

В третьем слое (I—II вв. н. э.) обнаружена черепяно-каменная вымостка 122 и две глубокие хозяйственные ямы («а», «б»), которые затем

превращены в мусорные свалки. Среди многочисленных находок, характерных для этого слоя, обратим внимание на донца открытых сосудов (блюдец или плоских чашек) с клеймом в виде кружков, расчлененных параллельными вдавленными полосками. Ранее донца с такими клеймами найдены на других раскопах³ среди разновременного материала позднеантичных слоев, что не давало возможности судить о времени их изготовления. В 1961 г. на раскопе 3 их найдено несколько, в том числе в нижнем горизонте слоя I—II вв. н. э. Фрагмент блюда с таким же клеймом встречен в насыпи на раскопе Н. Отсутствие подобных клейм в других античных городах Северного Причерноморья, сходство глины клейменных блюдец с глиной простой посуды, находимой на городище и в некрополе Кеп, открытие остатков небольшой обжигательной печи I в. н. э.⁴ приводят к выводу о существовании в Кехах I в. до н. э.—I в. н. э. керамической мастерской, ставившей собственные клейма.

К четвертому слою (III—IV вв. н. э.) относятся три небольших обрывка фундаментов (№ 118, 119 и 121) от трех сторон одного дома.

Последний слой (IV в. н. э.) включал остатки двух разрушенных каменных фундаментов (№ 114 и 115) и нижнюю часть большого красноглиняного пифоса, залегавших на небольшой глубине. Среди камней разрушенного фундамента 114 находилась часть мраморного постамента с остатками пальцев правой ноги большой мужской фигуры.

Вследствие перекопов слои III и IV вв., как обычно для городища Кеп, включают разновременные античные находки. Помимо фрагментов черепиц, пифосов, амфор и другой (чернолаковой, краснолаковой, ангобированной, лепной, лощеной и т. д.) посуды встречаются фрагменты стеклянных сосудов, терракот, металлических поделок, мраморных плиток, строительных деталей, штукатурки, жерновов, розовой цемьянки, находки грузил, пряслиц, игральные кости, монет и т. д. Особо отметим часть (бюст) небольшой мраморной статуэтки сидящей в кресле богини Кибелы.

Северной границей городища Кепы является валообразная грядка, на которой разбит раскоп И, прорезавший насыпь от вершины до внешнего подножия (рис. 19, в). Строение насыпи хорошо прослеживается по профилям раскопа. Высота ее по западному борту 5,6 м, но она была выше, поскольку вершина ее сглажена, а к востоку от раскопа гряда повышается. Ширина подножия северной половины насыпи примерно 8—10 м. В основе положена подушка из желто-серого суглинка, на которую насыпан валик из песчаного грунта высотой до 1,5 м. На валик наращивались многочисленные прослойки грунта различного состава и цветовых оттенков. Часть прослоек облежала это возвышение от внешнего подножия до вершины и, вероятно, переходила на другой скат; часть была более короткими; толщина их колеблется от 0,2 м до 0,5 м, однако толстые в свою очередь делятся на более тонкие пласты. Грунт всех прослоек, за исключением нескольких, представляет собой смесь глины, суглинка или супеси с золой. Зола — обязательный компонент большинства прослоек, но в различной пропорции, вследствие чего прослойки различных цветовых оттенков; преобладают желто-серые и дымчатые. В насыпи отмечены также прослойки с примесью углей, битой керамики. Прослежены два тонких сплошных пласта из обломков печины. Примерно через равные промежутки располагались прослойки (толщиной 0,02—0,15 м) белой морской травы — камки, предотвращавшие скольжение грунта. Анализ указывает, что насыпь создана быстро, с применением всех подручных средств. Большое количество фрагментов керамики, печины, угля создает впечатление единовременно созданной свалки, однако правильное расположение многих прослоек,

³ Н. И. Сокольский. Работы в Кехах в 1958 г., стр. 71, рис. 25, 2.

⁴ Там же, стр. 66—68, рис. 26, 1.

крутизна ската наводят на мысль о том, что насыпь имела значение оборонительного вала.

Находки в насыпи по характеру во всех горизонтах аналогичны, они датируются в основном I в. н. э. Предметы более раннего времени оказались единичными; преобладают фрагменты светлоглиняных (оранжевого оттенка) узкогорлых амфор, встречаются фрагменты светлоглиняных с двустольными ручками, коричневоглиняных и других вариантов амфор. Многочисленна группа краснолаковых чашек и блюдец I в. н. э., среди которых есть с клеймами в виде ступни, характерными для первой половины I в. н. э. Довольно много осколков стеклянных сосудов I в. н. э. Среди простой кухонной посуды обращают на себя внимание фрагменты сковородок, часто встречающиеся на городище в слое I—II вв. н. э. Нередки находки светильников, среди которых выделяются три типа: а) с длинным носиком и украшением из ов вокруг центрального отверстия; б) открытые в виде плоски-лодочки; в) краснолаковый с рельефным изображением. Из отдельных находок отметим ручку чернолощеного сосуда в виде кабана, терракоту (амур, держащий за рога козла), фрагмент необожженного пирамидального грузила и грузила с отгиском ключа, куски розовой и красной штукатурки, бронзовые поделки, в том числе браслет, части фибул, лезвие железного ножичка.

Судя по находкам, можно полагать, что насыпь была создана в I в. н. э. И если тогда она могла играть оборонительную роль, то в позднеантичное время она явно служила местом сброса золы.

В 1961 г. Таманская экспедиция исследовала два кургана. Кепский курганный некрополь располагался тремя группами: 1) к северу от городища, 2) к югу и юго-западу и 3) цепь курганов по склону горы Цымбалка, начинающаяся непосредственно от грунтового некрополя. Много кепских курганов уничтожено, большинство носит следы грабительских раскопок, часть раскопана археологами XIX в. и среди них известные курганы Артюховский⁵ и Пивнева. Исследованные в 1961 г. курганы располагались по восточному краю песчаного карьера, которым первый из них в большей своей части уничтожен. Судя по сохранившейся центральной части, диаметр насыпи был примерно 15 м, высота 1,5 м. В кургане обнаружены две каменные могилы II в. до н. э., сложенные из тесаных плит ракушечника (рис. 20—2). Могила 1 (внутреннее пространство — 2,1×0,65 м) сложена в два яруса плит по высоте (0,7 м). В боковых стенках ее выдолблены небольшие ниши; под головой погребенного воина, ориентированной на юго-восток, устроена каменная подушка. Гробница ограблена, в ней найдено около 100 скипевшихся железных наконечников стрел, лежавших, видимо, в колчане, железный перстень, обломки железного стригиля, тонкая золотая бляшка, обломки железных пластинок, вероятно от панциря.

Могила 2 — простой каменный ящик (внутреннее пространство — 1,87×0,55 м при высоте 0,35 м). Не ограблена. На земляном полу лежал плохо сохранившийся скелет женщины на спине, вытянут головой на восток. При погребенной обнаружены три красноглиняных флакона-унгвентария II в. до н. э., сероглиняное чернолаковое блюдо, бронзовая пластинка от деревянной шкатулки, железный ножичек и обломки другого железного предмета (в ногах); около шеи и у пояса — по несколько различных бус, у плеч и у пояса — по золотой тонкой бляшке; около бедер — драгоценная подвеска — халцедоновый цилиндр, оправленный в золотые розетки тонкой работы, со вставными гранатами.

На погребенной почве рядом с могилами была каменная ритуальная площадка; тут найдены осколки костей от жертвенной пищи и незначительные следы тризны.

⁵ М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, № 3, стр. 46—58.

Курган 2 оказался полностью разрушенным, и в нем найдена только половина лагиноса, аналогичного лагиносу из могилы 2 первого кургана.

За время работ Таманская экспедиция собрала в районе городища Кепы и некрополя много случайно найденных древних предметов. Среди них сосуды, черепица с клеймами, монеты, металлические поделки, обработанные камни и т. д. Особого внимания заслуживают следующие: 1) уникальная мраморная головка куроса⁶ последней трети VI в. до н. э.; 2) статуарное надгробие из известняка с изображением вооруженного синда. Эта редкая скульптура найдена рядом с курганом, расположенным в 2,5 км к юго-востоку от городища; 3) две известняковые эшары — в районе исследованных курганов. Помимо того, следует отметить верхнюю половину позднеантичного надгробия с греческой надписью, обнаруженную в поле к востоку от пос. Сенная, и известняковое надгробие I в. н. э. с рельефным изображением статуарной группы из трех фигур (рис. 21—2), происходящее из некрополя у с. Соленого на берегу Ахтанизовского лимана, где известно и поселение.

---

⁶ Н. И. Сокольский. Курос из Кеп. СА, 1962, № 2, стр. 135—141.

Н. П. СОРОКИНА

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ КЕП В 1961 г.

В 1961 г. продолжались раскопки грунтового некрополя Кеп. На трех участках (А, Б — по западному борту и В — по южному борту пескокарьер) вскрыта вручную площадь 620 кв. м и проведено наблюдение при вскрышных работах скрепером с раскопкой погребений на площади 4400 кв. м. Всего обнаружено 91 погребение времени VI—V вв. до н. э. и III в. до н. э.—III в. н. э. Собран богатый материал, позволяющий гораздо полнее судить о том участке некрополя, который изучается уже в течение трех лет; выяснена его топография. Погребения конца VI и V вв. до н. э. располагались в основном на южном склоне косогора, который тянется дальше на восток. Некрополь III—I вв. до н. э. занимал большую территорию. В этот период он распространялся на западный и южный склоны той же возвышенности. Могила первых веков нашей эры находилась только в западной части. Теперь не вызывает сомнений, что некрополь IV в. до н. э. находится где-то в другом месте, так как могила IV в. до н. э. пока на раскопанной территории не обнаружено.

91 погребение можно подразделить на три хронологические группы: первая — VI—V вв. до н. э.; вторая — III—I вв. до н. э. и третья — I—III вв. н. э. Могила позднее III в. н. э. не встретилось.

Могила первой группы были устроены в основном в виде простых земляных ям; их форма в силу особенностей грунта почти не прослеживалась. Только в редких случаях можно было заметить у дна овалы очертания ямы. В одном случае удалось проследить устройство перекрытия (могила 140 с захоронением воина V в. до н. э.) с деревянными досками, поверх которых уложен слой камки. Такой прием характерен для могильников юго-западной части Таманского полуострова¹, а в северо-восточной части полуострова он до сих пор известен не был.

Помимо погребений в земляных ямах встречено несколько детских захоронений в хиосских и протофасосских амфорах.

Новым типом погребального сооружения, впервые обнаруженным в Кепах, была сырцовая могила V в. до н. э. (рис. 22). Сырцовые могилы, характерные для Таманского полуострова, появляются с VI в. до н. э. Помимо Азиатского Боспора, они встречались только изредка в грунтовых некрополях Пантикапея, Нимфея и как исключение — в Ольвии². Кепская сырцовая могила дает возможность яснее представить

¹ Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности. МИА, № 69, 1959, стр. 288—290; Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь. В серии «Памятники культуры», ГИМ, 1957, стр. 51.

² Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 66, 69; Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, № 69, 1959, стр. 13, табл. I; Б. В. Фармаковский. Раскопки древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, 1903, стр. 18, рис. 11.

устройство этого типа могил, ибо в прежних отчетах, за исключением отчетов Б. В. Фармаковского и В. Н. Глазова, чертежей и описания устройства нет. Для сырцовой могилы, как это можно было наблюдать в Кепях, была вырыта яма размером $3,3 \times 2,2$ м и по ее стенкам выложены плашмя рядами сырцовые кирпичи размером $0,35-0,48 \times 0,5-0,53 \times 0,07$ м. По длинным сторонам лежало по четыре сырца, по коротким — по три. В высоту удалось проследить три кирпича. К сожалению, могила разграблена в древности, и поэтому не удалось установить ее перекрытия. Но на основании аналогий можно предположить, что она была перекрыта досками или бревнами.

Вторая группа погребений самая многочисленная. В период III—I вв. до н. э. также преобладали могилы в виде простых земляных ям; на втором месте по численности — детские захоронения в амфорах синопских, родоских (иногда с клеймами) и амфорах других центров. Из открытых 1961 г. могил рассматриваемого периода наиболее интересны не известные здесь ранее земляной склеп и подобные могилы.

Склеп III в. до н. э. интересен некоторыми отличиями в устройстве (по сравнению со склепами первых веков нашей эры). Например, форма погребальной камеры в виде вытянутого прямоугольника; ее небольшие размеры ($2,35 \times 1,45$ м) и устройство дромоса. В склеп вел очень пологий дромос в три с широким маршем ступеньки. Дромос длиной 4 м, шириной $1,4-1,5$ м без посредства коридорчика сообщался с погребальной камерой. Вход, устроенный в западной стенке склепа, был закрыт необработанной плоской известняковой плитой. Пол камеры лежал ниже последней ступени дромоса на 0,3 м. Потолок обвалился. В склепе находилось три погребения. При них обнаружены расписные «акварельные» пелики, леканы, унгентарии, бусы, серебряная очень плохой сохранности пиксида, три бронзовых перстня-печати. В ногах одного из погребенных у стенки был поставлен обломок боспорского солена. Этот инвентарь относится к III в. до н. э. Кепский земляной склеп следует включить в группу ранних земляных склепов, которые примерно с этого же времени известны в Пантикапее и Ольвии. Причина появления в грунтовых некрополях Боспора склепов вообще, и земляных в частности, — до сего времени вопрос дискуссионный. Нам представляется наиболее верной та точка зрения, согласно которой имеется связь между появлением земляных склепов в грунтовом некрополе и исчезновением обычной сооружения склепов под курганами³.

Подбойных могил обнаружено четыре (№ 109, 151—153). Они однотипны по устройству. Во всех случаях подбой устроены в северной стенке неширокого колодца, имеющего одну ступеньку, высотой $0,25-0,30$ м. Подбой были большей частью заложены поставленными на ребро в один ряд сырцовыми кирпичами, размером $0,54 \times 0,40 \times 0,13$ м. Только в одной могиле (109) заклад был устроен из двух рядов кирпичей: один стоял вертикально и закрывал отверстие подбоя, кирпичи второго ряда были расположены наклонно, прикрывая нижний ряд.

Заклады подбоев сырцовым кирпичом довольно редки в Пантикапее, но часто встречаются в Ольвии. Видимо, недостаток местного камня заставлял и в Кепях и в Ольвии прибегать к сырцу. Во всех могилах с подбоями, заложены сырцами, погребенные ориентированы головой на

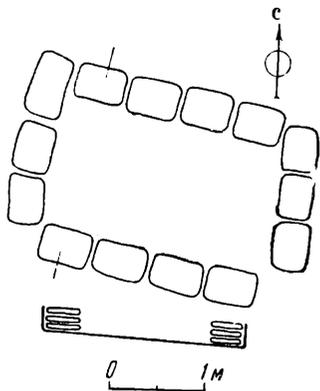

Рис. 22. — Сырцовая могила V в. до н. э.

³ Г. А. Цветаева. Курганный некрополь Пантикапея. МИА, № 56, 1957, стр. 243.

восток. Инвентарь однотипен: непременно «акварельная» пелика, лекана. В некоторых могилах, помимо того, обнаружены солонки, унгентарии, предметы украшения, ножи. В каждой могиле у сырцового заклада непременно находился обломок солена. На одном из них (из могилы 109) имелось клеймо Πανθήρος Νεοκλέυς⁴. Инвентарь позволяет датировать четыре подбойные могилы III в. до н. э.—II в. до н. э.

Эти могилы Кепского некрополя следует считать наиболее ранними из подбойных могил, известных на Боспоре⁵.

Подобные подбойные могилы получили распространение уже с IV в. до н. э. у сарматских племен Поволжья и Прикубанья⁶, а у меото-сарматов Прикубанья⁷ засвидетельствованы со II в. до н. э. Поэтому открытие подбойных могил III—II вв. до н. э. представляет большой интерес для истории взаимоотношений Азиатского Боспора с сарматскими племенами.

В период III—I вв. до н. э. стал особенно популярен обычай ставить около могилы надгробие. В 1961 г. на некрополе Кеп найдено несколько надгробий двух типов. Первый — это прямоугольная стела с заглубленным полем, обрамленным портиком с фронтоном, на фоне которого изображается в рельефе мужская или женская фигура. Второй тип — это антропоморфное надгробие в виде прямоугольника, увенчанного схематически сделанной человеческой головой. Антропоморфные надгробия открыты в Кехах впервые. Аналогии им есть среди надгробий Танаиса, Гермонассы, Пантикапея, Херсонеса⁸ и других городов.

В рассматриваемый период большее распространение получили заупокойные тризны. Большое место в этом обряде занимали жертвоприношения и возлияния подземным богам через специальные жертвенники-эсхары. Помимо известных уже ранее в Кехах эсхар, в качестве которых применялись амфоры с отбитым дном, в 1961 г. найдено несколько известняковых эсхар с отверстиями в нижней части. Эти эсхары своим внешним видом воспроизводят портик храма (рис. 23—7). Некоторые сохранили следы раскраски. Редкая серия эсхар очень интересна для изучения погребального ритуала. Такое массовое применение эсхар пока не известно ни для одного некрополя античных городов Северного Причерноморья.

Группа погребений I—III вв. до н. э. невелика, земляные ямы продолжают оставаться господствующей формой погребального сооружения. Следует отметить, что в это время стали встречаться двойные захоронения в одной могиле. Погребенные были положены головами в разные стороны (восток и запад). Детских амфорных захоронений не обнаружено. К I в. н. э. относится одна подбойная могила.

К I в. н. э. заметно возрастает обычай сооружения земляных семейных усыпальниц, которые располагались в северо-западной части некрополя.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. Изв. ГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 308, № 66.

⁵ Е. Г. Кастанаян (указ. соч., стр. 284 сл.) высказала мысль, что подбойные могилы VI—IV вв. до н. э. Пантикапейского некрополя ведут свое начало от подбойных могил раннескифской эпохи. Однако у нас нет особо веских данных видеть единую линию развития между «подбойными» (по терминологии XIX в.) скифскими могилами VII в. до н. э. с территории Крыма и подбойными могилами, которые появляются на Боспоре с конца III в. до н. э. В этом отношении права Г. А. Цветаева (Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, стр. 73), которая отмечает для Пантикапейского некрополя конца III—II вв. до н. э. подбойную могилу как новую форму погребального сооружения. На той же точке зрения стоит И. И. Лобова (И. И. Лобова. Сарматы в Крыму. Автореферат канд. дисс. М., 1956, стр. 7).

⁶ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 201.

⁷ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 164.

⁸ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, № 98, 1961, стр. 88, 89; В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, № 69, 1959, стр. 179; А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 240, рис. 2.

Рис. 23. — Вещи, найденные в некрополе Кеп.

1 — чернолаковый сосуд (Могила 140); 2 — протофасосская амфора (Могила 108); 3 — унгентарий (Могила 102); 4, 9 — светильники (Склеп 88); 5 — ионийский канфар (Могила 44); 6 — чернолаковый амфориск (Могила 14); 7 — известняковая эсхара; 8 — алабастр (Могила 69)

Экспедицией открыто таких три склепа. Они однотипны и одновременны. В склепы вели ступенчатые или просто наклонные дромосы, заканчивающиеся коридорчиками, из которых был вход в камеру; во всех склепах он расположен с западной стороны. Склепы различаются только незначительными вариантами формы, размерами камеры и длиной коридорчика.

Судя по материалам новых раскопок, в некрополе преобладают черты греческого погребального обряда. Об этом свидетельствуют большое количество детских захоронений в амфорах, черепичные могилы, погребения в склепах, надгробия над могилами, широкое применение разного типа эсхар, положение погребенного на спине, с вытянутыми конечностями, головой на восток; инвентарь погребений и наличие монет в могилах. Последними раскопками выявлены и некоторые особенности ритуала, которые следует отнести за счет негреческого населения Кеп. Так, открыто шесть могил V в. и III—II вв. до н. э. со скорченными костяками. Эти захоронения следует, вероятнее всего, рассматривать как проявление погребального обряда племен Прикубанья; там этот обряд засвидетельствован⁹. Обращает на себя внимание положение руки на таз у некоторых погребенных. Считается, что этот обряд характерен для кочевников¹⁰. В частности, в сарматских могильниках Поволжья погребения с рукой на тазу отмечаются с IV в. до н. э.¹¹ В Кехах почти все покойные с рукой в подобном положении найдены в подбойных могилах III—II вв. до н. э. По-видимому, следует присоединиться к мнению о том, что обычай положения руки на таз мог быть принесен на Боспор меото-сарматами.

В могилах, кроме детских, был разнообразный многочисленный инвентарь. Набор вещей в могилах VI—V вв. до н. э. довольно стабильный; в его составе обычно глубокие чаши, нередко с линейным орнаментом, и ойнохой или кувшины; встречаются также алабастры «финикийского» стекла (рис. 23—8), ионийские сосуды. Из них особо следует отметить канфар (рис. 23—5), расписной килик и лекиф с надписью ΚΑΛΗ ΕΙΜ[Ι] — «я прекрасный». Иногда в набор входили чернолаковые сосуды: килики, амфориски (рис. 23—6), чаши (рис. 23—7), лекифы, а также протофасосские амфоры (рис. 23—2). Характерно, что сосуды большей частью стояли один около другого вдоль костяка. Среди инвентаря могил V—III вв. до н. э. впервые встречено оружие. В четырех могилах (74, 76, 124, 140) положены мечи — скифские акинаки различного типа. В двух могилах (74, 76 — первая датируется концом V в. до н. э.) помимо меча были копья; в третьей (№ 140 — V в. до н. э.) — железные и бронзовые наконечники стрел; в четвертой (№ 124 — не датировалась) — только меч. Аналогии кепским мечам есть среди оружия других городов Боспора, Ольвии и скифо-савроматского мира¹² того времени.

Инвентарь могил III—I вв. до н. э. состоял главным образом из кувшинов, тарелок, солонок, мисок, чашек и лекан, на которых сохранились остатки росписи черной краской, унгвентариев (рис. 23—3). Встречены также украшения: бусы, кольца, браслеты; иногда попадались ножи и пряслица. Найденные в могилах монеты относятся ко времени не ранее III в.

⁹ Н. В. Анфимов. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. Автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 4; К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 121.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. Канд. дисс. М., 1947, стр. 180.

¹¹ К. Ф. Смирнов. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское. МИА, № 60, 1952, стр. 316.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов... стр. 158, 159, рис. 4, 7, 2; его же. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 215, рис. 140; В. М. Скуднова. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии. ЗОАО, т. I (34), 1960, стр. 61; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, рис. 1, 4; рис. 2, 1.

до н. э. Впервые на некрополе помимо боспорских монет (пантикапейской и фанагорийской чеканок) встретилась монета Синопы 120—63 гг. до н. э.¹³

По количеству и разнообразию вещей инвентарь могил I—III вв. н. э. уступает инвентарю VI—I вв. до н. э. Однако в склепах выявлены интересные комплексы. В склепе 48, хотя и сильно разграбленном, находились остатки деревянного расписного саркофага, обломки стеклянных сосудов, и в том числе кружки, характерной для I в. н. э.¹⁴, обломки бронзовых и железных замков от деревянных шкатулок, пряжек, две краснолаковые чаши, одна из которых с клеймом в виде ступни. Весь материал, правда, очень сильно пострадавший, свидетельствует о богатстве погребения, что, по-видимому, и послужило причиной ограбления. Это произошло не позднее конца I в.—начала II в. н. э. Склеп 88, сохранившийся до наших дней не потревоженным, содержал более интересный набор инвентаря. При каждом из пяти погребенных были краснолаковые клейменные миски; при скелетах трех взрослых стояли, кроме того, краснолаковые кувшины, стеклянные бальзамарии, разного типа светильники (рис. 23—4, 9). На одном светильнике заметна плохо оттиснутая рельефная надпись. Самой замечательной находкой из этого склепа можно считать стеклянную чашечку I в. н. э. сирийской работы¹⁵ и стеклянный стакан того же времени¹⁶. Три монеты Митридата III (VIII) 39—45 гг. в комплексе с вещами датируют склеп не позднее середины—третьей четверти I в. н. э.

В остальных могилах периода I—III вв. н. э. найдены сосуды (простые, краснолаковые и лепные), немногочисленные украшения (бусы, браслеты, железные фибулы), железные ножи и очень редко встречались — монеты.

Полученный материал по погребальным сооружениям, обряду и инвентарю дает общее представление о существовании некрополя Кеп на протяжении VI—V вв. до н. э. и III в. до н. э.—III в. н. э.

---

¹³ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XVIII, 22.

¹⁴ G. Eisen. Glass. New York, 1927, pl. 71.

¹⁵ ИАК, вып. 9, 1904, стр. 171, рис. 59.

¹⁶ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. LXI, 3.

И. Т. КРУГЛИКОВА и Г. А. ЦВЕТАЕВА

РАСКОПКИ В АНАПЕ

Горгиппия, которую Страбон называл столицей синдов¹ и которую исследователи отождествляют с Синдской гаванью и помещают на территории современной Анапы², почти не подвергалась археологическим исследованиям. Античное городище, застроенное современным городом, сильно попорченное при сооружении турецкой крепости, частично обрушилось в море. Множество эпиграфических памятников³ и прекрасные образцы античной скульптуры⁴ были найдены в Анапе при случайных земляных работах. Впервые археологические раскопки в Анапе были произведены в 1949 г. В. Д. Блаватским⁵. Они позволили проследить стратиграфию и наметить границы античного города. В 1959 г. раскопки Горгиппии были возобновлены и продолжались в 1960—1961 гг.⁶ на нескольких участках города.

Во дворе горисполкома был разбит раскоп «Город» (рис. 24—1). С 1959 по 1961 г. вскрыта площадь около 207 кв. м, материк находился на глубине 2,6 м. Жизнь на данном участке началась в IV в. до н. э. К IV и III вв. до н. э. относятся земляные ямы, несколько каменных кладок, представлявших остатки фундаментов дома, ориентированных с севера на юг и с востока на запад. Среди находок есть чернолаковые и расписные сосуды V в. до н. э., железный кинжал, медные пантикапейские монеты конца IV—начала III в. до н. э.⁷, обломки чернолаковых сосудов с граффити, клейма на ручках синопских и фасосских и на горлах гераклеийских амфор; обломки чернолаковых простых сосудов и амфор IV—III вв. до н. э. Ко II в. до н. э. относится дом «керамиста» в южной части раскопа⁸, раскрытый лишь частично. В нем обнаружено множество

¹ Страбон, XI, 2, 10.

² В. Д. Блаватский. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954, стр. 20—21; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 214, 215.

³ ИРЕ, II, № 398—445; ИАК, вып. 23, 1907, стр. 46—48; ИАК, вып. 37, 1910, стр. 36—63.

⁴ М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951, стр. 171 сл.; И. Т. Кругликова. Мраморный рельеф из Анапы. СА, № 1, 1962, стр. 282.

⁵ В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 245.

⁶ Раскопки некрополя Горгиппии проводила И. В. Поздеева в 1954—1956 гг. Отчеты о раскопках хранятся в Архиве ИА АН СССР. В 1959 г. ею вскрыта площадь 4 × 7 м во дворе горисполкома, которая была расширена в 1960—1961 гг. экспедицией под руководством И. Т. Кругликовой. В работе экспедиции в 1960 г. принимали участие И. В. Поздеева, Г. А. Кошеленко, Л. П. Маринович; в 1961 г. — Г. А. Цветаева, Т. М. Смирнова.

⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLI, 2, 4, 5.

⁸ И. Т. Кругликова. О гончарной мастерской Горгиппии. СА, № 3, 1962.

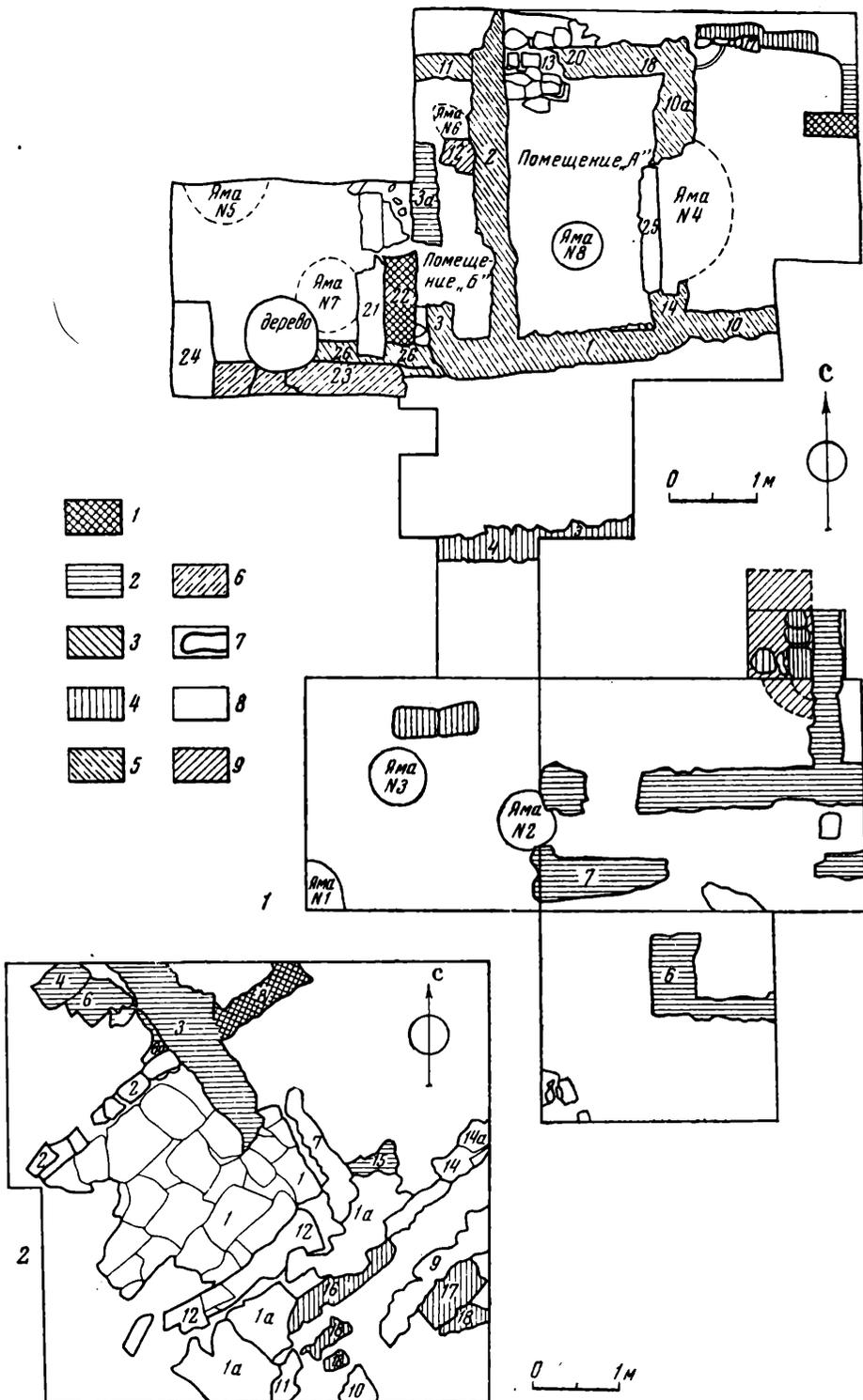

Рис. 24. План раскопов на городище Горжуппи.

1 — раскоп «Город»; 2 — раскоп «гостиница». Условные обозначения: 1 — слой IV—III вв. до н. э.; 2 — III—II вв. до н. э.; 3 — I в. до н. э.; 4 — I—II вв. н. э.; 5 — III в. н. э.; 6 — III—IV вв. н. э.; 7 — IV в. н. э.; 8 — IV—V вв. н. э.; 9 — пещина и сырцовые кирпичи

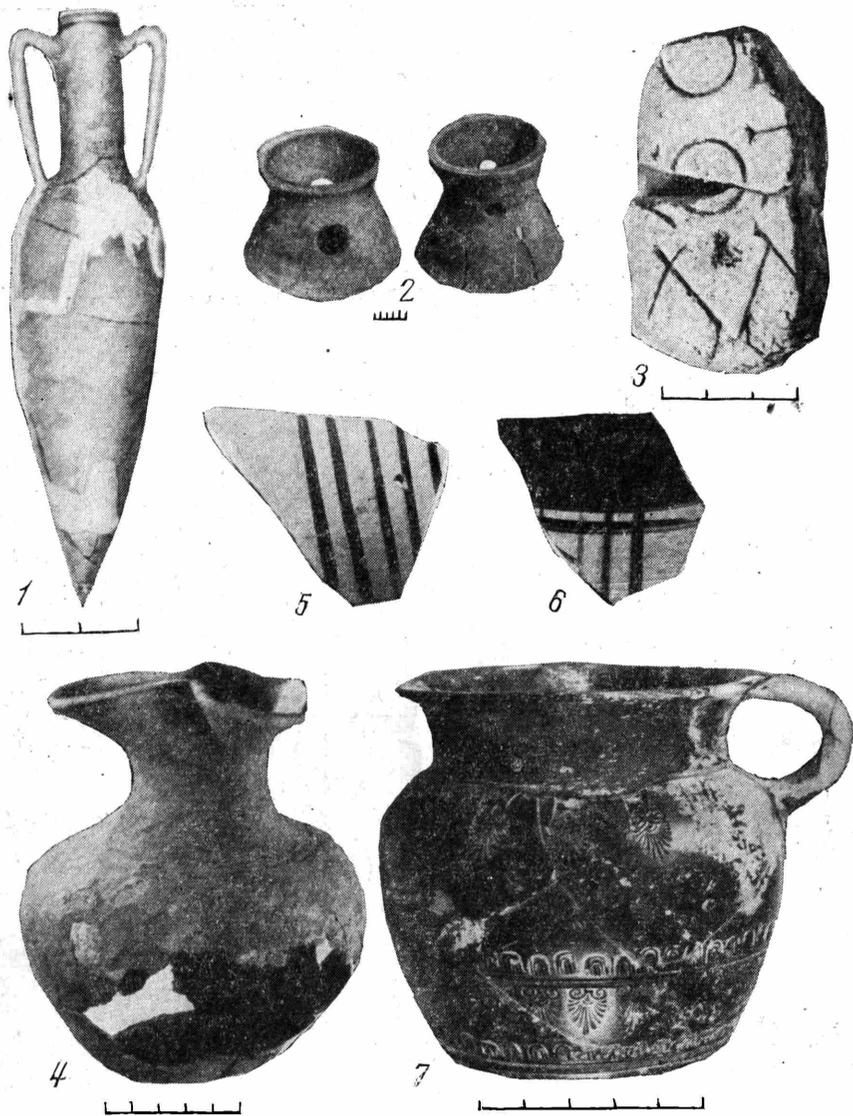

Рис. 25. Находки при раскопках городища Горгиппии.

1 — светлоглиняная амфора I в. до н. э. — I в. н. э.; 2 — глиняные подставки под амфору; 3 — обломок мраморной плиты с надписью; 4 — бронзовая ойнохоя; 5, 6 — обломки черно-фигурных сосудов VI в. до н. э.; 7 — чернолаковый кувшинчик со штампованным орнаментом

сосудов различных типов, пирамидальные грузила, форма для изготовления терракоты и т. д., дающие возможность выявить основные типы продукции керамической мастерской Горгиппии II в. до н. э. В северной части раскопа сохранились остатки каменной кладки этого времени, вероятно, принадлежавшей другой постройке.

Строительные остатки I в. до н. э. и I—II вв. н. э. очень незначительны. В северной части раскопа к этому времени относится стена 11, уходящая в борт, в юго-западной — земляная яма. Интересна находка в этой яме светлоглиняной амфоры с узким удлиненным туловом, цилиндрическим горлом и двуствольными ручками (рис. 25—1). В этой же яме найдено много обломков сероглиняных кувшинов.

Рис. 26. Фрагменты скульптур с городища Горгиппии.

1 — нижняя часть мраморной статуэтки; 2 — мраморная головка богини;
3 — фрагмент терракотовой статуэтки

К III в. н. э. относится помещение А, вероятно, полуподвальное. В него вела каменная лестница. Все стены были углублены в землю не менее чем на 1,5 м: на этой высоте сохранился один из больших каменных квадров, вероятно, от кладки наземной части стены, тогда как нижняя углубленная часть сложена из необработанных камней различных размеров. Стена была впущена в слои IV—II вв. до н. э. Помещение А было заполнено горелым слоем с золой, перегоревшей желтой глиной и угольками. Сохранились остатки упавшей черепичной кровли. Почти в центре помещения находилась зерновая яма конусовидной формы, глубиной 1,15 м. Пол был земляным. В юго-западном углу стояли две керамические подставки для амфор (рис. 25—2), аналогичные найденным в Илурате и Фанагории⁹. В горелом слое, заполнявшем помещение, были встречены обломки больших красноглиняных амфор III в. н. э. с реберчатым туловом.

К слоям IV—V вв. н. э. относится несколько кладок, расположенных в тех же направлениях, что и стены сооружений предшествующих периодов. Таким образом, можно предполагать, что ориентировка построек на

⁹ В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 55, рис. 42; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 89, рис. 25, 1.

данном участке с IV—III вв. до н. э. была единой и, по-видимому, связана с общей планировкой города. Восточная стена помещения А была повреждена поздней ямой 4 (XIX в.). Среди находок в яме была голова и кисть руки небольшой мраморной статуэтки, вероятно, Афродиты (рис. 26—2). Судя по трактовке глаз с полуопущенными веками, с вырезанными зрачком и радужной оболочкой, а также по очень нечеткому расчленению прядей волос и общему характеру исполнения, эта головка была сделана в конце II—начале III в. н. э. Вероятно, это копия статуи классического времени. Она близка по типу голове статуи Афродиты из Капуи, которую Фуртвенглер связывает с Афродитой Скопаса, а Амелюнг приписывает Лисиппу¹⁰. В этой же яме была найдена нижняя часть задрапированной женской статуэтки на круглой подставке, из белого мрамора (рис. 26—1). Очень плоскостно трактованные складки хитона и грубо выполненные ступни ног заставляют отнести эту скульптуру к позднеантичному времени.

В 1960 г. у самого моря был разбит небольшой раскоп Береговой (28 кв. м)¹¹. При постройке водной станции здесь был срезан береговой обрыв на высоту 1,5—2,5 м и разрушена часть рыбозасолочной цистерны. При зачистке выявлены остатки стен здания IV—III вв. до н. э., перекрытые цистернами I в. н. э. Расчищено дно одной из цистерн неправильной формы с длиной сторон 1,52 м; 1,66 м; 1,76 м; 1,84 м, а также часть второй цистерны, примыкавшей к ней с юга. Внутри они были обмазаны розовой цемянкой. Они засыпаны слоем I—II вв. н. э. Подобные цистерны были раскопаны В. Ф. Гайдукевичем в Тиритаке¹².

В 1961 г. исследовался третий участок древнего города — во дворе гостиницы¹³ (площадью в 100 кв. м) к западу от разведочного раскопа 1949 г.¹⁴ (рис. 24—2). Здесь, так же как и на других исследовавшихся участках города, обнаружены культурные слои от IV—III вв. до н. э. до III—IV вв. н. э. Все более поздние напластования, толщиной до 1 м, срезаны строителями. Общая толщина культурного слоя на этом участке достигала 4,4 м.

Самый ранний слой — IV—III вв. до н. э. — обнаружен у северного борта раскопа. К нему относится угол помещения, составленный лежащими впереплет каменными фундаментами 8 и 8а. В слое среди фрагментов IV в. до н. э. были отдельные находки более раннего времени: венцы амфор со сдавленным горлом V в. до н. э., фрагменты открытого светильника V—IV в. до н. э. и чернофигурных расписных сосудов конца VI в. до н. э. (рис. 25—5, 6).

Второй слой, III—II вв. до н. э., обнаружен также в северной части раскопа на глубине 2,26—2,6 м. К нему относятся открытые частично помещения А и Б. Они отделяются друг от друга стеной 3 довольно хорошо сохранившейся. В месте выборки стены хорошо прослеживается техника кладки: камни положены вперевязь, с чередованием длинных и коротких сторон. В помещении А, примыкавшем с запада к стене 3, сохранились следы двух строительных периодов. К первому относятся остатки пола 6а, из каменных плит неправильной формы, вплотную подходящих к стене 3; пол в значительной части уничтожен поздней ямой. Во второй строительный период помещение А было перегородено каменной стеной (4), лишь частично сохранившейся в юго-западном углу раскопа, и были положены плиты нового пола 6 (на 0,2 м выше пола 6а). В нем было сде-

¹⁰ Ch. Picard. Manuel d'Archeologie greeque, t. III, p. II, Paris, 1948, стр. 732, рис. 324 и 325.

¹¹ Работами на этом участке руководил Г. А. Кошеленко.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритак в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 25, рис. 15.

¹³ Работами на этом участке руководила Г. А. Цветаева.

¹⁴ В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе..., стр. 245 и сл.

лано отверстие для установки пифоса, от которого сохранилась только нижняя часть диаметром 1,1 м.

Хронологически первый и второй строительный периоды очень близки, так как материал на полах ба и б однороден: фрагменты фасосских амфор, чернолаковых сосудов, в том числе донце с граффити, фрагменты расписных красноглиняных сосудов с полосками белой краской, краснофигурных и сосудов с черным лощением. В заполнении пифоса материал смешанный — III—II вв. до н. э. и римского времени. Среди последнего интересен фрагмент женской терракоты (рис. 26—3). С восточной стороны к стене 3 примыкает помещение Б. Удалось уловить часть южной стены (15) помещения, сильно поврежденной поздней (турецкой) ямой. В северо-западной части помещения Б, там, где оно избежало повреждения в турецкое время, сохранились остатки обожженного глинобитного пола, соответствующего по уровню полу ба, и развал очага на нем. Здесь же найдены закопченные края кастрюль и фрагменты сосудов из грубой глины и целая сероглиняная миска и, так же как и в помещении А, фрагменты расписных полосатых сосудов.

Третий слой, I—II вв. н. э., обнаружен в юго-восточной части раскопа. К нему относятся остатки булыжной мостовой (18). Она выложена из округлой формы камней — дикаря, булыжника и известняка. В восточной части мостовая подходит вплотную к большим известняковым плитам (17), по-видимому, вымостке, уходящей в восточный борт раскопа. Западный кусок мостовой 18 подходит к водостоку 16, открытому при зачистке пола под вымосткой 1 на протяжении 2,8 м. Он сделан очень тщательно: его ложе глубиной 0,15—0,16 м, шириной 0,41 м выдолблено в больших, хорошо отесанных плитах, перекрыт он плоскими известняковыми камнями. Находки возле водостока и на мостовой относятся к I—II вв. н. э.; среди них были фрагменты краснолаковых сосудов и горло узкогорлой амфоры. Плиты из желтовато-серого известняка, в которых выдолблен водосток, и аналогичные им блоки, найденные рядом при земляных работах, относились, по-видимому, к одному комплексу. Здесь же извлечен обломок барабана дорийской колонны диаметром 0,65 м.

К четвертому слою, III—IV вв., относятся фундаменты 9, 10, 14 в юго-восточной части раскопа, сложенные из грубоотесанного известняка, сильно поврежденные при строительных работах.

Ко второму строительному периоду того же слоя относится единый архитектурный комплекс, состоящий из дворика, покрытого вымосткой (1), каменных загоронок вокруг него (2, 7, 12), примыкающего к ним переулка (1а) и каменной загородки (11). Дворик, находящийся в западной части раскопа, имеет форму прямоугольника размером 5,4 м на 4,4 м. Он вымощен крупными известняковыми плитами, очень плотно прижатыми одна к другой. С трех сторон, за исключением юго-западной, дворик был окружен стенками-оградами, сложенными из рваного камня-известняка, положенного в один камень в ширину стенки. Сохранность стенок плохая: в высоту сохранились один-два камня, есть разрывы от выборки камня. С юго-востока к дворнику примыкает вымощенный плитами переулок (1а), огороженный параллельными стенками (12 и 11) такого же характера, как и стенки-ограды. Переулок вымощен точно такими же плитами, что и дворик, с той лишь разницей, что плиты здесь лежат не на грунте, а на развале камней и в юго-западной части образуют три невысокие ступеньки, каждая из которых состоит из одной большой плиты.

Находки этого слоя относятся ко времени от эпохи эллинизма до III—IV вв.: фрагменты простых и краснолаковых сосудов, фрагменты круглых калиптеров, стенок реберчатых амфор. Интересны находки целой краснолаковой миски, бронзовой ойнохой (рис. 25—4), обломка мраморной плиты с надписью (рис. 25—3).

Н. А. ОНАЙКО

РАСКОПКИ АПОЛЛОНИИ ИЛЛИРИЙСКОЙ
в 1959—1960 гг.

Познакомившись в первый год раскопок Аполлонии¹ со стратиграфией культурных напластований, основными объектами оборонительных сооружений и городской архитектурой, а также с некоторыми данными об экономике и культуре населения, исследователи поставили перед собой задачу дальнейшего, более широкого и углубленного изучения этого замечательного памятника античной культуры²: уточнение стратиграфии, изучение характера планировки и городского строительства Аполлонии, а также исследование окрестностей, включая раскопки некрополя. В связи с этим продолжались работы на раскопе Д и на кургане. Кроме этого, в различных частях городища и за его пределами были разбиты новые раскопы: Н, Н₁, Н₂, У, Л, М, N, N₁.

В раскопе Д доследовался богатый дом римского времени, частично открытый в 1958 г. на северо-западном склоне городища. Раскопы Н заложены для изучения городского района к юго-западу от раскопа Д. Район общественного центра Аполлонии, где в 20-х годах копал Л. Рей, исследовался раскопами У и М, разбитыми рядом со зданием Агонофетов. Раскоп Л заложен для обследования южной части города на участке около урочища церкви Афанасия, а раскопы N и N₁ — в районе к западу от Аполлонии, где в 1959 г. местными жителями обнаружены мраморная статуя обнаженного юноши и несколько терракотовых статуэток.

В архаических слоях городища, теперь уже выявленных на многих участках, встречены по-прежнему только вещи VI—V вв. до н. э.: обломок расписного метопа начала VI в. до н. э., архитектурные облицовочные рельефы, фрагменты расписных полосатых сосудов ионийско-италийского типа, коринфских, аттических, чернофигурных, простой керамики, покрытой ангобом и др. Есть терракоты и конусовидные грузила хорошей выделки.

Большое количество чернолаковой посуды VI и V вв. до н. э. на раскопе Л свидетельствует о том, что данный участок уже в это время был включен в городскую черту. Обилие железных криц позволило исследователям предположить, что здесь когда-то существовали эргастерии кузнецов.

¹ В. Д. Блаватский и С. Ислами. Раскопки Аполлонии и Орика в 1958 г. СА, № 4, 1959, стр. 166.

² Настоящая статья написана по материалам предварительных отчетов начальников раскопов за 1959 г. и отчета В. Д. Блаватского за 1960 г.

Рис. 27. Аполлония. Улица «Таберн», обрамленная каменными лотками

В центральном районе городища зафиксирован слой V—IV вв. до н. э., представленный в основном керамикой. В слое IV в. до н. э. открыты остатки двух водостоков, сооруженных из черепиц.

К периоду раннего эллинизма относится огромное количество терракотовых статуэток, найденных за городом. Большая часть из них — изображения богинь, очевидно, Деметры и Керы. Есть предположение, что их выпускал ex voto один из местных храмовых эргастериев.

Слои IV—III вв. до н. э. хорошо прослежены на раскопах в западной части городища. На некоторых из них обнаружены строительные остатки сооружений из камня, кирпича и битой черепицы. Из находок можно отметить обломки чернолаковой керамики, в том числе италийского производства, железные крыцы, терракоты, черепицу с клеймом $\text{HPA}\Omega\text{N}$ и др.

На этом же участке городища выявлены остатки строений III—II вв. до н. э. Это были постройки из эллинистического кирпича ($38 \times 38 \times 7$ см) на глине и из каменных блоков насухо. Открыты водостоки, сложенные из черепицы. Среди находок: монеты, фрагменты поздних чернолаковых сосудов, сосудов с росписью полосами. Характерны обломки больших тонкостенных лутериев. Слои этого времени обнаружены и на центральных раскопах.

Исследование слоев II—I вв. до н. э. связано с замечательными открытиями нескольких улиц Аполлонии. Самая большая из них была поперечной магистралью; она названа нами улицей Таберн (рис. 27). Значительная ее часть на расстоянии 120 м выявлена на западном склоне городища; улица, шириной свыше 6 м, состоит из средней проезжей части и двух обрамляющих ее монументальных каменных водостоков. Поперек проезжей части улицы, на некотором расстоянии друг от друга, сооружены барьеры из плоских необработанных камней. Они расположены на одном уровне с поверхностью и предназначались для того, чтобы удерживать полотно дороги от оползания во время сильных дождей. К юго-западной стороне этой улицы прилегают солидные каменные стены с широкими (до 2 м) каменными порогами, по-видимому, порогами таберн. Здесь же обнаружено большое количество мелких костяных изделий (иголки, булавки) и заготовок, указывающих на наличие ремесленной мастерской.

С генеральной планировкой участка в I в. до н. э. на соседнем раскопе связано устройство другой улицы. Ширина ее 8,4 м; вдоль проходил тротуар из хорошо обработанных каменных плит шириной до 2 м. К юго-востоку, вдоль внешнего края тротуара, располагались постройки, дошедшие до нас в незначительных остатках.

На рубеже нашей эры была сооружена каменная мостовая шириной до 2 м, проходившая через центр города. Здесь же зафиксировано и продолжение улицы Таберн. Открыты также остатки фундаментов подпорной стены и помещений с каменными и кирпичными стенами.

II—I вв. до н. э., по-видимому, следует датировать ряд помещений, обширный двор, выложенный целым эллинистическим кирпичом, с водостоком из таких же кирпичей; остатки построек, стены которых сложены из каменных блоков, целого эллинистического кирпича и битой черепицы. Культурные остатки II—I вв. до н. э. на некоторых участках свидетельствуют о довольно интенсивной жизни города в это время.

Интересен в этом отношении комплекс богатого дома римского времени. Расширение работ на данном участке дало возможность более детально познакомиться с различным характером кладок стен здания и объяснить это несколькими строительными периодами. Кроме уже отмеченного (II—I вв. до н. э.), можно выделить, по крайней мере, еще два. Наиболее значительный из них относится ко II—III вв. н. э., когда на руинах старых сооружений, а также за счет расширения территории, был воздвигнут большой дом из кирпичных стен (обломки эллинистических кирпичей на известковом растворе) с прекрасными мозаичными и мраморными полами. Как показали раскопки последних лет, дом занимал территорию свыше 2000 кв. м.

В настоящее время известны три внешние его стороны: северо-восточная, юго-восточная и юго-западная. Северо-восточная капитальная стена с наружным входом раскрыта полностью в длину на 45,6 м. С внешней стороны, впритык к ее основанию проходит каменный лоток. Выявленная часть такого же лотка с противоположной стороны позволяет судить о ширине второй поперечной улицы города — свыше 6 м. Юго-восточная сторона здания состоит из трех частей, представляющих собой внешние стены отдельных помещений, выступающих на различном расстоянии друг от друга. На протяжении свыше 35 м от жилого дома, вдоль юго-восточной его стороны, сооружен широкий проход-лоток из римского кирпича ($0,27 \times 0,27 \times 0,04$ м). Собиравшаяся в нем дождевая вода стекала в каменный лоток юго-западной стороны дома. Этот лоток и противоположный ему обрамляли аналогичную описанной выше третью поперечную улицу города, открытую пока еще на небольшом расстоянии. Таким образом, нам удалось выяснить ширину квартала, который в какой-то период жизни города был занят одним домом. Она равна 60,25 м. Эта цифра, как и ширина улиц, показывает, что протяжение квартала, возможно, было задумано как 200 аполлонийских футов (= 61 м), а ширина улиц — 20 аполлонийских футов (= 6,10 м). Гораздо хуже поддается определению северо-западная граница дома. Здесь помещения сохранились плохо, а перпендикулярный к ней лоток северо-восточной стены дома уводит нас довольно далеко за пределы помещений.

В течение последних двух лет была доследована значительная часть помещений, относящихся к периоду существования кирпичного дома. К ним относится второй перистильный дворик, изменивший наши представления о планировке дома. Этот типично римский дворик был значительно больше первого. Он окружен галереей с частично сохранившимися мозаичными полами. По центру черно-белой мозаики северо-восточной стороны галереи проходит довольно узкая дорожка с полихромным изображением, по-видимому, мифологической сцены преследования всадника пешей фигурой на фоне скромной растительности. Посередине дворика по-

Рис. 28. Пол комнаты с орнаментальной мозаикой.

мещен небольшой кирпичный бассейн, облицованный мраморными плитами. Около бассейна найдены обломки мраморной декоративной скульптуры, в том числе головка Амура.

Значительно увеличилось количество помещений с полихромными мозаичными полами. Они расположены в юго-восточной части дома и не превышали по площади комнату Нерейды. Несколько мозаик включают разнообразные орнаментальные мотивы: геометрические узоры, выделенные рамками плетенки (рис. 28), растительные побеги, узлы плетенки и др. Центральная часть одной из мозаик была украшена плохо сохранившимися изображениями морских чудовищ. На остальных мозаиках искусно переданы большие картины, обрамленные орнаментальными рамками. Одна из картин состоит из двух частей: центрального круга и полей вокруг него. В круге, вероятно, изображена полуобнаженная Афродита на дельфине, на полях — Амуры за различными занятиями: одни едут на павлине или на маленькой колеснице, запряженной птицей; другие пытаются поймать птицу, несут корзиночки с плодами, плетут гирлянды и т. д. Это очень динамичные и вместе с тем жизнерадостные картинки, составленные мозаистом с большим мастерством. В другой мозаике показан напряженный момент битвы амазонок с греками. В этой, также многофигурной композиции, использована богатая гамма цветов. Вооруженные греки и амазонки представлены крупным планом, они решительно наступают друг на друга. В одном из углов картины изображен грек, держащий на руках раненую амазонку (рис. 29). Возможно, это сцена убийства Ахиллом царицы амазонок Пентесилеи.

Стены некоторых помещений с мозаичными полами были сначала оштукатурены и расписаны, а позднее облицованы цветным мрамором. Два из этих помещений снабжены гиппокастами.

Есть комнаты с цемянковыми и кирпичными полами. В северном углу дома сосредоточены помещения хозяйственного назначения.

При расчистке здания обнаружено огромное количество строительного кирпича, черепицы, камней, мраморных облицовочных плит и карнизов, обломков расписной штукатурки. В некоторых комнатах на полу лежали дорийские и ионийские капители и пилястры колонн. Вещественный мате-

риал сравнительно невелик; основная его масса относится к первым векам нашей эры. Много аполлонийских монет и монет других городов. Найдены небольшие декоративные скульптуры.

Во многих помещениях заметны следы сильного огня. Дом в различных его вариантах существовал долго. Окончательно в нем перестали жить в IV в. н. э. В это время его развалины иногда использовались как место захоронения (детское погребение); в них, вероятно, нередко находили убежище путешественники, оставившие следы очагов. В позднеантичное время в дом вклинились новые кладки. Такова кратко изложенная история жизни дома.

В I—II вв. н. э. и до конца античной эпохи продолжает существовать улица Таберн, переживая некоторые обновления. Здесь строятся новые здания, стены которых сложены из небольшого камня, обломков кирпича и черепицы, водостоки. На территории общественного центра Аполлонии сооружаются лотки проходов. Открыты остатки монументального кирпичного храма. Есть данные, свидетельствующие о применении в строительном деле Аполлонии II в. н. э. сырцового кирпича. К западу от здания Агонофетов выявлено большое общественное сооружение, которое может быть названо Домом магистратов, так как в одном из его помещений найдены четыре портретные статуи магистратов и один бюст. Наиболее ранняя из них — статуя начала III в. н. э. На одной из кирпичных стен здания сохранилась роспись в «инкрустационном» стиле.

Перед фасадом здания Агонофетов обнаружены новые архитектурные фрагменты. К сожалению, они не могли быть учтены Л. Реем при реконструкции здания Агонофетов. Это — фрагменты северо-западного угла фронтона с основанием акротерия и карниза (антаблемента), блок коньковой части фронтона, украшенного растительным орнаментом и изображением животных (кабан, заяц).

В центре города открыты и более поздние напластования IV—V вв., содержащие остатки фундаментов «хищнических» кладок; в них были использованы барабаны колонн и обломки статуй. Строительные остатки этого времени зафиксированы и на западном склоне городища, но особенно много здесь монет IV в. н. э. Здесь же открыты фундаменты крестообразной средневековой постройки, возможно, церкви, которая прорезала и разрушила строительные комплексы античного времени.

В 1959 г. закончено исследование кургана. В насыпи (высотой до 4 м) зафиксированы три разновременных напластования, различающихся по характеру грунта, стратиграфии и хронологии погребений. Курган содержал 136 могил от VI в. до II в. до н. э. Наблюдается 17 различных обрядов погребений. Для VI—V вв. н. э. характерны захоронения в каменных саркофагах, могилах из сырцовых кирпичей, в ямах, обмазанных глиной или обложенных камнями (с кремацией); в пифосах и амфорах (детские — труположение или кремация). Богатые погребения этого времени содержали коринфскую, чернолаковую и краснофигурную керамику.

В IV—II вв. до н. э. продолжают сооружаться сырцовые могилы; появляются более монументальные сооружения — кирпичные склепы, а также могилы (или урны) под кирпичным и черепичным закладом и др. Инвентарь могил стал более разнообразным; чернолаковая и краснофигурная посуда, наконечники копий, ножи, стригили, фибулы, костяные стили, остатки кожаной обуви, терракотовые статуэтки, грузила, монеты и бусы. Ювелирные изделия встречались редко.

Могила римского времени обнаружена на западном загородном участке, который в это время оказался в черте некрополя Аполлонии. Покойник лежал в черепичной могиле, сделанной наподобие карточного домика. При нем найдены бронзовая фибула, простой и чернолаковый кувшины.

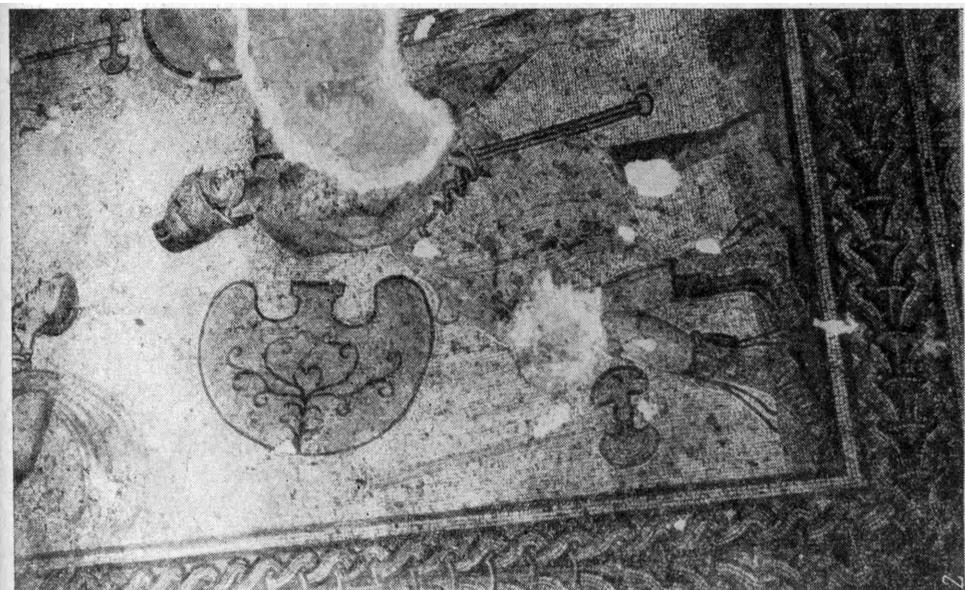

Рис. 29. Фрагменты (1, 2) мозаичного поля с изображением амазономахии

Наиболее важный результат раскопок Аполлонии последних лет — это уточнение планировки города. Теперь известно, что в Аполлонии, во всяком случае с эллинистического времени, применялась регулярная планировка — сетка прямых улиц, образующих прямоугольные кварталы. Почти полностью доследованы некоторые архитектурные комплексы, позволяющие представить облик общественных и жилых сооружений римского времени. Они содержат высокохудожественные элементы декора, свидетельствующие о своеобразии римского искусства на территории Иллирии. Местное производство и торговая деятельность города отражены в находках различных предметов быта, остатках ремесленных мастерских и таберн. Получены новые данные для характеристики Аполлонии в период ее основания. Наряду с открытиями на городище большое значение для науки имеют материалы раскопанного огромного кургана.

Г. А. КОШЕЛЕНКО

РАСКОПКИ НА ПОСЕЛЕНИИ ДЖИН-ДЕПЕ В 1961 г.

Раскопки на поселении Джин-депе¹ были продолжением исследований 1955 и 1956 гг. и в основном посвящены выяснению характера рядового жилища в Маргиане парфянского времени. Они были сосредоточены в квартале в непосредственной близости от «цитадели» (рис. 30—1). Выяснено, что этот комплекс состоит из трех самостоятельных домохозяйств с большим двором, ограниченным с севера и востока глинобитным забором. В состав комплекса входят также две керамические печи; одна из них расположена в восточной части двора, вторая, не исследовавшаяся еще, — к западу от квартала. С севера, юга и запада квартал окружает свободное, незастроенное пространство.

Были полностью вскрыты комнаты 1—8 и с целью выяснения общего плана квартала во всех остальных помещениях проведены зачистки: удался верхний слой заполнения (песок) на глубину до 0,5 м. Во вскрытых помещениях сохранившаяся высота стен — 1,5—2 м. В комнате 2 привлекает внимание оформление восточной стены. В ней две ниши: большая примерно в центре и рядом с ней — малая для возжения огня, который закоптил значительную часть стены. Стена с двумя нишами была толщиной 0,4 м и первоначально отделяла комнату 2 от комнаты 3. Соединявшая их дверь, шириной около 1 м, оформлена в верхней части в виде арки. Но позднее пристроена дополнительная стена, полностью прекратившая связь между этими комнатами. Дверной проем превратился в глубокую нишу. В комнате 3 отметим два уровня глинобитных полов. Вдоль западной стены тянется суфа. Хорошо заметно, что дверь, ведущая на юг, — позднейшая. Она прорублена в уже существовавшей стене. Комнаты 4 и 5, где также вскрыты два уровня пола, сравнительно поздние и пристроены тогда, когда северная стена комнаты 2 (она же южная для комнат 4 и 3) частично оплыла. В дверном проеме, соединяющем помещения 5 и 6, на уровне верхнего пола лежал большой кусок хума, в верхней части которого было сделано отверстие — своеобразный подпятник для упора двери. В этих комнатах встречено небольшое количество фрагментов керамики² (среди них некоторое количество обломков

¹ Раскопки проводились в основном на средства ЮТАКЭ с небольшой помощью Института археологии АН СССР. Задачей работ предыдущих лет было главным образом исследование керамических печей, раскопки жилища были только начаты. В результате работ 1955—1956 гг. стало возможным утверждать, что это специализированное поселение керамистов, работающих в основном на продажу, видимо, в степь, кочевникам. Время жизни поселения — I в. до н. э.—I в. н. э. (см. Л. Н. Мерещин. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе. «Труды ЮТАКЭ», т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 35).

² Керамика очень близка керамике соответствующего периода Мерва. См. Л. М. Рутковская. Парфянская керамика Мерва. СА, № 2, 1958, стр. 120 и сл.

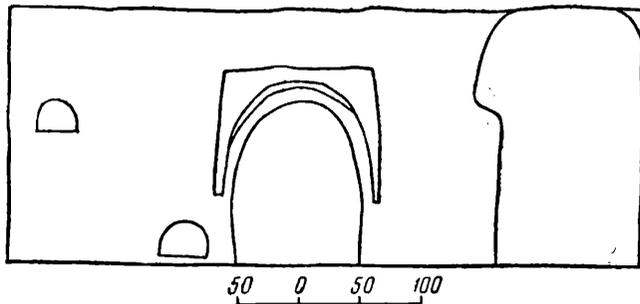
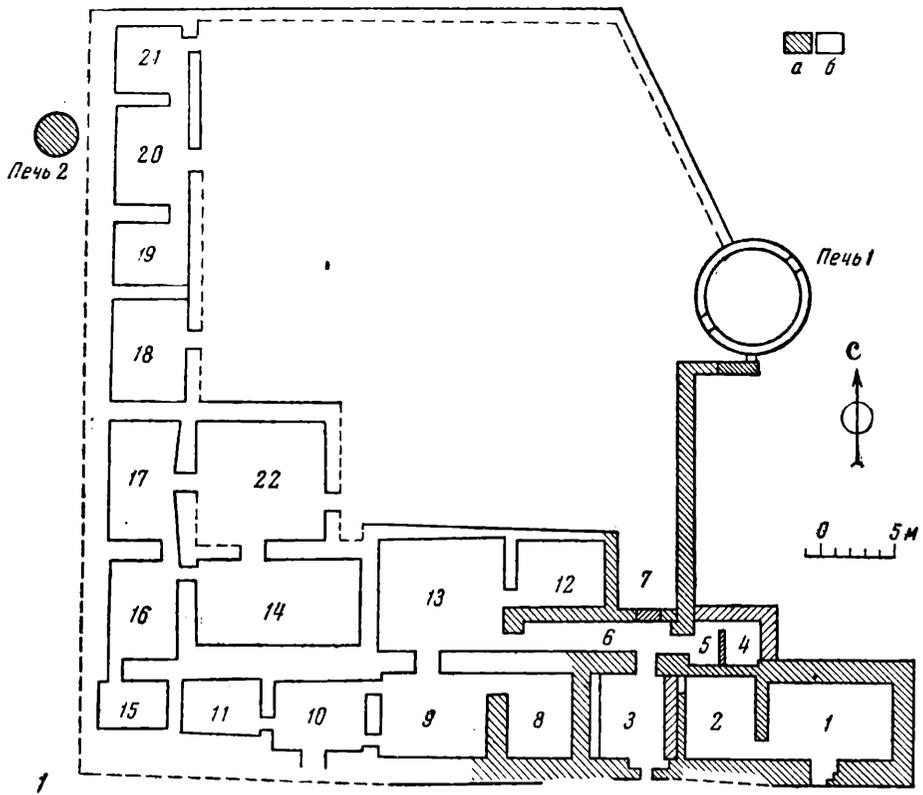

Рис. 30. Джир-тепе. План квартала (1), фас западной стены комнаты 8 (2)
а) раскопанная часть; б) зачистка

лепных черноглиняных кухонных сосудов). На верхнем полу комнаты 5 обнаружен бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы.

Комната 7 также, видимо, построена позднее, нежели основной жилой массив. Южная стена ее более поздняя, чем восточная и западная. Первоначально существовавшая дверь шириной 1,4 м позднее заделана кирпичом размером $42 \times ? \times 12$, $41 \times ? \times 12$ см. Отсутствие передней северной стены делает похожим помещение на айван. Под полом найдена терракотовая статуэтка, близкая статуэткам «великой маргианской богини», относимым Г. А. Пугаченковой к I в. до н. э.³

³ Г. А. Пугаченкова. Маргианская богиня. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 123—124, рис. 3.

В западной стене комнаты 8 расчищена алтарная ниша высотой около 1,5 м, аналогичная нише в комнате 2. Так же, как и там, верхняя часть состоит из прямоугольного углубления, в котором еще одна более глубокая (глубиной до 25 см) ниша с овальным рельефным обрамлением (рис. 30—2). С юга внизу рядом с алтарной нишей — маленькая глубокая ниша, в которой, видимо, горел жертвенный огонь. Близкие, хотя и не аналогичные, ниши известны в домах Беграма⁴. Они, видимо, служили для «домашнего» культа, сюда помещались те изображения богов, которые, по словам Иосифа Флавия, всюду сопровождали парфян⁵. Домашние молельни известны в домах Селевкии⁶ парфянского времени. В восточной стене была еще одна довольно большая ниша.

В результате проведенных работ можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, как уже отмечалось, квартал составляют три отдельные домохозяйства. Первый комплекс первоначально занимал комнаты 1, 2, 3 (тогда как 4, 5, 7 еще не существовали). Второй жилой комплекс включал комнаты 6, 8—13 и третий — все остальные. Вероятно, тогда хозяйину первого домохозяйства принадлежала и печь 1. Значительные изменения происходят позднее, когда возводится длинный забор, а затем строятся комнаты 4, 5, комната 3 отделяется глухой стеной от второй и в ней же прорубается дверь на юг. В результате перестроек доступ к печи хозяйину оскудевшего жилища 1, включавшего уже только две комнаты, становится невозможным. Видимо, печь переходит в собственность хозяина второго жилого комплекса. Он одновременно приобретает часть дома соседа (комнату 3) и строит новые помещения 4, 5, 7. Подобного рода операции с куплей-продажей смежных комнат квартала неоднократно засвидетельствованы для Олинфа⁷ и Помпей⁸. Следующее изменение происходит, видимо, уже тогда, когда печь перестает функционировать и используется как хозяйственное помещение. Забутовка восточного проема делает возможным доступ к ней только со стороны двора; кажется тогда же к южному забору пристраивается небольшое добавление, полностью исключающее доступ к этому новому хозяйственному помещению откуда бы то ни было, кроме двора. В это же время закладывается и дверь, связывающая комнаты 6 и 7. Тем самым всякий доступ к печи 1 (хотя уже и не функционирующей) для жителей хозяйства 2 оказывается невозможным, а хозяйником ее становится владелец дома 3. Таким образом, хотя и в самых ограниченных размерах, удалось проследить некоторое движение собственности в одном из поселений парфянской Маргианы.

Работы 1961 г. позволяют сделать некоторые выводы и относительно характера архитектуры жилища, и относительно облика данного типа поселений Парфии. Джин-дипе и аналогичное ему поселение Такырджадипе выделяются среди громадного большинства парфянских поселений. Отличаясь довольно большими размерами, ярко выраженным ремесленным характером, расположенные за стеной Антиоха, они в то же время полностью лишены укреплений, защищающих город в целом. Не может ли это отсутствие укреплений свидетельствовать о том, что угрозы для них со стороны кочевников, заинтересованных в торговле с ними, не было?

Во всяком случае, отсутствие стен оказало определяющее воздействие на планировку поселений. Каждый квартал окружается свободным пространством, видимо, занятым садами и огородами. Заслуживает внимания

⁴ R. Ghirshman. Bégram. Caire, 1946, стр. 33—35, рис. 16 и табл. VIII.

⁵ Jos. Ant., XVIII, 9, 5.

⁶ N. E. Manassch. Architectural features of block B. Second Preliminary Report upon the excavations at Tell Umar, Iraq, Ann. Arbor, 1933, рис. 5.

⁷ D. M. Robinson, H. Crahan. The hellenic house. Baltimore, 1938 (Excavations at Olynthus, p. VIII), стр. 92, табл. 90.

⁸ М. Е. Сергеевко. Помпеи. М.—Л., 1949, стр. 177, 214.

факт тесного соседства в одном квартале нескольких домов, причем часто границей между ними служила общая стена. Подобный принцип застройки широко распространен в эллинистическое время (Приена, Дура-Европос, особенно Селевкия). Важна тесная связь производственных объектов и жилых помещений в едином комплексе, аналогичная устройству квартала мукомолов, дому оружейника Мерва и не известная в западных районах Парфии. Следует отметить, что двор, в отличие от комплексов парфянского времени Дура-Европос и Селевкии, не был организуемым компонентом всего жилого комплекса. Эта традиция, общая как для Греции, так и для древней Месопотамии, здесь не наблюдается. Мы не можем, правда, сказать, считать ли это своеобразием, характерной особенностью Маргианы или эта особенность вызывается полусельским характером поселений. Интересно отметить суфу в одном из жилых помещений (3). Характерно, что в жилых домах Дура-Европос суфа появляется только в парфянское время⁹. Во всех случаях, когда удалось проследить, верхние части дверных проемов оформлены в виде арок, в то же время никаких следов сводчатых перекрытий помещений у нас нет. Видимо, они были плоскими, как у домов Дура-Европос и Селевкии парфянского времени — жерди с насыпной землей сверху, обмазанные жидкой глиной¹⁰. Отсутствие следов рухнувших перекрытий, вероятно, вызвано тем, что жители покидали поселение в спокойной обстановке и дерево, представляющее ценность в условиях пустыни, увозилось. Подтверждение тому, что гибель поселения не была связана с военными событиями и не сопровождалась захватом и грабежом, можно видеть и в исключительной бедности находками.

Из других строительных приемов необходимо отметить, что толщина основных стен достигает 1,8—2,2 м. Такие мощные сырцовые стены аккумулировали ночью холод и обеспечивали в жаркое время дня несколько более низкую температуру внутри помещений, нежели снаружи. Этому же способствовало и полное отсутствие окон. Использование этого приема сближает жилища Джин-депе с домами Беграма¹¹ и древневосточных городов парфянской Месопотамии, в частности Ашшура¹², на эту же близость указывает не всегда четкое следование прямым углам в постройках.

Таким образом, на основании работ 1955—1956 и 1961 гг. можно говорить о местном маргианском варианте жилого дома; порожденный местными природными условиями и хорошо приспособленный к ним, он включал целый ряд конструктивных особенностей, сближающих его с жилищами парфянских областей Месопотамии и Бактрии.

⁹ F. E. Brown. House un Block E. v. The excavations at Dura-Europos, Preliminary Report of 6th season of work. New Haven, 1936, стр. 11.

¹⁰ M. Rostovtzeff. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938, стр. 49.

¹¹ R. Ghirshman. Указ. соч., рис. 15.

¹² W. Andrae, H. Lenzen. Die Partherstadt Assur. Leipzig, 1933, стр. 21—25. табл. 8.

Б. Г. ПЕТЕРС

О ПОДВОДНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТАХ
В ОЛЬВИИ

Летом 1961 г. под руководством В. Д. Блаватского Институтом археологии АН СССР при содействии кафедры археологии исторического факультета МГУ и клуба подводного спорта МЭИ проведены подводные работы на дне Бугско-Днепровского лимана у берегов древней Ольвии.

Исследователи не раз пытались выяснить, что хранит на своем дне Бугский лиман. Этим интересовался еще А. С. Уваров¹, а по инициативе Б. В. Фармаковского² были проведены обмеры подводных скоплений камней с нанесением их на генеральный план города³. В последнее время к этому вопросу неоднократно возвращался А. Н. Карасев. Он приводит фотографию⁴, на которой изображены выступившие во время спада воды в лимане каменные блоки. Им же в связи с общим подъемом уровня Черного моря⁵ высказывалось предположение о границах затопленной части Ольвии⁶.

Проводимые нами работы ставили целью⁷ составление плана микро-рельефа дна и производство поисковой визуальной разведки у берегов Ольвии.

Исследования проводились с трех шлюпок или непосредственно с берега. Для подводных археологических работ применялись аппараты типа АВМ-1, которые через фильтр заряжались воздухом от компрессорной станции АКС-2. Для кратковременных погружений использовался комплект № 1, состоящий из ласт, маски и трубки.

В процессе работ встречены многочисленные трудности, одной из которых было цветение воды в лимане, начинающееся в середине лета и продолжающееся до осени. В этот период ветры, дующие с лимана, часто приносят громадные массы водорослей, которые, заполняя береговые воды, образуют сплошную зеленую кашеобразную массу. Видимость под водой близка нулю. Для преодоления этого затруднения использовались полиэтиленовые мешки различных размеров, наполненные чистой водой.

¹ А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 1. СПб., 1851, стр. 40.

² Б. В. Фармаковский. Ольвия. М., 1915, стр. 23; его же. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. «Сообщения ГАИМК», I, 1926, стр. 145. рис. 3.

³ А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 30, рис. 4, стр. 33, рис. 7.

⁴ А. Н. Карасев. Указ. соч., стр. 29—30, 32, 33 и рис. 6.

⁵ В. Д. Блаватский. Подводные раскопки Фанагории. СА, № 1, 1961, стр. 279.

⁶ А. Н. Карасев. Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города. МИА, № 50, 1956, стр. 33—34.

⁷ В. Д. Блаватский. Подводная экспедиция 1961 г. (Отчет). Архив ИА АН СССР.

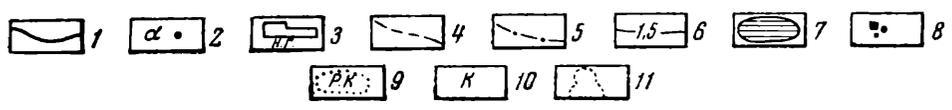
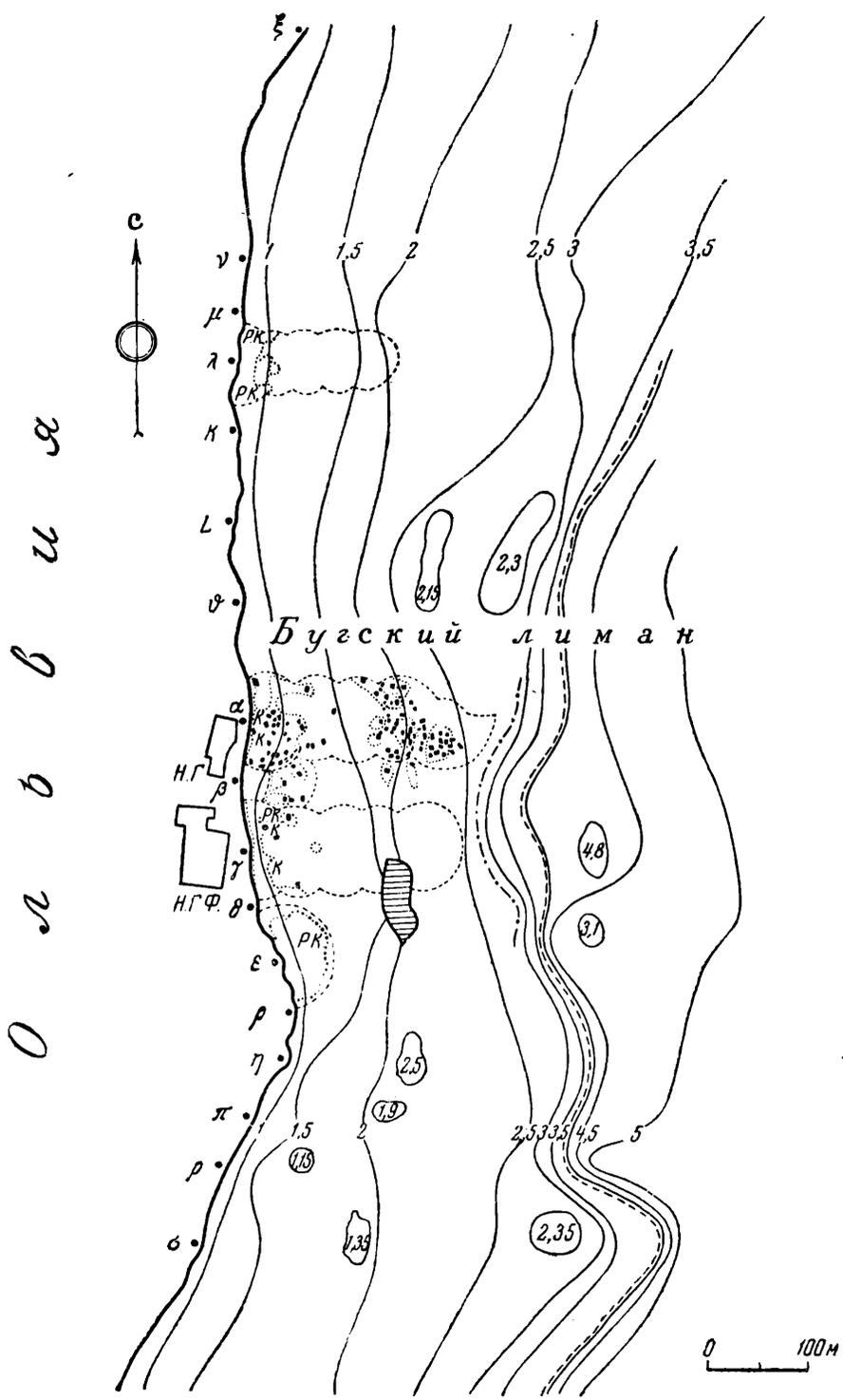

Рис. 31. Ольвия. План подводных археологических исследований 1961 г.

1 — современная береговая линия; 2 — точки базовой линии; 3 — береговые раскопки; 4 — вероятное расположение береговой линии в античную эпоху; 5 — примерная граница, до которой могла доходить городская застройка; 6 — изобаты (с указанием глубины в метрах); 7 — каменная платформа; 8 — каменные блоки; 9 — площадь распространения рваного камня; 10 — скопления керамики; 11 — районы подводных работ

В местах исследования мешки опускались на изучаемый объект, и благодаря их прозрачности удавалось проследить мельчайшие подробности находок. Помехами были и многочисленные донные ключи с холодной водой, а также острые, как лезвие бритвы, створки раковин морских желудей и мидий, которыми обросли все твердые предметы. Для защиты исследователей от порезов и холодной воды в качестве дополнения к подводному снаряжению применялись матерчатые свитеры, брюки и варежки или гидрокombineзоны. Но несмотря на перечисленные затруднения, программа намеченных работ была выполнена.

Исследования проводились по методике подводных археологических работ, разработанной В. Д. Блаватским⁸. Вдоль берега Ольвии была разбита ломаная базовая линия, которая в местах изломов закреплена на местности реперами. На прилагаемом плане (рис. 31) эта линия обозначена греческими буквами. Основной участок работ находился на дне лимана напротив раскопа нижнего города (НГ) и нижнего города Фармаковского (НГФ).

Работы велись в следующем порядке: над нужным репером устанавливался переносной деревянный створ, другой створ устанавливался по буссолю, на некотором расстоянии от него на запад. Лодка с исследователями становилась в створе на определенное расстояние от берега, вымеренного с помощью мерной веревки. Для надежной фиксации положения лодки на поверхности воды с кормы и с носа отдавалось по якорю. С помощью лота определялась глубина и производился спуск исследователя.

Водолаз под водой работал на натянутом сигнальном конце, служащем в то же время и радиусом исследуемого им полукруга. По прохождении первого полукруга с радиусом, равным 5 м, водолаз всплывал и сигнальный конец вытравливали еще на 5 м; так работа продолжалась вплоть до детального изучения района окружностью в 50 м. Производство подводных исследований таким методом способствовало наиболее тщательному и полному изучению дна лимана.

При обнаружении находок или изменения характера дна водолаз устанавливал буюк. Местоположение буйка засекалось со шлюпки и наносилось графически на планшет с помощью компаса и визирной линейки, кроме того, его местоположение измерялось с базовой линии буссолью. Водолаз-археолог метровой рейкой производил обмер затопленных остатков и подводным компасом ориентировал их по странам света.

Были обнаружены скопления рваного мелкого, среднего и крупного камня и многочисленные обломки античной керамики. Против раскопа НГ были выявлены два скопления крупных каменных блоков с гладкими сторонами, а против раскопа НГФ исследовалось сплошное скопление крупных каменных глыб в районе так называемой пристани, образующих большую платформу, границы которой были уточнены и нанесены на план.

От каждого репера строго на восток с двух лодок через каждые 10—30 м лотом были произведены замеры глубин дна лимана. Оказалось, что на расстоянии 10 м от берега глубина не превышает 1 м и только на расстоянии 150—300 м она составляет 3 м. Таким образом, проведенные подводные археологические работы позволили составить план микро-рельефа дна Бугского лимана у берегов Ольвии на площади 40 га и с меньшей точностью — на площади 20 га. Во время работ выяснено, что древняя береговая линия Ольвии находится сейчас под водой на расстоянии около 300 м на восток от современного берега, а затопленная часть города простирается не менее чем на 200 м в том же направлении. Следовательно, территория затопленной части Ольвии составляет примерно 20 га.

⁸ В. Д. Блаватский. Подводные раскопки Фанагории..., стр. 277—279; его же. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. СА, № 4, стр. 148—157.

И. Д. МАРЧЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК НА МАЙСКОЙ ГОРЕ

В течение трех сезонов Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина проводит раскопки¹ античного святилища на Майской горе в окрестностях Фанагории. В древности эта природная возвышенность — грязевая сопка с двумя кратерами — ограждала с юга остров, на котором была расположена Фанагория. Южнее Майской горы протекала р. Антикит, с запада и востока к ней подходили аллеи курганов, сооруженных на естественных холмах правого берега. Все это образывало как бы единый комплекс, в центре которого была Майская гора². Ее доминирующее положение способствовало устройству здесь в древности святилища, посвященного женскому божеству, наделенному чертами Афродиты, Артемиды и Деметры. Об этом позволяет говорить открытая в 1958—1959 гг. фависса³ — специальное захоронение культового инвентаря, где найдено около тысячи фрагментированных женских терракотовых протом (конца VI—III вв. до н. э.), специальные культовые предметы — фимиатерии, многоярусные светильники, курильницы и терракотовые статуэтки разных типов. Среди последних — стоящие девушки, группа женских фигур, мальчики и возлежащие на ложе, как кабиры, мужские фигуры. Открытые материалы привлекли внимание к этому пункту, поскольку до сих пор многое остается неясным в исследовании культов Фанагории⁴; так, не подтверждены раскопками сведения древних авторов о святилище Афродиты Апатуры и не локализовано место святилища Апатур. Вместе с тем открытие в Нимфее святилищ VI—IV вв. до н. э. показало, какое большое значение для исследования идеологии и культуры античных городов Северного Причерноморья могут иметь раскопки святилищ.

В XIX в. район Майской горы (в литературе известной под названием Блевака) исследовался неоднократно. Сведения о раскопках здесь курганов сохранились в архиве Археологической комиссии. К. К. Герц в 1859 г. раскопал три кургана и насыпи к востоку от Блеваки, в 1869 и 1872 гг. здесь же вел работы И. Е. Забелин, после чего в 1874 г. Тизенгаузен раскопал 11 курганов. В 1880 и 1885 гг. курган к юго-западу от горы Блевака исследовал Н. П. Кондаков⁵. Из архивных данных трудно

¹ Доклад об этих раскопках был зачитан на секции античной археологии ИА АН СССР в марте 1962 г.

² К. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898, стр. 87—126. Карта 3.

³ И. Д. Марченко. К вопросу о культах азиатского Боспора. ВДИ, № 2, 1960, стр. 101—107; ее же. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории. 50 лет ГМИИ, Сб. статей, 1962, стр. 121—133.

⁴ М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 16, 58—59.

⁵ Архив ЛОИА АН СССР. дело 11, 1859; дело 4, 1869; дело 11, 1874; дело 11, 1878; дело 23, 1885; дело 15, 1872.

уловить результаты работ, и потому изучение Майской горы пришлось начать с раскопок ее центральной площадки на южном склоне между двумя грязевыми кратерами. Здесь на площади в 220 кв. м выявлены три слоя: нижний — конца IV—III в. до н. э., средний — II в. до н. э. и верхний — поздний перекоп.

Под культурными напластованиями открыты остатки здания, в плане которого можно видеть храм в антах (рис. 32). От здания сохранились кладки двух стен — западной и северной; последняя разделена дверным проемом, шириной 1,4 м, в котором уцелел пол в виде слоя известковой крошки. Камни южной и восточной стен выбраны, на их месте образова-

лись заплывшие канавы, которые подходят под прямым углом к сохранившимся каменным кладкам, образуя прямоугольный контур здания, длиной около 12 м, шириной 9,3 м. Продольной осью здание ориентировано с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Северный конец западной стены заканчивается выступом — антом. По аналогии с постройками такой планировки между антами продольных стен следует предположить наличие двух колонн, обрамляющих вход в пронаос, наружную часть здания. Отмечены два строительных периода; поздний связан с перестройкой северной части, когда к анту западной стены уложена была впритык кладка, идущая на восток, и сделана подсыпка пола в пронаосе, укрепленная по краю грядой камней. Внутреннее помещение прямоугольных очертаний заполнено пластами обгоревших сырцов и зольными прослойками.

Слева от входа найдены обломки амфоры, которая, вероятно, была здесь вкопана. Фундаменты стен впущены в материк — вулканическую бреккцию — и залегали на глубине 2,3—2,8 м от поверхности; толщина их до 1,5 м, высота — 0,7 м. Они сложены из крупных кусков плотного песчаника грубой тески, прямоугольной и трапециевидной формы, образующих два панциря, внутри заполненных бутом. По остаткам сырца и мелким кускам расписной штукатурки, найденным в грунте, можно заключить, что стены были сырцовые, покрытые росписью черного и красного цвета; крыша из черепиц фанагорийского производства, о чем говорят и глина и форма черепицы, а также клейма, из которых шесть принадлежат Пантеру и Неоклу⁶, два клейма царских черепичных предприятий с надписью βασιλική и с изображением дельфина и трезубца, одно клеймо βασιλικός на калиптере и клеймо ΟΡΧΑΜΟΥ. Следует отметить особенности обнаруженных здесь черепиц: вместе с обычным боспорским типом встречены солены лаконского типа, а у граненых калиптеров боковые грани сделаны более скругленными, а не такими острыми, как у пантикапейских. Здание погибло при пожаре, о чем свидетельствуют пятна горелого грунта и копать на обломках черепиц.

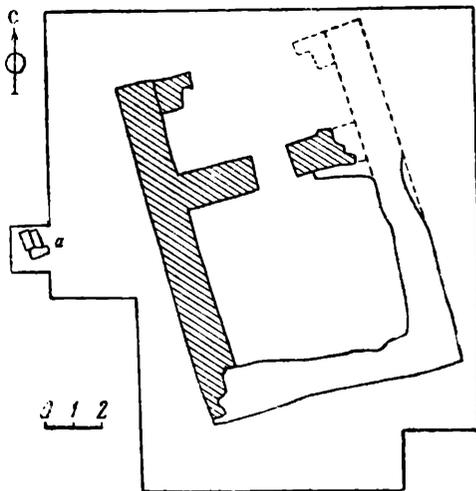

Рис. 32. План здания IV—III в. до н. э.

Заштрихованы сохранившиеся каменные фундаменты, сплошной линией даны контуры канав выборки камня, пунктиром — восстанавливаемый ант восточной стены; а — алтарь (?)

⁶ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 152.

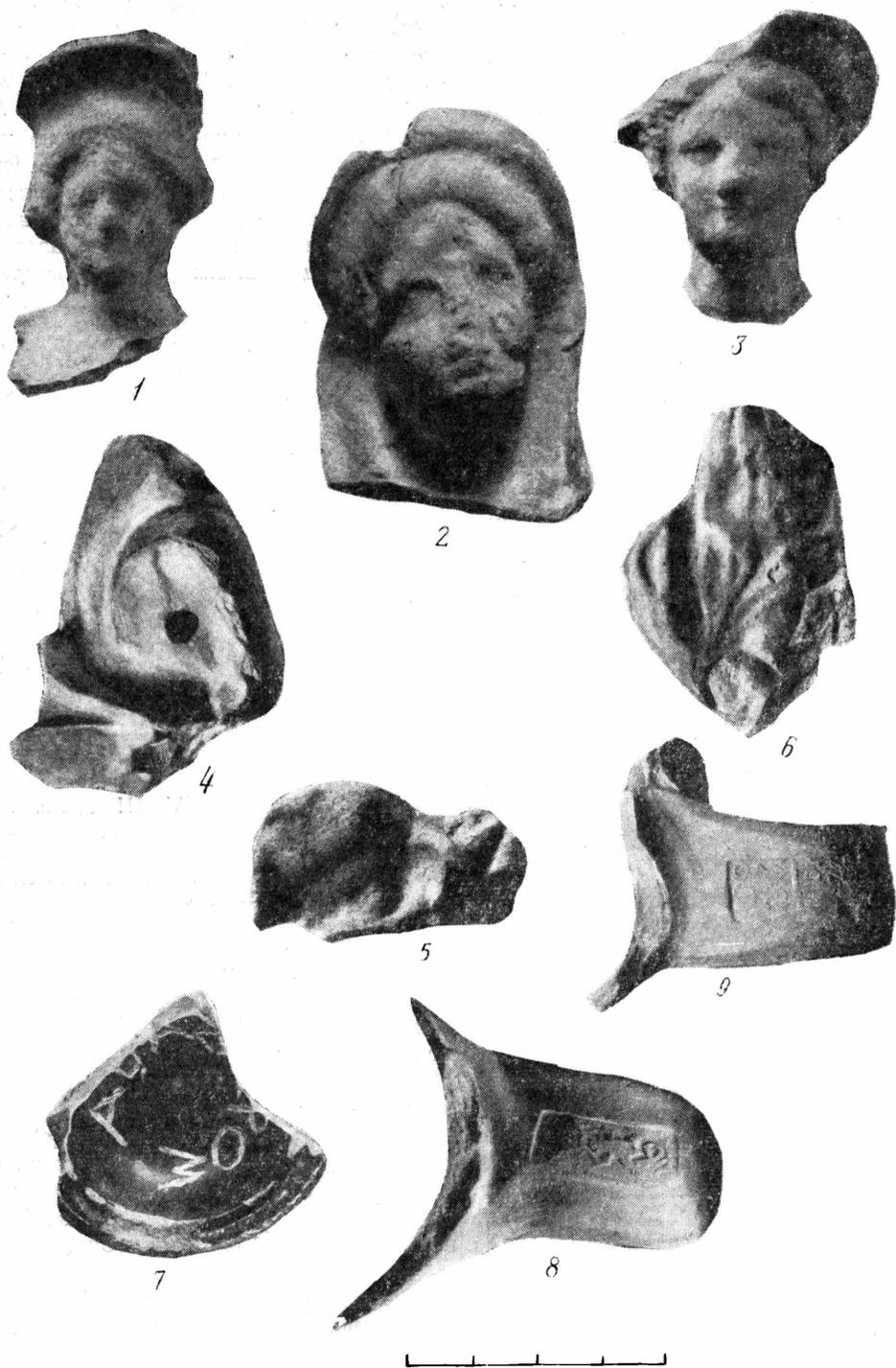

Рис. 33. Находки на Майской горе.

1—6 — терракоты; 7 — донце с граффити; 8, 9 — клейма на амфорных ручках

Западнее здания обнаружена кладка из каменных блоков. Она напоминает каменный алтарь IV—III вв. до н. э. в Нимфее⁷, который был также расположен западнее святилища.

Как показывают находки в культурном слое, здание построено в конце IV—начале III в. до н. э. и погибло в конце II в. до н. э.

Насыщенность культурного слоя находками невелика. В основном это обломки амфор позднеклассических типов — фасосских, гераклейских, фанагорийских⁸ и родосских. В меньшей степени встречались хиосские, типа Солохи и колхидские. Большинство амфорных клейм составляют фасосские, их найдено 9, гераклейских — 4, по одному синопскому и родосскому. Датируются они IV—III вв. до н. э. Простая керамика представлена кувшинами, кастрюлями, мисками, флаконами, светильниками. Возможно, к культовому инвентарю относится обломок большой костяной флейты, фрагменты алабастра и фимиатериев. Здесь найдено небольшое количество терракот, обломки протом, женских и мужских статуэток (рис. 33). Изделий из стекла и бронзы мало; несколько бус и два бронзовых перстня. Фрагментов лепной керамики, а также костей животных почти не было. Краснолаковой керамики эллинистического типа было меньше, чем чернолаковой IV—III вв. до н. э., представленной обломками канфаров, солонок и киликов. На ножке канфара вырезано граффити, которое можно восстановить, как ΑΘΑΖΑΡΟΣ. Аналогий ему не удалось найти⁹, это позволяет предположить, что граффити является именем, еще не встреченным, не упомянутым в литературе. Л. Згуста¹⁰ приводит некоторые имена, имеющие сходное с новым граффити окончание. Нужно подчеркнуть значительное количество монет, большая половина которых относится ко II в. до н. э.¹¹ Это говорит о том, что во II в. до н. э. здание еще функционировало и в нем скопилось много приношений в виде монет. А. Н. Зограф¹² отметил подобные факты в некоторых святилищах Понта.

* * *

Здание, открытое в 1961 г., мы рассматриваем как одну из построек святилища, возможно, антовый храм или здание типа сокровищницы. Основание — его планировка с пронаосом и наосом, довольно большой размер здания, выдержанного в духе пропорционального членения частей, характер обнаруженных предметов культа. Правда, своеобразие в ориентации здания на первый взгляд настораживает против подобного определения. Известно, что в греческой архитектуре общепринято было расположение храма продольной осью с запада на восток, и вход устраивался с востока, чтобы лучи утреннего солнца первыми освещали стоящее в храме изображение божества.

Но от этого правила были отклонения. В I в. н. э. Витрувий описывает те довольно свободные рамки, в которые позволялось укладывать решение этого вопроса... Он говорит: «Если никакие обстоятельства не препятствуют и представляется свобода выбора, то храм с изваянием, помещающимся в целле, должен быть обращен к вечерней стороне неба, чтобы взоры входящих к алтарю для жертвоприношений или совершения богослужения обращены были к восточной части неба... Если же

⁷ М. М. Худяк. Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э., Л., 1962, табл. 47, 1, 2, стр. 54.

⁸ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, табл. XVII, 34 з.

⁹ W. Pape, G. Benseleg. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. I, 1882, стр. 22—23; И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953.

¹⁰ Z. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 68, № 56 и стр. 306, № 609.

¹¹ Д. Б. Шелов. Монетные находки на Майской горе. НЭ, IV, 1963.

¹² А. Н. Зограф. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье. СА, VII, 1941, стр. 152.

мешает природа местности, то установление этих направлений надо изменить так, чтобы из святилищ богов была видна как можно большая часть города¹³. Весьма вероятно, что строители нашего здания руководствовались подобными или близкими этим принципами. Они поместили здание в том месте, которое казалось им наиболее подходящим: оно было видно из Фанагории, со стороны моря, другой фасад был виден с р. Антикита. Кроме того, по условиям местности, ограниченной с востока и запада грязевыми кратерами, выбранное расположение наиболее удачно и эффективно.

Подобные отклонения от общепринятой традиции прослеживаются с ранней поры у храмов Ольвии. Так, первый храм V в. до н. э. Аполлона Дельфиния был ориентирован продольной осью с севера на юг, второй храм IV в. до н. э. — примерно так же, с несколько большим отклонением продольной оси к западу, третий храм Ольвии, построенный в начале III в. до н. э., ориентирован на юго-юго-восток¹⁴.

При беглом просмотре ориентировки храмов метрополии становятся еще более заметны среди них отклонения от общепринятой традиции. Мы приведем некоторые примеры: в Дельфах, на нижней террасе Мармарии, храм конца VI в. Афины Пронай¹⁵ был построен так, что его торцовые стороны выходили на север и юг; храм Артемиды в Элевсине имел примерно такую же ориентировку¹⁶, но своей продольной осью отклонялся к западу. В Малой Азии тоже допускались свободные отклонения от этого правила. В храме V в. Афины в Милете¹⁷ вход был с юго-запада; храм Афины IV в. до н. э. в Пергаме¹⁸ ориентирован с юга на север с отклонениями к юго-востоку. Особенно важно для нас сходство ориентировки публикуемого здания с Новым храмом на о. Самофракии¹⁹, у которого продольная ось была с севера на юг и вход с северной стороны. Внутри его южной части была абсида, а в центральном проходе — два священных очага. Планировка храма делала его уникальным среди храмовой архитектуры классического и эллинистического времени, при всех перестройках сохранялась абсида, которая своим видом должна была напомнить пещеру, где первоначально совершались культовые церемонии. Между сравниваемыми нами культовыми постройками есть большие различия в планировке, но, принимая во внимание, что характер исследованного нами здания еще окончательно не определен, пожалуй правильным будет отнести многое в его своеобразных чертах за счет местных особенностей культов античной Тамани, точно так же, как относят оригинальные черты Нового храма святилища кабиров за счет религии фракийцев.

¹³ В и т р у в и й. Десять книг об архитектуре, кн. IV, гл. V. Перевод Ф. А. Петровского. М., 1936, стр. 86.

¹⁴ А. Н. Карасев, Е. И. Леви. Ольвийская агора. СА, № 4, 1958, стр. 135, 137.

¹⁵ Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. I. 1949, стр. 96, рис. 86, 87.

¹⁶ Там же, стр. 114, рис. 90, 160.

¹⁷ Там же, стр. 132, рис. 109.

¹⁸ A. Conze, C. Humann, R. Bohn. Die Ergebnisse der Ausgrabungen zu Pergamon. 1882. Tabl. I.

¹⁹ Э. О. Берзин. Раскопки самофракийского святилища кабиров. СА, № 4, 1958, стр. 241.

Д. Б. ШЕЛОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ ТАНАИСА В 1961 г.

В 1961 г. Нижне-Донская экспедиция Института археологии АН СССР и Ростовского областного музея краеведения продолжала раскопки Недвиговского городища — остатков древнего Танаиса, а также его грунтового могильника¹.

Были продолжены исследования на раскопе VI в западной части городища на территории раннего «дополемоновского» Танаиса. В 1957—1960 гг. в этом районе были вскрыты жилые комплексы эллинистического времени (до I в. до н. э. включительно), перекрытые мусорными свалками первых веков нашей эры. В 1961 г. раскоп значительно расширен к востоку с целью выяснить характер застройки восточной стороны западного района городища и проследить конструкцию рва, разделявшего восточную и западную части города. На этом участке вскрыто 202 кв. м площади, причем раскопки захватили не только сооружения западной части города, но и западный склон рва, ограничивавшего основную территорию города I—IV вв. н. э. Восточный борт раскопок проходил по дну рва.

Открытые на исследованном участке сооружения и найденные материалы отчетливо определяют пять этапов в истории этого района древнего города:

1. III—I вв. до н. э. Время создания и существования построек «дополемоновского» Танаиса.
2. I—II вв. н. э. Запустение района после полемоновского разгрома и существование здесь мусорной свалки.
3. II—III вв. н. э. В скале вырубается и функционирует оборонительный ров, ограничивающий с запада основной четырехугольник городища.
4. Середина III—середина IV вв. н. э. Время запустения всего города после его гибели в середине III в.
5. Вторая половина IV в. н. э. Создание дороги-пандуса через ров к вновь восстановленному городу.

Сооружения, относимые к первому этапу, могут быть в свою очередь разделены на несколько строительных периодов. Эти сооружения в западной части исследуемого участка представляют собой сложное переплетение стен, оград, вымосток, одинаково сложенных из рваного камня средней величины на глинистом растворе. Назначение кладок во многом еще не ясно, по-видимому, часть из них — остатки хозяйственных и жилых построек, другая часть могла нести какие-то оборонительные функ-

¹ Нач. экспедиции Д. Б. Шелов, нач. раскопов — А. И. Болтунова, Д. В. Деопик, Е. Г. Кастанаян, М. А. Наливкина; нач. группы обработки массового керамического материала — И. С. Каменецкий.

ции. Но разобраться до конца в назначении и характере этих сооружений можно будет только после расширения и углубления раскопок. Кроме наземных построек, здесь открыты еще две выложенные камнем узкие цистерны для воды и 11 грушевидных хозяйственных ям, вырытых в материковой глине.

После разрушения сооружений первого этапа жизнь на исследуемом участке если не прекращается совершенно, то во всяком случае заметно затухает. Поверх развалин построек первого этапа лежит мощный мусорный слой с культурными остатками I—III вв. н. э. Этот слой, хорошо известный по раскопкам 1957—1960 гг. на участках VI, VII, IX, образовался в результате вывозки мусора с основной территории городища, обитаемой в первые века нашей эры. Слой содержит многочисленные культурные остатки: строительный камень, обломки глиняной обмазки и печины, угли, золу, кости рыб и животных, рыбью чешую, каменные и глиняные грузила, обломки амфор, главным образом светлоглиняных узкогорлых и красноглиняных боспорских III в. н. э., фрагменты краснолаковых сосудов, обломки лепной керамики, осколки стекла и пр.

В восточной части раскопанного участка никаких построек никогда не было. Здесь, видимо, находилась естественная балочка, отделявшая в позднеэллинистическое время западную часть города от восточной. С I в. н. э., когда западный район города уже не существовал, балка стала западной границей Танаиса и была превращена в ров, пойкиривавший гогод. Ров высечен в материковой скале на глубину 3,4 м. Он заполнен темно-серым суглинком мусорного характера с обильными включениями камня от разрушенных построек. Встречающаяся в этом заполнении керамика относится к III в. н. э. Очевидно, заполнение рва произошло путем затека грунта и скатывания камней после того, как Танаис был полностью разрушен в III в. н. э.

Наиболее позднее сооружение на этом участке, открытое в 1961 г., — это дорога через ров, созданная, по-видимому, в последний период существования города, во второй половине IV в. н. э. Эта дорога, или пандус спускается девятью каменными ступеньками (ширина около 2 м) с юго-запада и идет наискось через полусыпанный ров к северо-востоку, видимо, к какому-то проходу в оборонительной стене IV в.: остатки этой стены открыты еще в 1956 г. несколько южнее на раскопе IV.

В 1961 г. продолжено исследование северной оборонительной стены в западной части города на участке IX. Открыто ее продолжение в восточном направлении (теперь общая длина раскопанного отрезка превысила 25 м), собраны дополнительные материалы для уточнения времени сооружения оборонительной стены и времени гибели западной части города. С южной стороны стены удалось расчистить древнюю дневную поверхность, соответствующую времени сооружения стены. Здесь кое-где оказались втоптаны остатки рыбы, кости животных, измельченные обломки синопских и оодосских амфор, ранних «мегарских» чашек и чернолаковых сосудов III в. до н. э. Обломок стенки чернолакового сосуда найден также в глине между камнями кладки. Этот материал определяет время сооружения стены второй половиной III в. до н. э. Стена еще в древности была разрушена и в значительной части разобрана на камень. Мощные завалы из крупных камней, сброшенных или сдвинутых со своих мест, но не использованных для других построек, свидетельствуют скорее о одновременном и нарочитом разрушении, а не о постепенной разборке на камень. Сопровожающий материал определяет дату этого разрушения — рубеж нашей эры, что позволяет предположительно связать его с карательным походом царя Птолемея против Танаиса. Выборка камня из стены производилась уже после ее разрушения.

На участке XII в юго-восточной части городища продолжались исследования ранее открытых сооружений; раскоп немного расширен — до

Рис. 34. Яма-зернохранилище III в. до н. э.

176 кв. м. Наиболее ранними памятниками, открытыми на этом участке, были две большие хозяйственные ямы. Одна из них (№ 10) сохранилась сравнительно хорошо (рис. 34). Она целиком вырублена в материковой скале на 3,2 м в глубину. Верхняя часть цилиндрической формы, диаметр устья — 1,8 м. Далее стенки резко расширяются книзу, так что диаметр дна достигает 3,2 м. В засыпи нижней части, состоящей из гумированной земли, встречены обломки чернолаковой керамики III в. до н. э., фрагменты родосских и синопских амфор, в том числе амфорные ручки с клеймами. Судя по этим находкам, первоначальная засыпь должна быть датирована не позднее II в. до н. э., следовательно, яма была вырублена и функционировала еще в III в. до н. э.; засыпь верхней части характеризуется находками II—III вв. н. э. Невозможно сомневаться в том, что яма создана в качестве зернохранилища. Таков же характер и другой вырубленной в скале ямы (№ 9). Однако она сохранилась очень плохо и к тому же открыта лишь частично, так как на засыпи сохранившейся части ямы лежат более поздние кладки. Размеры и форма ямы 9 приблизительно соответствуют форме и размерам предыдущей. В насыпи также найдены обломки эллинистических амфор и чернолаковые фрагменты III в. до н. э. Открытие двух монументальных ям-зернохранилищ III в. до н. э. проливает новый свет на хозяйственную жизнь Танаиса ранней поры его существования.

Оба описанных ранних зернохранилища были частично разрушены позднейшим подвалом Б, сооруженным во II в. н. э. в материковой скале; стены его частично высечены в скале, частично выложены из равного камня, так что кладка облицовывает неровности скалы или закрывает естественные трещины. Подвал сделан в форме вытянутого с запада на восток неправильного четырехугольника длиной около 8 м, шириной 3,5—4 м. Полом служит почти горизонтальная подтепка материковой скалы. Подвал был заполнен камнем от разрушенных наземных частей здания, которому он принадлежал. Камень несет следы огня, что обычно для построек, погибших во время разгрома города в середине III в. н. э. В нескольких местах при раскопках обнаружены куски обуглившегося дерева перекрытия. Среди камней, засыпавших подвал, найдены многие предметы, хранившиеся здесь. Это прежде всего десятки разбитых светлоглиняных узкогорлых амфор II—III вв. н. э., на большинстве их сде-

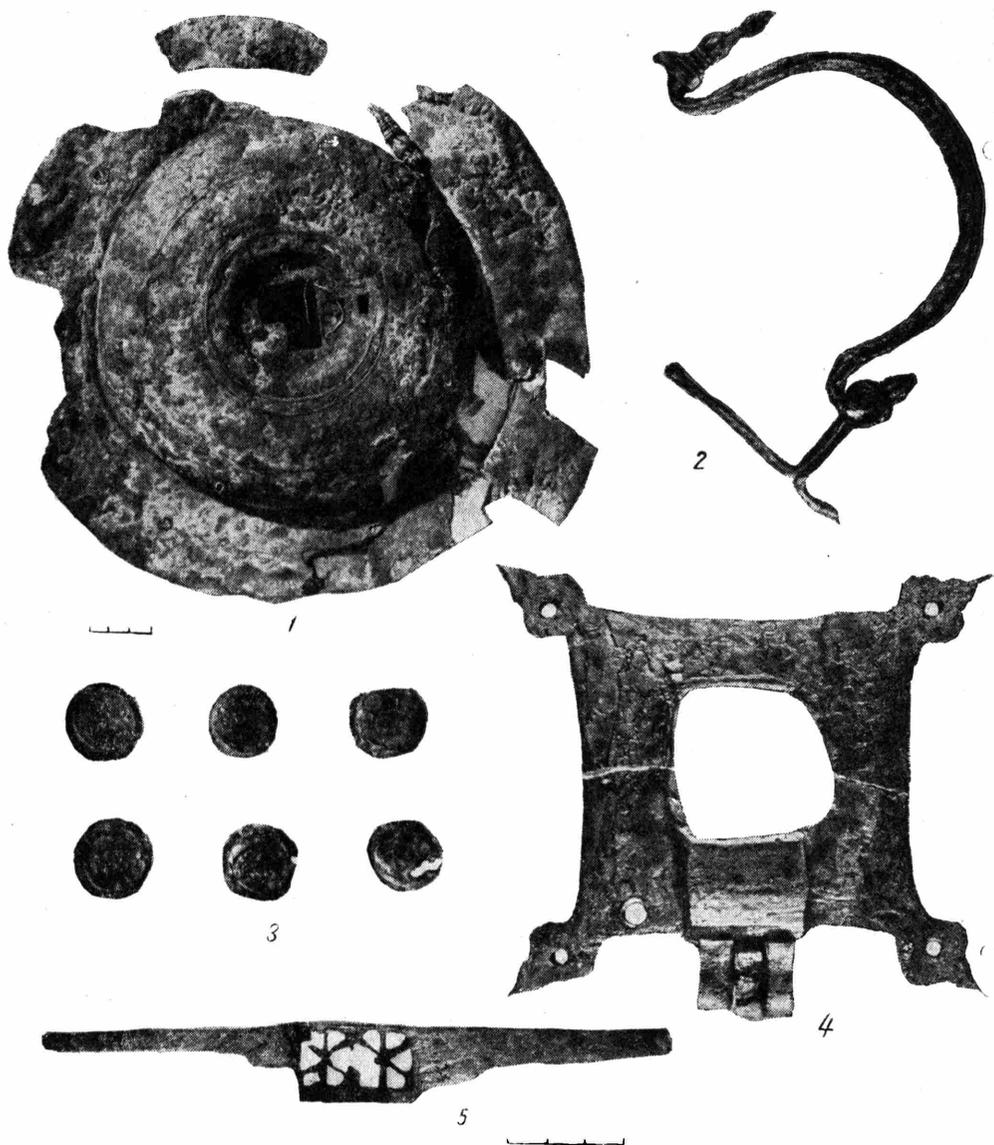

Рис. 35. Детали оковки ларцов (1—4) и ключ (5) из подвала III в. н. э.

ланы надписи или знаки красной краской. Встречаются также обломки красноглиняных широкогорлых амфор III в. н. э., лепных сосудов, простой керамики, каменные грузила, кости рыб и животных. В завале найдено несколько боспорских монет (Риметалка и Иненфимея), закрытый светильник, небольшой лепной горшочек, бронзовые оковки деревянных ларцов (рис. 35—1—4).

Другой подвал В, также засыпанный камнем во время разрушения города в середине III в., был полностью исследован на этом участке еще в 1960 г. Над помещениями II—III вв. лежат остатки кладок второй половины IV в., времени частичного восстановления Танаиса. Все они сильно разрушены и не дают представления о планировке и назначении сооружений, которым они когда-то принадлежали. Кроме отдельных стен, расчищена вымостка из хорошо подобранных больших каменных плит непра-

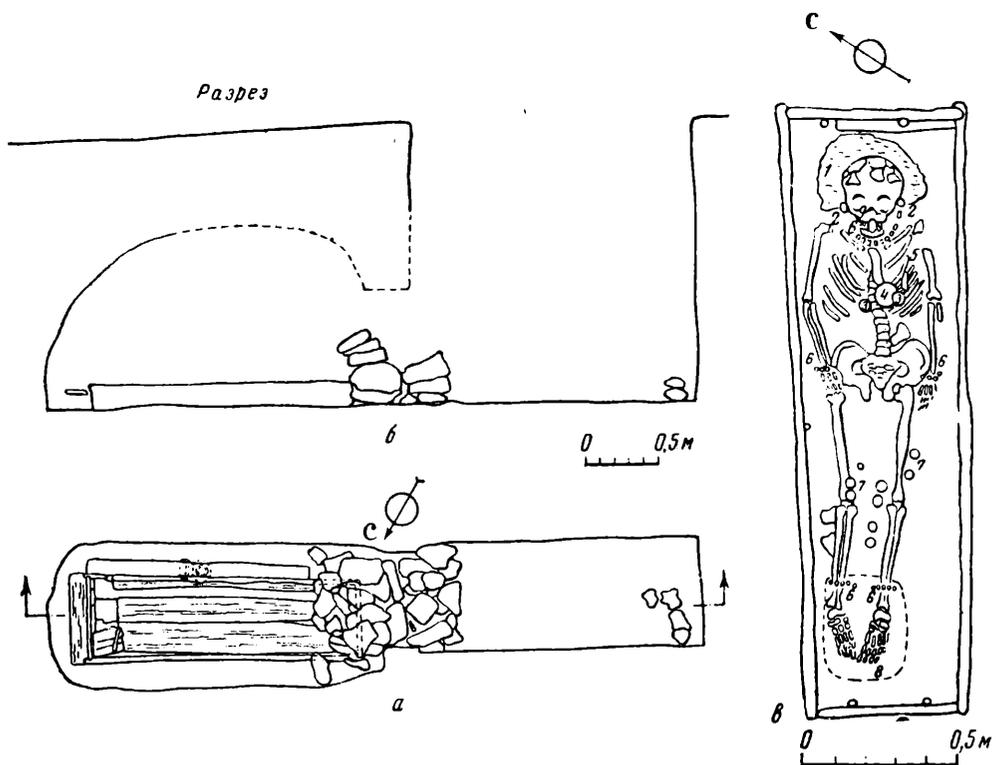

Рис. 36. Погребение № 154.

а — план катакомбы; б — разрез катакомбы; в — план погребения. 1 — остатки тростниковой подстилки; 2 — серьги бронзовые; 3 — золотые бляшки; 4 — зеркало бронзовое; 5 — фибулы; 6 — гешировые бусы на шее и запястьях, пастовые — на ногах; 7 — орехи и каштаны; 8 — остатки кожи, 9 — золотой нагубник

вильной формы. В то же время был сооружен и небольшой подвал или погреб А в северо-восточном углу уже заваленного камнем подвала Б. Этот маленький более поздний подвал был раскопан в 1960 г.

* * *

Раскопки грунтового некрополя Танаиса были предприняты в 1961 г. на участке к востоку от городища, в районе раскопа III 1955—1956 гг. Здесь вскрыта теперь площадь около 40 кв. м и открыто 30 погребений, которые в большинстве залегали в культурном слое, достигавшем здесь толщины около 2 м, но наиболее глубокие (обычно более ранние) были врезаны в материковую глину. Культурный слой на этом раскопе представляет собой слабогумированный суглинок, сильно перекопанный как в древнее, так и в новейшее время. В нем встречаются фрагменты керамики, человеческие кости, отдельные предметы из перерытых и разрушенных погребений.

Многочисленные захоронения умерших в этом районе во все века существования Танаиса, а также рытье различных ям в новое время привели к тому, что почти все погребения здесь оказались в той или иной степени нарушенными. Очертания могильных ям в этом перерытом грунте, в большинстве случаев не прослеживаются. В первых горизонтах культурного слоя встречается довольно большое количество необработанного камня из кольцевых оградок над могилами или из обкладки могил, но погребения расположены очень тесно, часто друг над другом и перерезают друг друга, поэтому в большинстве случаев не удается определить, к какому костяку относятся остатки оград.

В хронологическом отношении погребения разнообразны. Они датируются периодом от II в. до н. э. до конца существования Танаиса. Есть также одно погребение (№ 156), выходящее за рамки этой эпохи и относящееся уже к раннесредневековому времени. Многие могилы, лишенные инвентаря, не поддаются датировке.

Кроме погребений, открытых на III раскопе, экспедиций в 1961 г. исследована еще одна могила II—III вв. н. э., обнаруженная случайно в поле у северо-западного угла городища. После сильного дождя на полевой дороге, проходящей по территории древнего некрополя параллельно северному рву городища, осела земля над древней катакомбой и образовался провал. Катакомба (№ 154) была высечена в глине, на глубине около 2 м от современной поверхности и состояла из прямоугольной входной ямы и овально-подчетыреугольной погребальной камеры, соединенных проходом, заложеным необработанными плитовыми камнями (рис. 36). Входная яма и камера были вытянуты по линии северо-восток—юго-запад и соединялись узкими сторонами. В катакомбе погребена молодая женщина. В деревянный, сколоченный железными гвоздями гроб она была положена вытянута на спине, головой на северо-восток. Рот покойницы прикрывала тонкая золотая пластинка — нагубник; у височных костей найдены маленькие бронзовые колечки, на шее — гешировые бусы. Из таких же бус состояли браслеты на обоих запястьях. На груди лежало маленькое бронзовое зеркальце с ушком на оборотной стороне, лучковая бронзовая фибула и две тонкие золотые выпуклые бляшки. В области колен и бедер найдены остатки нескольких грецких орехов и каштанов. Под берцовыми костями сохранились обрывки кожи — остатки высоких сапожек. Здесь же найдена 41 шаровидная маленькая темно-серая пастовая бусина; этими бусами, видимо, были расшиты голенища.

Вне гроба в могиле найдены еще две сцепленные бронзовые кольцеобразные сережки, черноглиняный лепной горшочек, глубокая краснолаковая миска и стеклянный бальзамарий.

Хорошая сохранность погребения 154, некоторые особенности могильного сооружения и состава инвентаря (нагубник, стеклянный бальзамарий) делают эту могилу одним из наиболее интересных комплексов танаисского некрополя.

М. М. КОБЫЛИНА

РАСКОПКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ФАНАГОРИИ
в 1959—1960 гг.

В 1959—1960 гг. после трехлетнего перерыва возобновлены раскопки Фанагории. Они производились экспедицией Института археологии, Института истории искусств и Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина с участием студентов МГУ. В 1959—1960 гг. работы велись в районе Керамика и в центральной части нижнего плато городища, но основное внимание было сосредоточено на раскопках курганного некрополя Фанагории у поселка Сенной. В районе Керамика открыты остатки древнейших крепостных сооружений V—начала IV в. до н. э., новый участок огромной керамической свалки IV—III вв. до н. э. и развалы обжигательных печей III и IV вв. до н. э. с большим количеством материала, характеризующего гончарное производство. Раскопки курганов дали новые материалы об особенностях погребального культа, главным образом IV—III вв. до н. э., в котором видно смешение греческих и местных традиций.

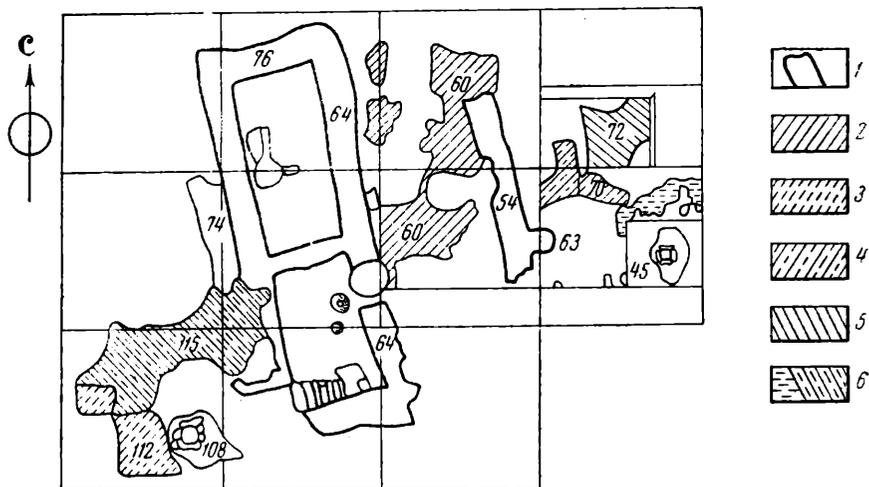
Экспедицией собрано также несколько ценных случайных находок; из них особенно интересны: мужская бородатая портретная голова с повязкой над лбом и в остроконечном мягком головном уборе с завернутым назад кончиком, дорийская капитель IV в. до н. э.; несколько надгробных памятников местной работы.

В течение многих лет раскопки центральной части нижнего плато городища производились в прибрежном районе (Северный раскоп)¹. Но здесь исследование напластований античного периода сопряжено с большими трудностями из-за близости моря и обилия грунтовых вод. Центральный раскоп 1959—1960 гг. находится на расстоянии 92 м к югу от Северного. Здесь оказались более доступными для изучения все напластования, начиная с древнейших.

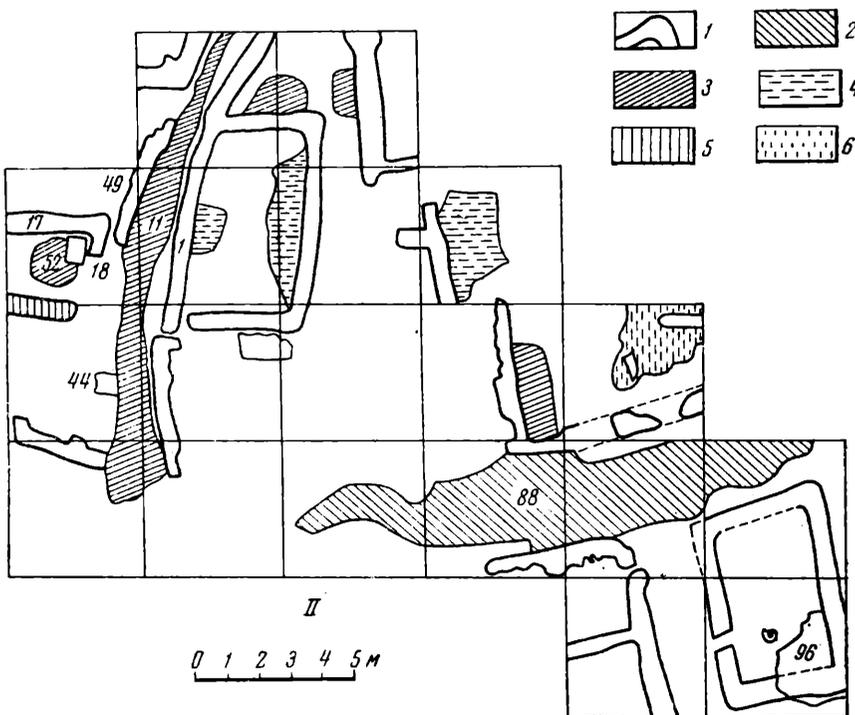
На центральном раскопе прослежены напластования от VI в. до н. э. по XIII в. н. э.

Из строительных остатков X—XI вв. обнаружены лишь небольшие развалы кладок и вымосток, весьма неопределенных. Зато прекрасно сохранились жилые кварталы VIII—IX вв. (рис. 37—II), полностью аналогичные открытым на Северном раскопе. В этом слое вскрыта улица, шедшая с востока-северо-востока на запад-юго-запад (88), шириной 4 м; она прослежена на протяжении 20 м; вымостка ее многослойная, из обломков керамики и мелких камней. По сторонам обнаружены остатки домов. В юго-восточной части раскопа открыто каменное основание небольшого (7×4 м) однокомнатного дома; кладка в елочку; пол глинобитный; в центральной части дома — очаг с основанием в виде вмазанной

¹ М. М. Кобылина. Фанагория, МИА, № 57, 1956, стр. 11, рис. 1 (№ 7).

I

II

Рис. 37. Фанагория. Центральный раскоп 1959—1960 гг.

I — план сооружений античного периода; 1 — стены подвала и домов; 2 — вымостка 60; 3 — вымостка 112; 4 — вымостка 70; 5 — вымостка 72; 6 — вымостка 115. II — план средневековых сооружений: 1 — стены домов VI—VII, VIII—IX вв.; 2 — вымостка улицы 88; 3 — вымостка переулка 11; 4 — глинобитный пол дома VI—IX вв.; 5 — сырцовая стена дома VI—VII вв.; 6 — цемьяка

в пол горлом вниз части амфоры. Этот дом был расположен на перекрестке вышеописанной улицы и переулка, проходящего под прямым углом к ней. Переулок был шириной 2 м; вымостка каменная. По другую сторону переулка также раскопано массивное каменное основание восточной и северной стен дома и легкая каменная кладка внутренней стены, разделившей его на два помещения.

По другую сторону улицы в восточной части раскопа также обнаружен дом, но сильно разрушенный.

В западной части раскопа в отдалении от улицы раскопано каменное основание большого здания, выходящего западной стороной в узкий переулок. Здание включало большое прямоугольное в плане помещение и другое небольшое треугольное. Каменное основание сырцовых стен несколько деформировано, кладки сложены елочкой из твердого известняка (частью рваных, частью грубо отесанных прямоугольных блоков средней величины). Вход в основное помещение был с юга: почти в середине южной кладки лежала квадратная плита — вероятно, основание порога; у восточной и западной стен внутри помещения сохранилась часть глинобитного пола. При расчистке его обнаружены следы пожара в виде сажи и обгорелой, красного цвета глины, а также куски печины от очага, верхняя часть кувшина с широким прямым раструбом, украшенным рифлеными полосками, каменный жернов, фрагменты черноглиняных горшков с линейным орнаментом и круглодонных реберчатых амфор. Треугольное помещение, вымощенное мелким камнем, могло быть хозяйственного назначения. На расстоянии 2,4 м к западу обнаружены остатки дома (49), стоявшего по другую сторону переулка. К востоку от здания (1) на расстоянии 2,3 м от него открыт угол еще одного дома. Восточные постройки имеют одинаковую ориентацию по пересекающимся под прямым углом направлениям переулков и главной улицы, как это отмечено и на Северном раскопе.

Строительные остатки нижележащих средневековых слоев крайне фрагментарны. Более или менее цельные объекты открыты в западной части раскопа. Здесь выявлен переулок (11), тянущийся с юга на север; ширина его не меньше 2 м; он существовал в течение VII—IX вв. н. э. К третьему слою (VII—VIII вв. н. э.) относятся два верхних настила черепяно-каменной вымостки. С востока к переулку (11) прилегает каменное основание дома (49).

Из находок в слое отметим: фрагменты средневековой черепицы и средневековых амфор (среди них есть производственный брак), пифосов; черноглиняной посуды с врезанным линейным и волнообразным орнаментом; обнаружены каменная литейная форма для отливки женских украшений, обломок большого каменного грузила, фрагмент открытого листовидного светильника, большой точильный камень, куски цемьянки; камень правильной прямоугольной формы с углублениями для установки деревянного столба, а также большое количество обломков античной керамики.

Строительные остатки четвертого слоя столь же фрагментарны, как и третьего; более или менее цельный комплекс открыт только в западной части раскопа. К четвертому слою (VI—VII вв. н. э.) относятся третий и четвертый настилы вымостки (11); третий настил с ровной хоженной поверхностью состоит из мелких фрагментов керамики, галки, костей. С запада в переулок (11) выходил жилой дом. Сохранились: часть мощного каменного основания северной (17) и частично восточной стены (18), образующих угол дома и фрагмент южной стены (44), а также слезавшаяся в сплошную массу сырцовая кладка внутренней стены, делившая дом на два помещения. В северном помещении обнаружена полуразвалившаяся печь, сложенная из плоских сырцовых кирпичей, прямоугольная в плане, с устьем, обращенным к западу. Она находилась на вымостке из плотно уложенных черепков, довольно крупных и острых (52). Около

устья стояла плоская лепная миска из грубо промешанной черной глины с примесью толченых ракушек.

При разборе развала камней была найдена использованная как строительный материал часть мраморной плиты с рельефным изображением мужской фигуры; плита восстанавливается как великолепное надгробие около 2 м высотой, относящееся к кругу ионийской скульптуры (вероятнее всего хиосской) самого начала V в. до н. э.²; такой памятник впервые открыт в Фанагории. Это яркое свидетельство тесных связей Фанагории

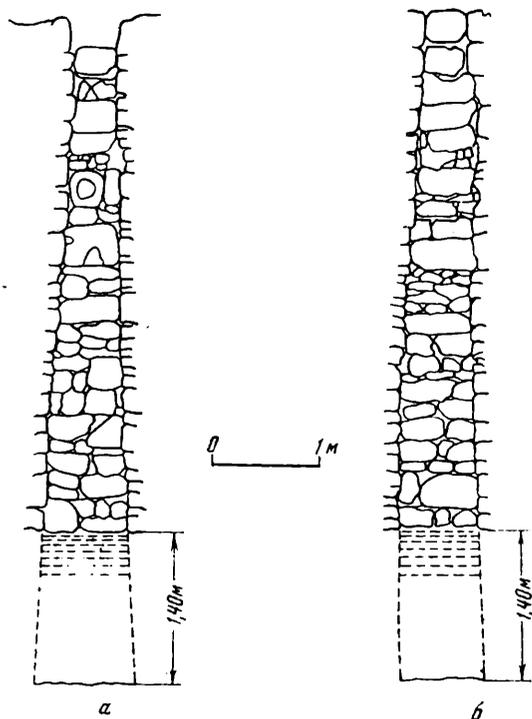

Рис. 38. Фанагория. Колодец № 45. Разрез.

а — фас северной стенки; б — фас западной стенки

с ионийским миром в древнейший период ее существования.

Строительные остатки пятого слоя (V—VI вв. н. э.), относящиеся к восстановлению города после гуннского разгрома, весьма монументальны, как это было и на Северном раскопе. Так, в юго-восточной части раскопа сохранилась вымостка (96) из больших плоских плит известняка. Среди находок в пятом слое наряду с раннесредневековым было большое количество античного материала. Характерны фрагменты круглодонных реберчатых амфор IV—V вв. н. э. и широкогорлых амфор III—IV вв. Найдены также обломок мраморной плиты (8×9 см) с частью греческой надписи, золотая монета V в. н. э. (с изображением имп. Зенона), две медные монеты II в. до н. э., фрагмент мраморного рельефа с изображением нижней части стоящей женской фигуры (высота 12,5 см) и др.

В слое гуннского пожара и под ним обнаружены руины города III—IV вв. н. э. (шестой слой). В восточной части раскопа сохранились каменное основание стены и развал части дома (42): под грудой камней и слежавшихся кусков сырца архитектор Г. И. Гунькин расчистил остатки перекрытия дома. Исследование их показало, что деревянное перекрытие было сверху покрыто камкой, на которую наложен для утепления слой земли с золой (толщиной 8 см). Применение камки для крыши было зафиксировано в 1953 г. на Керамике при раскопках остатков дома гончара III в. н. э.

В юго-восточном углу раскопа обнаружен колодец (45). Вверху он очень узкий, квадратный (0,4×0,4 м), книзу расширяется вдвое; глубина 6 м. Стенки сложены из камней разной величины, преимущественно крупных (рис. 38). В грунте, заполнявшем колодец, до глубины 5 м встречались фрагменты рифленых и реберчатых стенок амфор и кувшинов и более ранней керамики. Ниже в основном фрагменты эллинистической керамики и более ранней, среди них несколько профилированных ручек I и II вв. н. э. Следовательно, колодец мог быть сооружен еще в I в. н. э. и бытовал до IV в. включительно, а возможно и несколько позже.

² М. М. Кобылина. Древняя стела из Фанагории. Историко-археологический сборник, М., 1962.

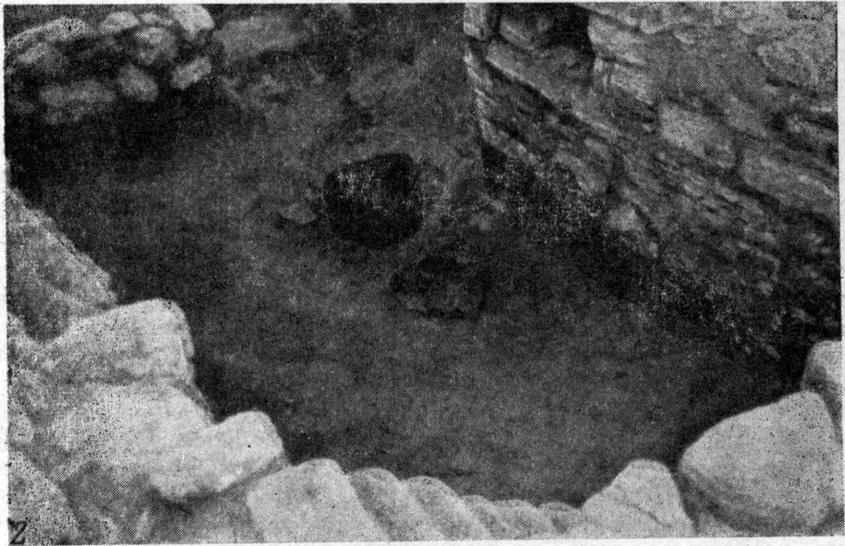
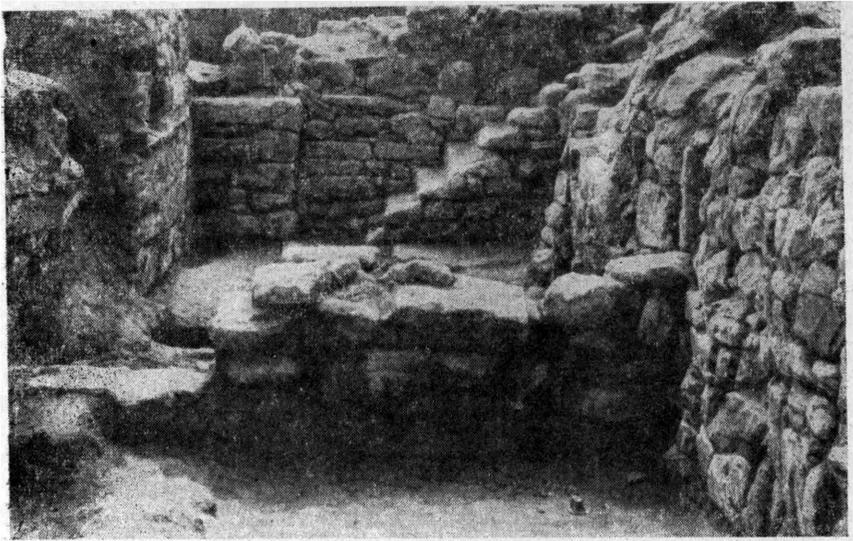

Рис. 39. Фанагория. Сооружения центрального раскопа

1 — подвальное сооружение, перестроенное в III в. н. э.; 2 — южное помещение подвала III в. н. э.

Впервые открыто в Фанагории подвальное сооружение, при этом очень хорошей сохранности. Оно обнаружено в западной части раскопа. Вскрытая часть в плане — вытянутый четырехугольник, ориентированный с юго-юго-востока на северо-северо-запад, немного деформированный, длиной 12 м, шириной 4,5 м, стены сохранились на высоту от 0,8 м до 1,9 м. Раскопанный подвал перестроен из более раннего сооружения, судя по стратиграфии, I в. н. э., связанного, вероятно, с большим зданием. Первоначальная постройка выделяется лучшей техникой кладки из продолговатых квадров, уложенных на глине; между рядами камней местами вставлены большие куски черепицы. В III в. подвал перестроен и приспособлен, вероятно, для жилья. Свидетельством перестройки служит поперечная более поздняя кладка (76), сооруженная впритык к восточной и западной стенам и делящая подвал на два помещения (рис. 39—1),

соединявшиеся проходом. Она лежит на горелом грунте толщиной 0,22—0,3 м (очевидно, раннее здание погибло от пожара). Более поздние верхние части стен резко выделяются плохой кладкой с неправильным соблюдением горизонтальных рядов рваных камней разных размеров, они уложены на земле, среди них есть камни вторичного использования. Кладка 76 сохранилась только в нижней части. Она такая же грубая. Порог проема выложен из камней, плитняка, булыжника и бута между ними. В южное помещение подвала вела лестница, опускаясь вдоль южной стены и постепенно сужаясь. Ее семь сильно стертых ступеней выводят на площадку, вымощенную плитами. В юго-восточном углу расчищен каменный столбик высотой 1 м, сооруженный впритык к восточной стене (64). Он укреплял угол подвала и вместе с тем мог служить опорой для столика; последнее тем более вероятно, что к северу от столба обнаружены на полу три угольных пятна, возможно от перегоревших деревянных подпор, поддерживавших доску, лежавшую на столбе или примыкающую к нему. В верхней части восточной стены на высоте 1,07 м от пола сохранилась ниша, перекрытая массивным камнем (рис. 39—2), и в ней — остатки глиняной обмазки и побелки. Вблизи ниши в пол была вставлена на глубину 0,63 м верхняя часть широкогорлой амфоры, горлом вниз; отверстие горла закрыто — оно упиралось в горизонтально поставленный большой обломок сосуда. Рядом с ней лежал разбитый лепной сосуд. Пол подвала был глинобитный.

В полу северного помещения выявлена яма (77) диаметром 1,6 м, заполненная золой, углем, жженым сырцом и глиной. Находки в яме относятся к разному времени, самые поздние — к III в. н. э.

Из находок, сделанных при расчистке подвала, интересны: свинцовая гиря в форме бочонка с буквами Δ Λ³, половина большой чаши с врезанным зигзагообразным орнаментом по краю и изображением лодки на внутренней стенке, большой обломок лепного горшка с неясными врезанными изображениями на тулове и веревочным орнаментом по краю.

Находки в шестом слое в основной массе относятся к первым векам нашей эры: это полукруглые желобчатые калиптеры, фрагменты узкогорлых и широкогорлых амфор, реберчатых сосудов с белой обмазкой, лощеных сероглиняных сосудов, краснолаковых чаш и блюд I—IV вв. н. э., кухонной посуды, стеклянных сосудов I—III вв.; найдены также фрагменты эллинистических амфор, чернолаковых и расписных сосудов, бронзовый перстень со вставочкой из стекла, ножка высокого светильника, льячка, обломок глиняной подставки для амфоры, фрагменты мраморных статуй, обломок чаши из алебастра, глиняное пряслице, два пирамидальных грузила, кусочки штукатурки с красной полоской по белому фону, лошило, просверленный астрагал и пр.

К седьмому слою (I—II вв. н. э.) относится первоначальное подвальное помещение, каменная вымостка (74) к западу от него, черепичная вымостка улицы к востоку от него и остатки дома (54—63) по другую сторону улицы.

Первоначально подвал состоял из одного помещения с проходом в западной стене. Пол не сохранился. Под полом помещений вторичного использования обнаружена яма. В ней найдены фрагменты эллинистической керамики.

С запада к верхней части подвального помещения примыкает каменная вымостка, вероятно, двора (74) из крупных плит известняка.

С востока к зданию с подвалом подходит вымостка улицы (60). Она сохранилась кусками на протяжении 8 м с севера на юг и 3,5—3,7 м с востока на запад. Поверхность вымостки ровная. Ее общая толщина

³ Аналогичная гиря имеется в Народном музее Софии: Т. Д. Герасимов. Римски екзагии от България. «Известия на Български Археологически институт», XIV, 1940—1942, стр. 230, обр. 324.

0,5 м; она многослойна, вероятно, относится к нескольким строительным периодам и состоит из пяти последовательных настилов мелких черепков, гальки и костей животных; настилы перемежаются слоями песка. В составе настилов обнаружены в основном фрагменты эллинистических сосудов, но есть небольшое количество керамики I в. н. э. Грунт под вымосткой включает находки не позднее II в. до н. э.

Кладка (54—63) служила основанием угла дома, расположенного по восточной стороне улицы (60). Она из камней различной формы, уложенных по два в ширину кладки. В средней части кладки (54) проем шириной 1,2 м, возможно, здесь был вход в дом. На поверхности кладки — остатки горелого сырца, свидетельствующие, что стены были сырцовые.

В юго-западной части раскопа в том же слое расчищено обрамление колодца (108) и каменная вымостка около него (112). Расчистка колодца не закончена.

Глубжележащие слои исследовались лишь на III и IX квадратах. В целях безопасности, а также для сохранения колодца оставлены были банкеты, поэтому площадь исследования небольшая, к тому же она оказалась поврежденной позднейшими ямами выборки камня.

Восьмой слой (II—I вв. до н. э.) представлен вымосткой (70) из мелких черепков и гальки, лежащих на настиле из мелких фрагментов керамики и мелких и средних камней, толщина вымостки 8 см.

К девятому слою (III в. до н. э.) относится черепяно-каменная вымостка. Она выложена из довольно крупных обломков амфор и мелких камней, толщина ее 20 см. Мощность этого слоя 0,4 м.

К десятому слою (IV в. до н. э.) относится вымостка (72) из черепков амфор средних размеров с включениями гальки; черепки уложены на глине, выпуклой стороной вверх. Среди фрагментов керамики в вымостке имеются: венчик хиосской амфоры IV в. до н. э., фрагмент чернолакового килика IV в. до н. э. Фрагменты припухлых венчиков амфор V в. до н. э., небольшое количество черепицы. Находки под вымосткой (72) относятся к V—IV вв. до н. э.: обломки амфор V—IV вв. до н. э. (Хиос, Фасос и др.), чернолаковое доньшко IV в. до н. э.

Одиннадцатый слой (V в. до н. э.) представлен только фрагментами керамики в северо-восточном углу III квадрата. Строительных остатков нет. Мощность слоя — 0,2 м. Находки: фрагменты хиосских амфор V в. до н. э., венчик амфоры с полосой красной краски; мелкие фрагменты чернолаковых сосудов V в. до н. э.

Слой VI в. до н. э. также представлен только находками. Мощность слоя 0,4 м; он лежит на материке — глине. Прослежен в углу III площади. Находки: фрагменты архаических амфор, ионийского полосатого сосуда, чернолаковых чашек.

В итоге возобновления работ в Фанагории собран разнообразный и интересный материал, характеризующий многовековую историю города.

А. И. БОЛТУНОВА

СТРОИТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ ИЗ НИМФЕЯ

При раскопках городища Нимфея археологической экспедицией Гос. Эрмитажа под руководством М. М. Худяка в 1958 г. был найден обломок плиты из белого мрамора с остатками греческой надписи¹. М. М. Худяк дал мне возможность осмотреть обломок и любезно предложил опубликовать. Камень хранится в Гос. Эрмитаже (рис. 40).

Кусок плиты обломан со всех сторон. Высота его 0,185 м, ширина 0,145 м, толщина 0,043 м, поверхности тщательно обработаны, и лицевая и обратная. Установить первоначальные размеры плиты, количество и длину строк невозможно. Сохранились обрывки пяти строк. Буквы надписи высотой 0,04 м вырезаны глубоко и тщательно рукой опытного резчика. Строки ровные, хотя следов врезанных линеек не заметно. Остатки слов — во 2-й строке ἐκ θ[ε]μελίω[ν] и в 3-й строке τ]ῆν παρακ[ε]ί[μένην] — не оставляют сомнения в том, что надпись сообщала о каких-то строительных работах. Однако сохранившиеся ничтожные остатки ее позволяют установить лишь общий смысл, но не дают возможности сколько-нибудь надежно и связно восстановить текст.

Сохранившиеся нижние части трех букв в 1-й строке — Π, Ο и Θ — относились, видимо, к личному имени Πόθος. Это могло быть имя или отчество лица, которое было инициатором строительных работ, а может быть, и финансировало их из своих личных средств. Конец строки 1 и начало 2-й содержали название и, может быть, указание на обветшалое состояние того сооружения, которое пришлось восстанавливать или заново возводить „от основания“ — ἐκ θ[ε]μελίω[ν]. Глагол (ἀνήγειρε, ἀνωχόδμησε или ἐποίησε) следовал, вероятно, за словом ἐκ θ[ε]μελίω[ν]². Далее шла речь о каком-то другом сооружении, прилежавшем (τ]ῆν παρακ[ε]ί[μένην] к упомянутому вначале. Это второе сооружение также было построено или отремонтировано. В строках 4 и 5 были, по-видимому, указаны должность, имя и отчество лица, производившего строительные работы. Если бы это был эпимелет, то буквы ΟΝΟС в строке 4 должны были бы составлять конец личного имени в родительном падеже (δι ἐπιμελείας такого-то). Однако это невозможно, так как в таком случае перед Ν стояла бы Ω, а не Ο. Поэтому здесь скорее можно было бы предположить дополнение διὰ ἀρχιτέκ[το]νος „с помощью архитектора“, личное имя которого начиналось с буквы Π; от этой буквы в конце строки сохранилась верхняя левая часть. В строке 5 буквы ΥΨ — скорее всего, на-

¹ Краткий отчет о раскопках Нимфея за 1958 г. см.: В. М. Скуднова. Раскопки Нимфея в 1958 г. КСИА, вып. 83, 1961, стр. 59—65.

² Ср., например, надпись из Горгиппии (Т. В. Блаватская. Строительная надпись из Горгиппии. ВДИ, 1951, № 2, стр. 117; А. И. Болтунова. Надписи Боспора. ВДИ, 1959, № 4, стр. 102) и надписи: IPE II, № 47, 50, 352; IV, № 447.

чало личного имени (например, Ὑψ[ίγονος], Ὑψ[ικράτης]. В конце надписи была, по всей вероятности, указана дата по боспорской эре.

Трудно сказать, о каких сооружениях могла идти речь. Судя по характеру плиты (дорогой материал — мрамор, тщательная обработка, крупный и мастерски выполненный шрифт), надпись относилась к какому-то значительному общественному зданию, например храму (ναός), притвору храма (πρόναον) или гимнасию (γυμνάσιον). Здание это было воздвигнуто или восстановлено „от основания“. Что же касается второго сооружения, „прилегавшего“ к первому, то с ним, по конструкции фразы, должно было быть связано какое-то второе сказуемое, например ἐπεσχεύασε или ἐποίησε. В зависимости от женского рода причастия τ]ῆν παραχει[μένην, это второе сооружение могло быть домом (οἰκία), колодезем (κρήνη), портиком (στοά) или рыночной площадью (ἀγορά). Тщательная обработка оборотной стороны плиты указывает, что она не была встроена в стену, а поставлена отдельно и рассчитана на обозрение с двух сторон.

Рис. 40. Обломок плиты с надписью из Нимфея.

Высказанные здесь соображения о восстановлении текста надписи, разумеется, могут быть приняты лишь в значительной степени условно. В настоящее время, пока не найдены дополнительные обломки плиты или не раскрыты сооружения, о которых шла речь в надписи, восстановление ее текста может быть предложено лишь в следующем фрагментарном виде:

 -----Προθ[ου? -----
 ----ἐκ θ]εμελίω[ν ἀνήγειρεν? ----
 --καὶ τ]ῆν παραχει[μένην--
 -----ονος Π-----
 -----ΥΨ-----

Публикуемый обломок найден в раскопе В за стеной усадьбы античного времени, в культурном слое II в. н. э. Шрифт надписи вполне соответствует датировке культурного слоя. Это прекрасный образец того направления в лапидарном письме первой половины II в. н. э., которое использовало и развивало формы отдельных букв, заимствованных из курсива. В нашей надписи это — эпсилон, мю, сигма, омега. Строгость начертания остальных букв нарушается легким прогибом наклонных линий у ламбды, несколько укороченной левой вертикальной чертой пи и в одном случае несколько отогнутой внизу левой вертикальной чертой ню. По форме букв нимфейская надпись может быть ближе всего сопоставлена с хорошо датированным пантикапейским надгробием 133 г. н. э.³

³ В. В. Латышев. Эпиграфические новости из Южной России. ИАК, вып. 10, 1904, стр. 59, № 60 (с приложением фото).

При большом сходстве форм букв надпись надгробия, вырезанная в рыхлом крупнозернистом известняке, отличается от нимфейской некоторой небрежностью выполнения и меньшим искусством резчика. Этим следует объяснить, что формы букв надгробия несколько угловаты, менее правильны. Кроме того, отличается форма эpsilon. На пантикапейском надгробии поперечная черточка эpsilon соединяется с верхним концом дуги, образуя сомкнутый полукруг⁴. В нимфейской надписи концы дуги с горизонтальной чертой не соединяются⁵. По характеру письма нимфейская надпись должна быть отнесена ко второй четверти II в. н. э. Надпись эта — единственная из известных до настоящего времени нимфейских надписей, посвященных строительству. Она представляет ценный документ, свидетельствующий, что и во II в. н. э., в период значительного сокращения торговых связей со Средиземноморьем⁶ и начавшейся рустификации города, в Нимфее производилось строительство общественных зданий и к работе привлекались высококвалифицированные мастера, искусные резчики надписей.

---

⁴ Как, например, в надписях IPE II, № 401 — времени Савромата I или ИАК, вып. 10, 1904, стр. 82, № 94 — 130 г. н. э.

⁵ Как в надписях ИАК, вып. 45, стр. 9, № 1 — времени правления императора Адриана, или IPE II, № 301 — 129 г. н. э., в которой встречаются одновременно обе упомянутые формы эpsilon.

⁶ М. М. Худяк. Предварительные итоги раскопок последних лет в Нимфее. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 87.

И. Г. ШУРГАЯ

ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ РЕЛЬЕФНЫЕ КУБКИ
ИЗ МИРМЕКИЯ

Среди обилия разнообразной керамики, полученной в процессе многолетних раскопок боспорского города Мирмекия, есть серия фрагментов, относящихся к эллинистическому времени. Это обломки сосудов, украшенных налепным рельефным узором и покрытых лаком, варьирующим в цвете от оливково-черного, буро-черного до яркого оранжево-красного с интенсивным блеском. В указанной группе керамики, происходящей из позднеэллинистических, «предримских» слоев, справедливо усматривается продукция Пергама или его окружи. Как правило, это обломки так называемых канфарообразных кубков на низком кольцевом поддоне, широких и невысоких, с расширяющимся книзу туловом; более поздние образцы, как будет показано ниже, отличаются другими пропорциями — они обладают меньшим диаметром и большей высотой тулова. Типичным образцом сосудов этого вида можно считать кубок, хранящийся в Керченском музее¹. Его тулово с отвесными стенками слегка вздуто внизу и округло переходит ко дну, снабженному подставкой. У кубка сохранилась только часть ручки (бывшей, видимо, со щитком), часто отмечаемой на подобных сосудах из Пергама (рис. 41 — 1)².

Поверхность сосуда украшена крупными масками³. Лак внутри красный, снаружи буро-черного цвета у венчика и оранжево-красного с пятнами книзу; глина розовато-желтая. Рассмотренный сосуд дает представление о наиболее распространенной форме пергамских «канфарообразных» кубков. Касаясь их датировки, отметим, что они происходят из слоев с позднеэллинистическим материалом — поздней тусклой чернолаковой керамикой, фрагментами синопских амфор II—I вв. до н. э. и другими видами сосудов того же времени. Выше идет слой с находками конца I в. до н. э. и первых веков нашей эры. Керамика с орнаментом en barbotine отмечается как в слое, лежащем выше слоя, содержащего обломки рельефных кубков, так и вместе с ними, особенно если учесть мешаный в ряде случаев характер слоев⁴. Керамика с налепными рельефными украше-

¹ К 7740. Сведения о времени и месте находки сосуда отсутствуют.

² Этого типа ручки канфаров А. Конце называет Stützhengel, справедливо отмечая, что они представляют подражание ручкам металлических сосудов (см.: А. Conze. Pergamon, 1, 2, стр. 271). Т. Н. Книпович приводит все разновидности ручек этого типа (см.: Т. Книпович. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. Materialien zur römisch-germanischen Keramik, IV, Frankfurt a. M., 1929, стр. 28, рис. 6).

³ Ср.: F. Courby. Les vases grecs à reliefs. Paris, 1922, стр. 458, рис. 100, а и в.

⁴ Подобное явление отмечено и в Ольвии: участок Ез, яма 28. Канфарообразный кубок (О/53-864) без рельефного узора найден в комплексе, содержащем материал конца I в. до н. э. и I в. н. э., в том числе и керамику с орнаментом en barbotine.

ниями появляется, очевидно, около середины II в. до н. э. Ф. Курби определяет начало и конец ее производства в Пергаме периодом 150—50 гг. до н. э.⁵ Стратиграфические данные Мирмекия в основном не противоречат этой датировке. Однако наиболее поздние варианты рельефных кубков, как будет показано ниже, представляется возможным датировать временем и позднее 50 г. до н. э.

Изучение формы сосудов, когда это можно, и декора приводит к убеждению, что мы имеем дело с различными вариантами этого вида рельефной керамики, относящимися к разному времени.

Из материалов Мирмекия удалось выделить около 20 фрагментов кубков, украшенных «эротическими сценами», вакхическими изображениями, а также растительным декором. Подобная тематика исчерпывает собой запас сюжетов пергамских гончаров периода позднего эллинизма. Это своеобразное оскудение художественного вкуса, прослеживаемое повсеместно в разных областях прикладного искусства эпохи эллинизма, сказалось здесь особенно заметно.

Рассмотрим некоторые обломки рельефных кубков из Мирмекия, чтобы на их примере составить общую картину вариантов керамики этого типа.

Хронологически более ранней нам кажется группа фрагментов, украшенных эротическими сценами. Интересен обломок толсто-стенного кубка, покрытого коричнево-черным лаком снаружи и оранжево-красным внутри⁶. Сосуд украшен рельефом, изготовленным отдельно в форме и прилепленным к стенке перед обжигом. Такого рода изображения на сосуде было

Рис. 41. Кубки с наклепными рельефными украшениями.

1 — из Керченского музея; 2 — из Эрмитажа

несколько (рис. 42—1)⁷. Характерная для пергамских изделий розовато-желтая глина с мелкими темными вкраплениями отмечается и на публикуемом фрагменте⁸. Поперечный разрез показывает, что, расширяясь книзу, тулово сосуда как бы прогибалось внутрь в средней части.

На втором фрагменте с рельефным декором аналогичного содержания

⁵ Ф. Соулбу. Указ. соч., стр. 482.

⁶ M/56-1218.

⁷ А. Конце отмечает, что подобный мотив был особенно излюбленным в Пергаме (см. А. Конце. Указ. соч., стр. 276). Ср.: S. Loeschke. Sigillata-Töpferien in Tschandarli. Atteniscne Mitteilungen, XXXVII, 1912, стр. 385; Ф. Соулбу. Указ. соч., стр. 381.

⁸ А. Конце именно так описывает особенности пергамской глины, отмечая хорошую промывку ее гончарами, в результате чего в изобилии наблюдаемые в сыром материале блестящие слюды в готовых изделиях отсутствуют. Для изготовления рельефных налепов нередко использовалась глина, которую добывали в горах в окрестностях Пергама. А. Конце удалось побывать в этих местах и познакомиться с месторождением глины, которое эксплуатировалось и в его время. Глина была желтого цвета, и на некоторых фрагментах, происходящих из Мирмекия, рельефы изготовлены именно из этой глины (см. А. Конце. Указ. соч., стр. 255).

также видно, что тулово, расширяясь книзу, сужается посредине (рис. 42—2)⁹. В нижней части по наружной поверхности нанесены две крупные углубленные линии. Сосуд покрыт черно-коричневым лаком со слабым блеском снаружи и оранжево-красным внутри. Рассмотренные обломки принадлежат наиболее ранним вариантам пергамских рельефных кубков. Характерная особенность их — усложненная профилировка тулова, расширяющегося в нижней части и слегка сужающегося посредине; иногда тулово дополнительно, орнаментируется углубленными поясками¹⁰. Вероятная дата таких кубков — середина II в. до н. э.

К тому же времени следует отнести фрагмент небольшого кубка из светло-желтой глины, покрытого тусклым черным лаком снаружи и оранжево-красным внутри (рис. 42—3)¹¹. Рельеф, украшающий сосуд, изображает, по-видимому, Геракла, борющегося со змеями. Опираясь на правое колено, он обеими руками душит змей¹².

Более крупных размеров был кубок, от которого сохранился фрагмент с рельефом, изображающим спящего силену (рис. 42—4)¹³. Закинув за голову правую руку, силен левой рукой обнимает наполненный вином бурдюк. Насколько возможно судить о профилировке сосуда, он приближался к приведенному выше канфару из Керченского музея. Характерная особенность — расширенное в нижней части округлое тулово и слегка скошенные внутрь прямые станки. Тулово в нижней части не прогибалось так, как это отмечено на аналогичных фрагментах. Очевидно, сосуд можно считать примером более поздних вариантов кубков, характеризующихся более упрощенной профилировкой тулова.

По-видимому, к еще более позднему варианту следует отнести фрагмент, украшенный крупным рельефным налепом, в котором отчетливо проступает изображение женской фигуры, менее четко нога лошади и мужская фигура (силен?) (рис. 42—5)¹⁴. Розово-желтая пергамская глина сочетается со светло-оранжевым лаком с золотистым отливом. Налеп массивный, детали рельефа нечетки, расплывчаты. Аналогию форме и орнаменту составляет сосуд из собрания Гос. Эрмитажа¹⁵. Любопытна вытянутая форма сосуда, имеющего высоту 9,5 см. Тулово слегка расширяется книзу, нижняя часть резко скошена ко дну на подставке (рис. 41—2). Боковая поверхность была украшена двумя рельефными налепами, из которых сохранился один, весьма выпуклый, но нечеткий. Рельеф изображает обнаженную менаду, сидящую на осле спиной к зрителю. Упирающегося осла, обхватив руками за шею, с усилием увлекает силен. Сосуд покрыт светлым оранжево-красным лаком с золотистым отливом. Форма сосуда с подчеркнутой угловатостью профиля, заметно удлинённая, указывает на его позднюю по сравнению с другими типами рельефных кубков дату. Следует отметить, что аналогичная форма сосуда (без рельефных украшений) наблюдается среди краснолаковой керамики первых веков нашей эры¹⁶. В материалах из раскопок Нимфея 1956 г. из слоя II в. н. э. есть кубок, довольно близкий по форме вышеописанному¹⁷.

⁹ М/56-1611.

¹⁰ Образец подобной формы см.: А. Conze. Указ. соч., стр. 270, рис. 28. А. Конце не датирует эту разновидность, однако характер лакового покрытия, углубленная линия у поддона свидетельствуют о наиболее раннем образце формы.

¹¹ М/56-580; опубликован В. Ф. Гайдукевичем (см.: В. Ф. Гайдукевич, Мирмекий, II. Варшава, 1959, стр. 77, рис. 84).

¹² Кубок, украшенный аналогичным рельефом, опубликован Дж. Рихтер (см.: G. M.-A. Richter. Handbook of the Greek Collection. The Metropolitan Museum of Art, Harvard University Press, 1953, стр. 132, табл. III, b).

¹³ М/56-1595.

¹⁴ М/58-149.

¹⁵ Б 3270; сосуд происходит из Керчи, место находки неизвестно (покупка).

¹⁶ Т. Knipowitsch. Указ. соч., табл. III, 37.

¹⁷ Н/56-20.

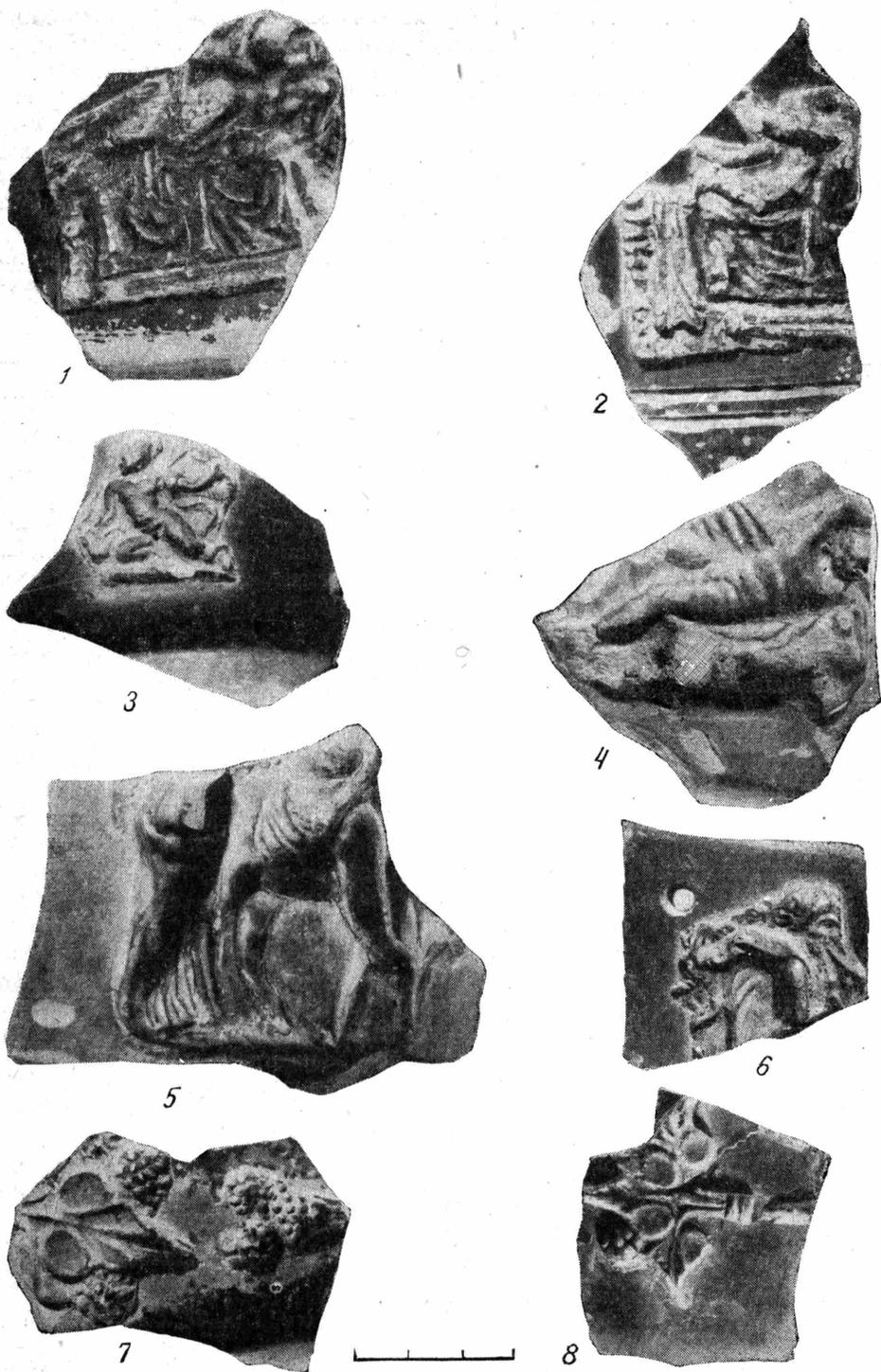

Рис. 42. Фрагменты кубков с рельефными изображениями из Мирмекия.
 1, 2 — кубки с налпами, изображающими эротические сцены; 3 — с изображением Геракла, борющегося со змеем; 4, 5, 6 — с фигурой силена; 7, 8 — с растительным орнаментом

Обломок небольшого кубка, украшенного рельефом, изображающим силена, играющего на свирели, покрытый внутри и снаружи глянцевитым оранжево-красным лаком, также относится к поздним вариантам пергамских рельефных кубков (рис. 42—6)¹⁸. Тонкостенность и характер плотного оранжево-красного лака приближают фрагмент к краснолаковой керамике середины — конца I в. до н. э. На мысль о сравнительно поздней дате сосуда наводят и данные стратиграфии: фрагмент найден с обломками синопских амфор II—I вв. до н. э., реберчатыми ручками амфор «римского» времени и фрагментами керамики с орнаментом en barbotine.

Особого внимания заслуживают растительные мотивы в рельефном декоре позднеэллинистических пергамских кубков. Как правило, это гирлянды из листьев и плодов плюща, увязанных пучками по три, с плодами между листьями. Такая система растительной орнаментации была особенно популярна в Пергаме¹⁹. На найденных в Мирмекии обломках рельефных кубков наблюдаются две разновидности орнамента этого типа. На одном фрагменте, покрытом буро-черным лаком, украшение состоит из пышных листьев плюща, исполненных в натуралистической манере (рис. 42—7)²⁰. На другом, покрытом ярким оранжево-красным лаком, близким по характеру ранним образцам краснолаковой керамики первых веков нашей эры, растительный орнамент более стилизован: пучки плюща мельче, детали отработаны суше, схематичнее (рис. 42—8)²¹. Очевидно, однотипные кубки с такой рельефной орнаментацией изготавливались в более позднее время²². Т. Н. Книпович отмечает, что из этой системы растительного декора позднее развивается орнамент типа en barbotine²³.

Итак, следует заключить, что канфарообразные кубки с растительными мотивами существуют вплоть до раннеримского времени, когда на их основе зарождается характерная для этой эпохи принципиально новая система рельефного орнамента.

Фрагменты позднеэллинистических рельефных кубков из Мирмекии показывают, что они в своей массе неоднородны, распадаясь на две хронологические группы. Первая, более ранняя (вторая половина II в. до н. э.) характеризуется усложненной профилировкой. Дальнейшее развитие формы ведет к ее упрощению. Округлое в нижней части тулово сосуда под углом слегка скошено внутрь. Наиболее же поздние образцы дают тонкостенные сосуды совершенной формовки. С небольшими изменениями переходящая в ранние варианты краснолаковой керамики «римского» времени указанная форма сосуда существует с другой, более поздней: кубками удлинённых пропорций с резко скошенной к поддону нижней частью тулова. Развитие формы сопровождается и изменениями в характере лакового покрытия. Наружная поверхность наиболее ранних образцов покрыта оливково-черным или коричнево-бурым лаком с красными подтеками, поздние же варианты сплошь покрываются плотным слоем глянцевитого красного лака.

Рассмотрение рельефных кубков Мирмекиа, которые были продукцией пергамских мастерских II—I вв. до н. э., подтверждает значительную роль Пергама в торговых сношениях с Боспором в период позднего эллинизма.

¹⁸ М/60-469.

¹⁹ Ср.: F. Courby. Указ. соч., стр. 382.

²⁰ М/49-404.

²¹ М/49-207.

²² Указанные три фрагмента происходят с пола помещения середины — конца II в. до н. э. (см.: В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки и Мирмекиа в 1946—1952 гг. МИА, № 85, стр. 199). Поздний тип фрагмента М/49-207, стилистические особенности которого отличаются от других, аналогичных, не противоречит всей массе находок из этого слоя. Наряду с пантикапейскими монетами II в. до н. э. в слое найдена монета первой четверти I в. до н. э. Видимо, данный фрагмент следует отнести именно к этой дате.

²³ Т. Книпович. Указ. соч., стр. 27.

IV. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРОВ И ГРУПП
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

1. СЕКТОР АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ в 1961 г.

В основе работы сектора античной археологии в течение 1961 г. были две проблемы: 1) закономерности исторического развития античного города (полиса), 2) взаимоотношения античных городов Северного Причерноморья с местными племенами.

Сектором подготовлен к печати сборник «Античный город» на основе докладов, сделанных на конференции в 1960 г. (ред. А. И. Болтунова)¹. Статьи, собранные в нем, освещают историю возникновения и развития античного города Средиземноморья и Причерноморья на основе новейших археологических открытий и исследований. Большинство статей посвящено вопросам экономики и культуры.

Подготовлен к печати другой сборник, посвященный раскопкам в Аполлонии Иллирийской и в Орике (ред. В. Д. Блаватский). Сборник включает исследования и описания крепостных сооружений, жилых кварталов, большого перистильного дома с мозаичными полами и многочисленных произведений мраморной скульптуры Аполлонии, а также театра в Орике.

Вышли из печати монографии И. Б. Зеест «Керамическая тара Боспора» — свод типов амфор, встречающихся на Боспоре, и рассмотрение их как источника для суждения о производстве и торговых связях Боспора, М. М. Кобылиной «Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории», рассматривающая терракоты в их историческом развитии как изделия ремесла коропласта, как предметы культа и произведения искусства; выделено местное производство и наиболее яркие привозные терракоты.

В связи с изучением античного города в 1961 г. работало несколько археологических экспедиций. Подводная экспедиция (рук. В. Д. Блаватский)² произвела разведки размытой водой лимана части города Ольвии; установлена ширина затопленной части и примерное расположение береговой линии античного города, позволяющее полагать, что размеры древней Ольвии были значительно больше, чем это до сих пор считалось. Таманская экспедиция (рук. Н. И. Сокольский) провела широкие работы по исследованию некрополя города Келы (на средства Пескокарьера)³.

¹ О конференции «Античный город» см.: СА, 1961, № 2, стр. 170—177.

² См. статью Б. Г. Петерс в настоящем сборнике.

³ См. статью Н. П. Сорокиной в настоящем сборнике.

раскопаны могилы от VI в. до н. э. по первые века нашей эры с разнообразным инвентарем и надгробными памятниками, характеризующие культуру города; кроме того, велась раскопки самого города: исследован оборонительный вал, открыта винодельня II в. н. э., обнаружена мраморная голова юноши конца VI в. до н. э.; находки имеют важное значение для понимания древней культуры Боспора. Анапский отряд (рук. И. Т. Кругликова) производил охранные раскопки в Анапе (античной Горгииппии) в связи с ростом городского строительства; здесь открыты впервые в Анапе остатки гончарных мастерских II в. до н. э. и части жилых домов III—II вв. до н. э.⁴

С исследованием античного города, его экономики, производства, строительства и культуры связаны большие переходные темы сектора: К. А. Качурис по теме «Элевсин в эпоху бронзы» написал статью «Детские погребения в Элевсине и вопрос о терраковых статуэтках в погребальном инвентаре»; М. М. Кобылина продолжала работать над темой «Милет и Северное Причерноморье в VII—VI вв. до н. э.»; В. Д. Блаватский — над темой «Город Пантикапей — столица Боспорского государства»; Н. И. Сокольский продолжал исследование ремесла деревообработки на Боспоре.

Велась работа по подготовке сводов источников по археологии Северного Причерноморья: В. Д. Блаватский и А. И. Болтунова — по своду «Культы Северного Причерноморья», И. Б. Зеест — «Гончарное дело Боспора», М. М. Кобылина — «Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья», Г. А. Цветаева и К. А. Качурис — «Погребальный обряд на Боспоре».

Существенным дополнением к изучению античного города Северного Причерноморья служат разведки и раскопки хоры европейской и азиатской. И. Т. Кругликова раскопала часть сельского поселения III в. н. э. у д. Семеновки (на Керченском полуострове)⁵; здесь открыты жилые кварталы, расположенные на террасах, и некрополь первых веков нашей эры; обнаружены остатки поселения эллинистического времени. Н. И. Сокольский открыл на Фонталовском полуострове укрепленные сельские поселения, входившие в систему обороны Боспора.

Одну из сторон проблемы взаимоотношений античного города с местными племенами, в частности с сарматами, освещает книга Д. Б. Шелова «Некрополь Танаиса» — исследование погребального обряда и могильного инвентаря на материале раскопок Танаиса 1955—1958 гг. Раскопки Танаиса в 1961 г.: исследования оборонительных стен и жилых кварталов — позволили выдвинуть предположение о существовании двух Танаисов: сарматского и эллинского.

Н. А. Онайко вела работу по теме «Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в VII—II вв. до н. э. с племенами Приднепровья».

Сотрудниками сектора опубликованы за 1961 г. 26 статей (из них 12 в иностранной прессе), связанных с вышеуказанными проблемами, и сдано в печать 28 статей.

На заседаниях итоговой сессии археологических работ в 1960 г. прочтены доклады: В. Д. Блаватского «Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции в 1960 г.», «Раскопки Албанской экспедиции в 1959—1960 гг.»; М. М. Кобылиной «Раскопки Фанагории в 1959—1960 гг.»; Н. И. Сокольского «Раскопки в Кепях»; И. Т. Кругликовой «Раскопки в Семеновке».

На заседаниях сектора ряд докладов был посвящен экспедициям 1960 и 1961 гг. В других докладах говорилось о новых источниках по истории

⁴ См. статью И. Т. Кругликовой и Г. А. Цветаевой в настоящем сборнике.

⁵ Итогам семилетних раскопок у д. Семеновки посвящена статья И. Т. Кругликовой в настоящем сборнике.

и истории культуры Северного Причерноморья. В. Д. Блаватский доложил о ранее не привлекавшем внимания исследователей свидетельстве Евмена (VIII в. до н. э.) о музее Борисфениде, что позволяет заключить, что Борисфен был уже известен в это время. М. М. Кобылина сделала доклад о мраморном рельефе из Фанагории, который определяется как часть надгробной стелы с изображением мужской фигуры, находит аналогии среди лучших ионийских рельефных плит рубежа VI—V вв. до н. э. и служит ярким свидетельством ионизированной культуры древней Фанагории. В другом докладе М. М. Кобылиной предметом исследования была портретная голова местного жителя, которая определена как памятник местной боспорской скульптуры IV в. до н. э. высокого качества исполнения. Д. Б. Шелов в докладе «Тира и Митридат Евпатор» привел данные, свидетельствующие о включении Тире в сферу влияний понтийской державы при Митридате Евпаторе. А. И. Болтунова доложила о некоторых выводах по истории Танаиса на основании материалов последних раскопок. В результате длительной работы над боспорскими надписями А. И. Болтунова сделала доклад по истории шрифта, составленный совместно с Т. Н. Книпович, с демонстрацией таблицы развития шрифта, дающих возможность более точной датировки многих эпиграфических документов. Н. А. Онайко доложила о средневековых сосудах Раевского городища.

Аспирант Г. А. Кошеленко участвовал в раскопках в Средней Азии (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона.

Совместно с сектором скифо-сарматской археологии был заслушан доклад И. С. Каменецкого о светлоглиняных амфорах Нижне-Гниловского городища⁶.

В исследовательской и экспедиционной работе античного сектора принимали участие научные сотрудники Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина; сделали доклады: А. А. Сидорова «Обзор последних раскопок в Средиземноморье» и «Новые открытия в области эгейского искусства», А. К. Коровина «Музеи ФРГ» (информация о положении музейного дела и состоянии публикаций памятников в Федеративной Республике Германии); сотрудник ГИМ Н. П. Сорокина участвовала в экспедиции по раскопкам Кеп и его некрополя. Подводная экспедиция В. Д. Блаватского (разведка дна Бугского лимана) происходила с участием членов клуба МЭИ и МГУ (доцент В. И. Кузищин).

На годичном заседании Одесского археологического общества Д. Б. Шелов сделал доклад «Митридат VI и Тира».

На конференции по технике подводных исследований, в которой участвовали все исследовательские и хозяйственные учреждения СССР, ведущие подводные работы, В. Д. Блаватский сделал сообщение о подводной археологической экспедиции ИА АН СССР.

В течение года сектор уделял большое внимание популяризации научных знаний в области античной археологии как на местах раскопок, так и в Москве (экскурсии, лекции и беседы, статьи в газетах, информации по радио).

Вышла из печати научно-популярная книга Д. Б. Шелова и Н. Я. Мерперта «Древности нашей земли» и брошюра Д. Б. Шелова «Танаис». Сданы в печать работы В. Д. Блаватского и Г. А. Кошеленко «Открытие затонувшего мира» и М. М. Кобылиной «Древний город Фанагория». Издано написанное В. Д. Блаватским учебное пособие по археологии Северного Причерноморья «Античная археология».

М. М. Кобылина.

⁶ См. статью И. С. Каменецкого в КСИА, вып. 94.

В 1960 и 1961 гг. коллектив Группы античной археологии продолжал работу над изучением истории и культуры античных государств на территории СССР в плане разрешения проблемы «Основные этапы и закономерности развития рабовладельческих отношений». Основным источником для решения проблемы как и в предыдущие годы, служил материал, полученный в результате раскопок античных городов Северного Причерноморья. Кроме того, сотрудники группы в исследовательской работе широко пользовались ранее собранными археологическими материалами.

Часть сотрудников — Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, А. Н. Карасев, И. Б. Брашинский — работала над исследованием истории и истории культуры античного города Ольвии. В результате завершен коллективный труд «Ольвия. Теменос, агора», объемом в 35 а. л., посвященный исследованию и публикации материалов раскопок ольвийской агоры и прилегающего к ней теменоса. В вводной статье Е. И. Леви «Раскопки ольвийского теменоса и агоры» дается общий обзор результатов многолетних раскопок этого участка города. Этим же автором написаны две статьи: «Материалы ольвийского теменоса» и «Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры». В первой статье дается исследование материалов, представляющих имущество храмов, посвящения и приношения ольвийских граждан главным божествам Ольвии — Аполлону Дельфинию, Зевсу, Афине, Кибеле. Делаются интересные выводы в области религиозной жизни Ольвии, а также в области экономических связей города с другими центрами античного мира. Автором впервые выделена группа терракот местного производства — изображений античных божеств — Деметры, Кибелы и др. Во второй статье дается исследование находок из общественного водоема, имеющее важное значение для установления датировок малоизученных памятников античной культуры. Очень важны выводы автора в области изучения керамической эпиграфики. Им вводятся существенные поправки и дополнения в систематизацию и датировку амфорных клейм Синопы и Родоса, уточняется хронология эпонимов и фабрикантов Родоса.

А. Н. Карасев в обширной статье «Монументальные памятники ольвийского теменоса» восстанавливает план священного участка Ольвии и дает реконструкцию находившихся на нем сооружений — храма Аполлона Дельфиния, храма Зевса, монументальных алтарей-жертвенников, священной ограды. К статье прилагаются чертежи восстановления архитектурных сооружений, выполненного на высоком научном и техническом уровне.

И. Б. Брашинский в статье «Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры» выявляет среди массы синопских черепиц особую группу ольвийского производства, выясняет отдельные виды черепиц и дает реконструкцию здания на ольвийской агоре. Автором делаются также важные выводы об экономических связях Ольвии с Синопой в различные хронологические периоды.

Начата работа над вторым томом «Трудов», для которого А. Н. Карасев заканчивает в настоящее время статью «Большая стоя» — один из разделов его работы «Монументальные памятники ольвийской агоры».

Т. Н. Книпович, Е. И. Леви и И. Б. Брашинский работали над составлением сборника «Новые и избранные ольвийские надписи». Сборник задуман как дополнение к труду В. В. Латышева ИРЕ, I² и будет включать все надписи, найденные на территории Ольвии после 1916 г., не вошедшие в издание В. В. Латышева, а также некоторые из изданных, но требующие новой интерпретации.

По тематике, связанной с изучением истории и культуры Боспора, работали В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова и И. Г. Шургая.

В. Ф. Гайдукевич работал над обширной монографией «Культура городов Боспора». В течение двух последних лет им написано два раздела: «Мирмекий в эпоху эллинизма» и «Памятники монументальной архитектуры Боспора». В первом разделе автором дается картина жизни боспорского города Мирмекия на всем протяжении его существования, от VI в. до н. э. по III в. н. э. На основе многолетних раскопок автор воссоздает историю города, планировку его кварталов в различные хронологические периоды, определяет экономическое лицо города как одного из винодельческих центров Боспора. Во втором разделе дается исследование монументальных подкурганых сооружений Боспора, впервые тщательно обмеренных под руководством автора, и делаются интересные выводы о происхождении боспорских склепов с уступчатым покрытием, архитектура которых — продукт творческой переработки на месте древнейших архитектурных традиций греческого художественного творчества.

М. И. Максимова продолжала работать над исследованием одного из замечательных памятников Боспора — Артюховского кургана. Работа эта закончена автором и в настоящее время уже сдана в печать. Автор критически пересмотрел существовавшую ранее датировку кургана (III в. до н. э.), убедительно датируя его серединой II в. до н. э. В работе дается очерк истории исследования кургана и подробно изучаются отдельные группы материалов из его погребений, делаются важные выводы об экономических и культурных связях Боспора в эпоху эллинизма, а также по истории его художественного ремесла.

И. Г. Шургая работал над темой «Мегарские чаши» (по материалам Боспорской экспедиции). Написаны две главы — о делосской и местной группах рельефной керамики, встречаемой при раскопках боспорских городов.

М. А. Наливкина написала работу «Амфоры первых веков н. э. из раскопок Херсонеса». Автор классифицировал материал по отдельным центрам производства и выделил отдельные типы в хронологическом порядке. Тем же автором написана работа «Юго-восточный участок раскопок Танаиса» (публикация материалов раскопок этого участка).

А. Л. Якобсон закончил многолетнюю работу «Средневековый Крым». научно-популярный труд, охватывающий историю и историю культуры Крыма с V по XV в. н. э.

Сотрудники группы периодически отчитывались в своей работе на заседаниях группы. Кроме того, на заседаниях группы ставились доклады лиц из других научных учреждений, и доклады зарубежных ученых.

Ю. С. Крушкол (Москва) — Синдская золотая монета Государственного исторического музея; А. П. Иванова (Симферополь) — Неизданные скульптурные фрагменты Херсонесского музея; В. Н. Анлоев (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) — Цена земли в Аттике IV в. до н. э.; О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси) — 1) Римские (италийские) бронзовые изделия, найденные на территории Грузии, 2) Раскопки в Пипунде и Сухуми в 1959 г.; А. И. Фурманская (Киев) — Раскопки Тиры 1959—1960 гг.; И. А. Фюнджало — Раскопки в с. Планерское в 1959—1960 гг.; Л. П. Харко (Москва) — Ольвийские монеты; С. Димитриу (Румыния) — История архаической Истрии по данным новых раскопок; П. Александеску (Румыния) — О характере курганного некрополя Истрии; А. Н. Кирпичников (Группа славяно-русской археологии) — О находках предметов вооружения в кургане 13, открытом Кобяковской экспедицией в 1960 г.; И. В. Богданова-Березовская (химическая лаборатория) — Результаты анализа бронзовых изделий из раскопок Кобяковской экспедиции; Л. И. Лавров (Институт этнографии) —

О социальном строе племен Прикубанья в античную эпоху; С. Ф. Стржеleckий (Херсонесский музей) — Последние работы по исследованию юго-восточной части оборонительных сооружений Херсонеса; Н. И. Сокольский (Москва) — Крепость на городище у хутора Батарейка на Таманском полуострове; П. Н. Шульц (Симферополь) — О кладе боспорских монет, найденных близ Судака в 1959 г.; О. Д. Дашевская (Москва) — Раскопки Южного Донузлавского городища; П. О. Карышковский (Одесса) — Ольвийские монеты из раскопок 1953—1959 гг.; Э. И. Соломоник (Симферополь) — О чтении нескольких херсонесских надписей.

Кроме научно-исследовательской работы, группой проводились следующие экспедиционные работы.

Боспорская экспедиция (нач. В. Ф. Гайдукевич) продолжала исследование античных городов Илурата и Мирмекия на Керченском полуострове. В Мирмекии выявлены строительные комплексы V в. до н. э., сопровождавшиеся обильными находками керамического материала и монет этого периода. Продолжалось исследование культурных напластований эллинистического периода, и собран обильный материал, в том числе найден клад пантикапейских монет первой половины III в. до н. э. и ряд терракот с остатками полихромной росписи, отличающихся высоким уровнем художественного исполнения. Открыты также остатки зданий римского и средневекового времени, винодельня II в. н. э. В результате работ 1960—1961 гг. значительно расширена вскрытая раскопками территория города.

В Илурате продолжалось раскрытие оборонительной стены западной части города и прилегающего к стене жилого квартала. Помимо стационарных работ, экспедиция произвела археологическое обследование южного берега Крыма в районе поселков Планерское, Судака и мыса Ай-Тодор, что дало ряд новых интересных материалов по истории Крыма в античную эпоху.

Кобяковская экспедиция (нач. С. И. Капошина) продолжала раскопки Кобякова городища на Дону. Экспедицией были раскопаны также 10 курганов сарматской эпохи и эпохи бронзы.

На территории городища закончено изучение жилищ эпохи бронзы, в том числе большой многоочажной землянки с впущенными в материк каменными стенами, относящейся к раннему этапу эпохи бронзы (Кобяково 1). При исследовании слоев первых веков нашей эры раскрыты жилые постройки, зерновые ямы, гончарная печь и остатки рыбокоптильни, при расчистке которой выявлены новые строительные приемы и применение строительного материала, ранее не встреченного на Кобяковом городище. На территории грунтового могильника, принадлежащего городищу, за два года открыто 63 погребения первых веков нашей эры.

На строительстве Новочеркасской ГРЭС и Упрвинпрома Ростовского совнархоза раскопаны четыре кургана эпохи бронзы с погребениями ямной и катакомбной культур и два кургана сарматских. В последних встречены остатки тризны с бронзовыми сосудами художественной работы.

Ольвийская экспедиция (нач. Е. И. Леви) продолжала работы по исследованию античного города Ольвии. Работы сосредоточены были на территории агоры и примыкающего к ней теменоса. Раскопан весь участок теменоса с остатками находившихся на нем храмов Аполлона Дельфиния и Зевса и ряд зданий на агоре. Выявлена также гидротехническая система агоры, с водоемом и каменным водопроводом. Впервые раскопаны на агоре самые ранние строительные сооружения, относящиеся к VI—началу V в. до н. э. В результате этих работ получены новые данные по истории ольвийской агоры и теменоса на всем протяжении их существо-

вания. Получен обширный материал, дающий возможность сделать выводы о торговых связях Ольвии, о политической и культурной ее жизни. Особо выдающейся находкой можно считать мраморный рельеф со сценой трапезы и посвятительной надписью, в которой упоминается коллегия ситонов, до сих пор не известная в Северном Причерноморье.

Средневековый отряд Крымской экспедиции (нач. А. Л. Якобсон) продолжал исследование раннесредневековых сельских поселений в юго-западном Крыму. Закончены раскопки поселения VIII—IX вв. близ с. Поляны и начаты раскопки на мысу Пампук-Кая близ с. Голубинка, где открыт трехнефный храм VI—VII вв.

Е. Г. Кастанаян

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ЗООА — Записки Одесского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика
СА — Советская археология
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
АА — Archäologischer Anzeiger
ВСН — Bulletin de Correspondance Hellénique
Ios. Ant. — Iosephus Flavius. Antiquitatum iudaicarum. В изд.: Flavii Iosephi Opera edidit et apparatus critico instruxit B. Niese, vol. 4, Berolini, 1890
IPE = IOSPE — Inscriptiones antiquae Septentrionalis Ponti Euxini
RE = Pauly Wissowa. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
SIG — W. Dittenberger. Sylloge Inscriptionum Graecarum

СОДЕРЖАНИЕ

I. Итоги и задачи

И. Б. Эзест. Античный город Северного Причерноморья	3
---	---

II. Доклады и дискуссии

Е. И. Леви. Две ольвийские надписи с упоминанием храма Аполлона	7
Т. Н. Книпович. Два фрагмента мраморных плит с греческими надписями из Ольвии	13
И. Б. Брашинский. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной.	20
В. Ф. Гайдукевич. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия	25

III. Полевые и лабораторные исследования

А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории	33
И. Т. Кругликова. Итоги семилетних раскопок поселения у д. Семеновки.	43
Н. И. Сокольский. Раскопки городища Кепы в 1961 г.	52
Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г.	60
И. Т. Кругликова и Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе	66
Н. А. Онайко. Раскопки Аполлонии Илирийской в 1959—1960 гг.	72
Г. А. Кошеленко. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г.	79
Б. Г. Петерс. О подводных археологических работах в Ольвии.	83
И. Д. Марченко. Некоторые итоги раскопок на Майской горе.	86
Д. Б. Шелов. Исследования Танаиса в 1961 г.	91
М. М. Кобылина. Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг.	97
А. И. Болтунова. Строительная надпись из Нимфея.	104
И. Г. Шургая. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия	107

IV. Хроника

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР	112
1. Сектор античной археологии в 1961 г. (М. М. Кобылина)	112
2. Группа античной археологии ЛОИА в 1960—1961 гг. (Е. Г. Кастанаян)	115
Список сокращений.	119

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии, вып. 95

Памятники античного времени по исследованиям советских археологов

Утверждено к печати
институтом археологии АН СССР

Редактор Издательства Воробьева М. Г. Контрольный редактор С. Т. Полова
Технический редактор Н. А. Макоимова

Сдано в набор 11 VII 1963 г. Подписано к печати 11/XI 1963 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 7,5=10,27 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 1000 экз. Т-12674. Изд. № 1953. Тип. зак. № 293.

Цена 58 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

стр.	строка	напечатано	должно быть
7	23 сн.	[vo	[vos
7	12 сн.	σταα[	σταθ[
9	15 св.	τῶν[ιερῶν. . .	τῶν[ιερῶν. . .
9	7 сн.	. . .ταρνία]ς ἰῶν	. . .ταμία]ς τῶν
17	12 сн.	φανόω	στεφανόω